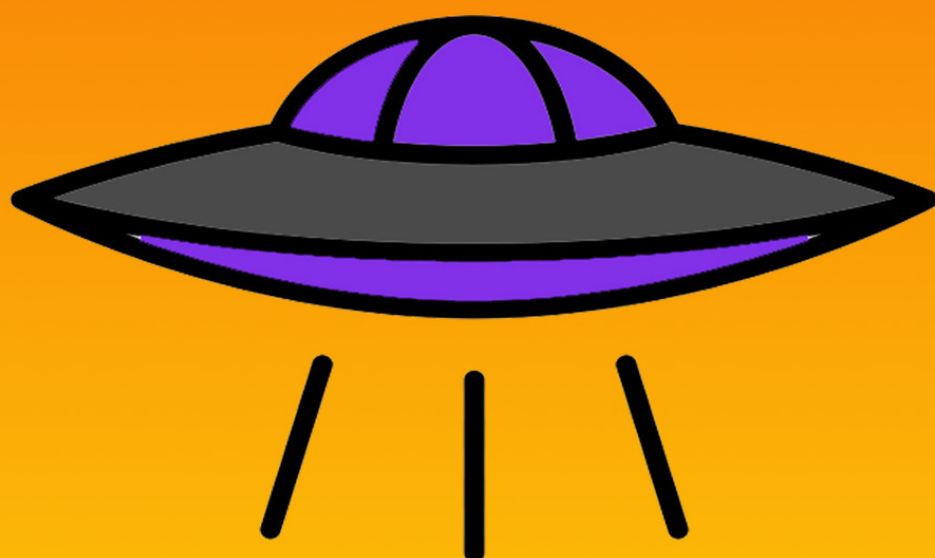

**ДМИТРИЙ
САФОНОВ**

**РАДИО
СУДЬБЫ**

Дмитрий Сафонов
Радио Судьбы

«Сафонов Дмитрий Геннадьевич»

2004

Сафонов Д. Г.

Радио Судьбы / Д. Г. Сафонов — «Сафонов Дмитрий
Геннадьевич», 2004

ISBN 5-93556-420-3

Тонкая, исчезающая, неуловимая грань между Светом и Тьмой, Добром и Злом, Жизнью и Смертью. Где она проходит? Возможно, где-то совсем близко – в подмосковном лесу. А может, еще ближе? Один лишний шаг – и ты уже на Территории Зла. В запретной зоне, откуда нет выхода. Будь осторожен. Это может случиться сегодня. Это может случиться с тобой.

ISBN 5-93556-420-3

© Сафонов Д. Г., 2004

© Сафонов Дмитрий
Геннадьевич, 2004

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дмитрий Сафонов

Радио Судьбы

Пролог

– Пап, ну скоро мы приедем?

Мужчина, сидевший за рулем длинной «Нивы», поморщился как от зубной боли. Они проехали чуть больше половины пути, а сын уже весь изныл. «Скоро? Скоро?» Это началось, едва они съехали с МКАД и взяли курс на Тулу. Семьдесят километров до Серпухова, там – в сторону от Симферопольского шоссе, через город, затем, минуя Тарусу, – на второстепенное пустынное шоссе, ведущее в Калугу, и по нему – еще километров сорок. Итого – двести пятьдесят километров от дома до дачи.

Местечко, где стояла их дача, было тихое и живописное. Никаких соседей в радиусе километра. Рядом речка – к счастью, недостаточно глубокая для того, чтобы постоянно беспокоиться за восьмилетнего сорванца: «А не утащили ли тебя на дно русалки, сынок?» Скорее не речка, а ручей, чистый и всегда холодный. На большом участке – десять огромных лип с черными корявыми стволами и густыми кронами. Даже в самые жаркие дни половина участка была укрыта прохладной тенью. А если хочешь позагорать – пожалуйста: ставь топчан на открытом месте и поджаривайся сколько душе угодно. Единственный недостаток – ездить на дачу далеко. Туда-обратно набегало полтысячи верст. А сколько бензина жрет это четырехколесное чудовище, лучше и не вспоминать. Но сейчас они ехали надолго – впереди законные две недели отпуска. Машина была забита под завязку. На переднем сиденье устроилась жена. Она нервно обмахивалась каким-то проспектом, взятым из «Рамстора», куда они заезжали, чтобы купить все необходимое.

Все необходимое в понимании мужчины – это вдоволь пива и мягкая нежная телятина на шашлык. Четыре килограмма. И несколько пачек майонеза. Он порежет телятину мелкими, в половину спичечного коробка, кусочками, добавит нарезанный кольцами лук и зальет майонезом. И все. Никаких специй, уксуса, минеральной воды, кефира или сухого вина. Телятина, лук и майонез – вот рецепт настоящего шашлыка. Все остальное – ерунда.

Мужчина глянул в зеркало заднего вида. Неизвестно, придется ли ему СЕГОДНЯ вечером снимать с шампура сочное дымящееся мясо и запивать его холодным пивом. Скорее всего, нет. Наверняка теща замучает различными мелкими поручениями. «Сделай то да сделай это...» Он бросил еще один быстрый взгляд в зеркало. На заднем сиденье, в дурацкой панаме, разукрашенной узором «весна в джунглях», восседала теща, дородная дама лет пятидесяти пяти, с обрюзгшим лицом и красной морщинистой кожей на груди. Одной рукой она опиралась на свою сумку, набитую непонятно чем, а другую положила внуку на плечо.

Мальчишка ерзал и так и этак, пытаясь избавиться от тяжелой ладони, которая жгла небось почище раскаленной сковородки, но почему-то не мог просто взять и скинуть бабушкину руку. Знал, что с ней лучше не спорить.

«Вся семейка такая: что мамаша, что дочка... Если уж откроют рот – хоть святых выноси!» Внезапно мысль о предстоящих двух неделях отдыха показалась мужчине не столь уж заманчивой. Жена давно настаивала на том, чтобы поехать к морю, но у него была спасительная отговорка: отпуска не совпадают. Вот так, любимая! Извини! Очень жаль, но...

Он уже потирал руки и блаженствовал, предвкушая долгое валяние в кровати по утрам и вечернюю рыбалку на Оке в четырех километрах от дачи по разбитой грунтовой дороге, для этого и была куплена именно «Нива», хотя она тряслась и гудела на трассе, как электромясорубка, и отличалась весьма неумеренным аппетитом), но начальник жены вдруг смилостивился

(«Козел! Не мог отказать, ссылаясь на служебную необходимость. По-моему, она с ним спит. Я давно подозревал...») и подписал заявление об отпуске в середине июля.

Нет, на море они не поехали. Деньги, которые понемножку откладывали весь год на отпуск, пошли на ремонт. Не на какой-нибудь шикарный евроремонт – самый обычный. Жена сама сторговалась с бригадой бойких молдаван (единственное их достоинство, что берут дешевле), купила на строительном рынке все, что они сказали, и оставила в московской квартире тестя – наблюдать за порядком. Тесть, бессловесный худой мужик с вечно слезящимися красными глазами, словно он постоянно оплакивал чудовищную ошибку, совершенную в молодости, как нельзя лучше подходил для этой роли. Маленький, забитый, с половиной желудка (вторую вырезали вместе с какой-то противной опухолью), непьющий и смирный. «Ну не дышать же нам все лето краской!» – сказала жена. Да уж конечно, чего ею дышать? Пусть тесть дышит. С легкими-то у него пока все в порядке. Легкие – это не желудок.

Мужчина поймал себя на мысли, что как-то легко называл тестя «отцом», а вот тещу – только по имени-отчеству. Почему-то ему ни разу не пришло в голову назвать «мамой» эту огромную, вечно красную и потную женщину. Собственно, он и женщиной ее не считал – только тещей.

Думая о ней, он всегда вспоминал пословицу американских колонизаторов: «Хороший индеец – мертвый индеец».

Правда, он боялся, что не дожидется этого никогда. Хотя теща и носилась со своей гипертонией, как курица с яйцом (и при этом с удовольствием ела все жирное – масло, булочки, сало, пирожки), но здоровье у нее было железное.

Мужчина чуть повернул руль вправо, вкладывая машину в затяжной пологий поворот. Огромный зонтик – такие ставят в летних кафе – уткнулся ему в плечо. Мужчина снова поморщился. Этот дурацкий зонтик никак не хотел складываться, но и оставить его тоже было нельзя. «Как же я буду без зонта в такую жару? Солнечные ванны мне вредны. Не забывайте, что у меня – ГИПЕРТОНИЯ!»

Теща говорила это, обращаясь ко всем троим – зятю, дочери и внуку, – но при этом смотрела именно на него. Ведь он – единственный, кто мог набраться смелости возразить. «Только попробуй!» – прочитал он в ее глазах и покорно засунул этот идиотский зонтик в машину. И теперь верхушка упиралась в заднее стекло, а ножка – в его плечо всякий раз, когда он поворачивал направо.

Мужчина нервно дернул плечом, как лошадь, смахивающая овода.

– Пап, ну скоро мы приедем?

– Терпи, сынок. – Жена обернулась к сыну и говорила таким ласковым... angelским голоском. – Видишь, у папы не хватило денег, чтобы купить дачу поближе. Он просто мало учился и теперь не может толком обеспечить семью. Когда ты вырастешь, купишь маме большой дом совсем рядом с Москвой. Если будешь хорошо учиться... Правда? Чтобы пробыть в этой жизни, надо много учиться.

Сын кивнул.

«Мало учился... А что, этот твой Абдулла Сулейманович, которого ты постоянно ставишь мне в пример, много учился? Подозреваю, что он и восьми классов не закончил. Просто – фарт. И природная наглость». Мужчина снова поморщился. «А сама-то? Давно ли ты окончила заочный, подруга? Как же, она теперь бухгалтер! Была продавщицей в рыбном отделе – стала бухгалтером. Великий путь к сияющим вершинам! А кто тебя кормил, пока ты корпела над тетрадами? А до того, когда ты ходила с пузом, а потом была три года в отпуске по уходу за ребенком? Твой дурак муж. Который мало учился. Который дни и ночи стеклит эти гребаные балконы и лоджии, лишь бы не отстать от тебя в зарплате. Потому что тогда ты будешь попрекать меня каждым куском хлеба, который я сжую... Шалава!»

Он быстро оглянулся. Ему показалось, что последнее слово он произнес вслух. Но нет. Все тихо. Все молчат. Жена торжествующе улыбается, сын задумался над смыслом жизни (а скорее всего над тем, когда же бабушка уберет свою горячую потную ладонь с его плеча), а теща одобрительно кивает: «Правильно. Так его, пса безродного. Попинаем немножко, попинаем. Чтобы не забывал свое место».

Ему было что возразить, и немало. Например, что, каков бы он ни был, уж для своей-то супруги он самый что ни на есть распрекрасный принц. Хотя бы потому, что других не намечалось. Что неудивительно: с такими-то ногами... Да с такой физиономией... Да с такими толстыми и плоскими грудями... В общем, список можно продолжить.

А теще он бы обязательно припомнил салат и котлетки. И посмотрел бы, как ее морда становится из ярко-красной свекольно-фиолетовой. Когда они играли свадьбу, было решено нести расходы пополам. Он честно дал половину денег, а теща, в то время еще не вышедшая на пенсию и работавшая завпроизводством в заводской столовой, пообещала доложить продуктами. И доложила. Как наложила. Салат оливье оказался прокисшим, зато его было много – теща притащила два ведра. Дураку понятно, что нельзя заправлять салат майонезом заранее, иначе он непременно прокиснет. Вот он и прокис. Ну а котлеты... Они были не из мяса. Из чего, он так и не понял, но не из мяса, это точно. Перемолотые кости и жилы. Видимо, мясо досталось директору столовой пополам с директором завода. А заведующей производством – кости и жилы.

Тарелки с салатом стояли какие-то подозрительно полные. Даже его друзья, успевшие хорошенько набраться еще до того, как свадебный кортеж из одной потрепанной «Волги», двух «жигулей», «москвича» и «запорожца» подъехал к дому, – даже они с веселым ржанием говорили: «Спасибо, не надо!», когда теща предлагала им положить в тарелки салата. Она так и ходила, как дура, с большой ложкой в руке и пыталась каждого насильно накормить кислятиной. И когда Серега – простой малый, привыкший говорить то, что думает, – во всеуслышание заявил, что оливье-то того... немного воняет, вроде как его носки, если не сменить их к концу недели, теща вспыхнула, убежала на кухню, а молодая жена, больно ущипнув новоиспеченного мужа, бросилась ее успокаивать. И сам он тоже поплелся следом. И извинялся за Серегу. А теща, злобно сверкая глазами, выкрикивала: «Чтобы ноги его больше никогда не было в нашем доме!», хотя свадьбу играли не у нее, а у него в доме. Но он согласился. Вот оттуда все и началось. Вот с того момента из него и начали вить веревки и заплетать их в тугую косичку.

Ну что? Сам виноват. Не стоило разводиться с Танькой, первой женой. Совсем не стоило. «Каждая последующая хуже предыдущей» – это уж точно.

Он потянулся к магнитоле – сделать чуть погромче. «Машина времени» играла его любимую песню. Про скворца, который спорит с погодой. Он завидовал этому скворцу. Потому что сам никогда не осмеливался спорить. Он даже не осмелился возразить, когда жена выкинула из машины удочки и сеть. «Ты что думаешь, будешь на Оке отсиживаться, пока мы с мамой будем на тебя батрачить?» Черт знает, что она имела в виду под словом «батрачить»... Он никогда не замечал избытка трудолюбия ни у той, ни у другой.

– Сделай потише! – раздалось с заднего сиденья. – У меня и так голова раскалывается в этой духоте.

Он посмотрел в зеркало. Теща приложила толстую ладонь ко лбу. Из-под мышки у нее торчали густые рыжие волосы. На волосах дрожали мутные капли пота, падавшие на сиденье всякий раз, когда машину потряхивало на мелких неровностях.

Он хотел что-то сказать, но не решился. Он перевел взгляд чуть дальше и заметил, что за ними едет огромный бензовоз с оранжевой цистерной. «Странно. От самой Тарусы за нами никого не было. Неужели мы так медленно едем, что даже бензовоз нас догоняет?»

Мужчина уже протянул руку к магнитоле, чтобы убавить громкость... «Прости, Андрей! Споешь по-человечески в другой раз. Нечего метать бисер...» – но в динамиках вдруг что-то затрещало, зашипело, и наступила тишина.

Кося одним глазом на дорогу, он нажал кнопку выброса. «Кассету зажевало» – была первая мысль. Но нет, с кассетой все было в порядке. Из колонок донесся тихий, какой-то обволакивающий шелест. Шелести... легкий свист, будто машина внезапно наполнилась змеями. «Змеями...» Он сам не знал, почему вдруг подумал про змей. На какое-то мгновение ему показалось, что если он сейчас обернется, то увидит на заднем сиденье, там, где все время была теща, клубок извивающихся и шипящих змей: черных, скользких и... опасных. Может быть, не ядовитых, но тем не менее... опасных...

Да. Опасность! Это была последняя здравая мысль, промелькнувшая в его сознании. Опасность. Опасность. ОПАСНОСТЬ!

Это слово, написанное огромными горящими буквами, проецировалось на лобовое стекло, как на экран. Он засмеялся. И потерял контроль над собой.

Сознание больше не работало. Он не ощущал ни рук, ни ног – ничего. Ничего, кроме грозящей опасности.

Нога в старой истертой сандалиии вдавила акселератор в пол. Если бы он мог слышать, то услышал бы, как закричала жена: противно и протяжно. Но он не слышал: продолжал вдавливать педаль в пол.

Груженная машина стала набирать скорость. «Ниве» удалось оторваться от бензовоза, менее чем через пять секунд МАЗ с оранжевой цистерной исчез из зеркал заднего вида.

Он несся по прямой, как стрела, дороге, и вдруг ноги его, независимо от воли, выкинули новый фокус. Правая стала прерывисто давить на тормоз. Когда скорость упала до сорока, он убрал ногу с тормоза, выжал сцепление, воткнул вторую передачу и, резко выкрутив руль влево, дернул ручник. Большой палец правой руки давил на кнопку фиксатора. Машину занесло. Опасно накренившись, она стала разворачиваться. Затем, когда она развернулась почти на сто восемьдесят градусов, он отпустил ручник, резко включил сцепление и снова нажал на газ.

Если бы кто-то в этот момент сказал ему, что он только что безукоризненно исполнил «полицейский разворот», он бы, наверное, удивился. Потому что в первый раз, на груженной машине да на такой скорости никто не может исполнить его безукоризненно.

«Нива» вильнула хвостом, но совсем чуть-чуть – сказался полный привод – и стала набирать скорость. Когда стрелка на спидометре задрожала, как в ознобе, у отметки восемьдесят, а мотор заревел, угрожая выскочить через капот, он резко переключился на третью, не снимая ноги с педали газа. Колеса чуть-чуть взвизгнули, но пробуксовка мгновенно исчезла, и машина понеслась вперед.

Скорость перевалила за сто десять, и он так же, рывком, воткнул четвертую. Все! Работы для правой руки не осталось. Переключать передачи больше было незачем. Он вцепился в руль обеими руками и пригнулся. В динамиках по-прежнему что-то щелкало и шуршало. И свист... Свист, доносившийся с заднего сиденья, становился все громче и громче.

Пожалуй, Макаревич был прав: дело – дрянь, и лету конец...

Из-за поворота показался бензовоз. Почему-то он стоял поперек дороги: громадная оранжевая цистерна перегородила неширокое шоссе целиком.

Увидев цистерну, он завизжал. От радости? Или в порыве охватившего его безумия? Этого уже не узнал никто.

«Нива» стремительно неслась на бензовоз, как самолет, управляемый камикадзе, – на американский линкор.

Он не чувствовал ни радости, ни облегчения, ни страха, ни жалости – ничего. Он просто давил на педаль газа – так, словно хотел продавить его сквозь пол и просунуть ногу в стоптанной сандалиии в моторный отсек.

Он уже видел буквы, выведенные черной краской на боку цистерны. «ОГНЕОПАСНО». Среднее «О» и следовавшая за ним «П» снизу облупились. Он хорошо разглядел чешуйки отслаивающейся краски. Эти две буквы стали для него как цель, зажатая в перекрестье прицела. Туда он и направил машину. О... П...

Последовал страшный удар. «Ниву» смяло, точно она была из папиросной бумаги. Лобовое стекло рассыпалось на мелкие осколки, окрасившиеся чем-то густым и красным, будто в салоне лопнул шарик, наполненный кетчупом. Цистерна покачнулась и стала медленно заваливаться на бок. Левые колеса тягача оторвались от асфальта. Какое-то время – несколько секунд – тягач удерживал цистерну, но потом тоже стал опрокидываться. Еще до того как кабина МАЗа упала в придорожную канаву, раздался мощный взрыв.

Это было утром шестнадцатого июля. В девять часов сорок две минуты.

Десять часов восемь минут.

Андрей Липатов свернул с дороги Ферзиково – Дугна на боковое ответвление, заканчивающееся тупиком в деревне Бронцы.

Липатов возил на своей «газели» хлеб, крупу, дешевые консервы и растительное масло по окрестным деревням. Что-то вроде частной автолавки, которые бегали по сельским дорогам в советское время, а теперь почему-то перевелись. В Бронцах был магазин, но там все стоило дороже, чем в Ферзикове. На рубль, на два. Липатов же продавал чуть подешевле, охотно верил в долг и никогда не возил откровенную дрянь типа шпротов, изготовленных в Подольске. Откуда в Подольске море? И рыба? Шпроты были мелкие, горькие и с изрядной примесью песка. Естественно, доверчивые сельчане на упаковку не смотрели, брали что подешевле, а потом плевались. Липатов подольские шпроты не возил. Он слишком дорожил своей репутацией.

Эта работа помогла ему выкупить «газель», достроить дом, одеть-обуть двух ребятишек и жену. И он не собирался ее терять. Ни жену, ни работу.

Он постоянно расширял радиус своей деятельности. Он был первым в Ферзикове, кто поставил на свою «газель» газовое оборудование. В самом Ферзикове газовой заправки не было, ближайшая – только в Калуге, но Липатов в последнее время ездил торговать и в Бебе-лево, а там уж до Калуги – рукой подать. В Калуге он заправлял газом огромный двухсотлитровый баллон, лежавший в кузове, и не торопясь ехал домой. Сэкономил – считай, заработал.

Он притормозил у ржавого указателя с надписью «Бронцы—3 км», включил правый поворотник и стал поворачивать. Здесь асфальт заканчивался и начинался разбитый проселок. Липатов сбавил скорость. «Газель», переваливаясь на кочках, тихонько ползла на второй передаче.

Он даже не понял, что заставило его насторожиться и нажать на тормоз. Сегодня что-то было не так. Что-то...

Старая магнитола, игравшая блатные песни (просто блатные песни, он даже не знал имена исполнителей), вдруг замолчала. В динамиках раздался громкий треск, затем на несколько секунд наступила тишина, а потом послышалось тихое шуршание и посвистывание.

Оно было... вкрадчивым. Даже немного мелодичным.

Липатов почувствовал, как между лопаток побежали мурашки. Едва ли сознавая, что делает, он протянул руку к магнитоле и выключил ее. Что-то... Какое-то странное ощущение. Оно все равно осталось. Он даже не мог понять, в чем причина этого ощущения он просто знал, что оно никуда не делось.

Он поставил рычаг на нейтральную передачу и вылез из машины. Невдалеке, метрах в пятидесяти, на дороге что-то лежало. Что-то продолговатое и черное. Казалось, оно шевелится.

«Что это? Бревно? Слишком неровное для бревна».

Он огляделся. Людей вокруг не было. Может, в придорожных кустах кто-то притаился? Он еще раз осмотрелся, уже внимательнее. Нет, никого. На всякий случай (это соображение – «на всякий случай» – не раз выручало его в жизни) он достал из кабины монтировку и медленно двинулся вперед.

Липатов прошел половину расстояния до странного темного предмета, перегородившего дорогу, и вдруг понял, что именно шевелилось. Стая ворон сидела на ЧЕМ-ТО, отдаленно напоминавшем...

Нет! Он боялся признаться в этом даже самому себе. Нет, этого никак не могло быть: прекрасным июльским утром, посередине дороги... Вот так запросто... Нет.

И все-таки он двинулся дальше, крепко сжимая в руке монтировку. Угольно-черные вороны деловито копошились, увидев приближающегося человека, они нехотя закричали, но улетать, похоже, не собирались. Они продолжали сосредоточенно клевать ТО, что лежало на дороге.

Липатов переложил монтировку в левую руку и нагнулся. Взял камень.

– А ну! Пошли вон! – Он размахнулся и бросил камень точно в черную массу.

Две вороны с рассерженным криком поднялись в воздух, немного покружились и снова спикировали на ТО, что лежало на дороге. Остальные остались сидеть, как сидели.

Вороны вели себя очень странно. Обычно они никого не подпускают, стоит человеку появиться поблизости, как вся стая, хлопая жесткими крыльями, тут же улетает. Но эти... Эти продолжали клевать.

Липатов проглотил комок, вставший поперек горла. Только сейчас он почувствовал, что во рту у него все пересохло, словно он проснулся сегодня с тяжелого похмелья. Но... ведь он не пил уже восемь лет – с тех пор, как закодировался. С тех самых пор у него все пошло на лад. И шло хорошо. До сегодняшнего дня.

Он взял еще один камень. Бросил. Затем еще один. И еще. Он бросал и бросал, пока вороны наконец не расселись на ветках ближайшего дерева.

Они сидели на ветвях, как огромные ягоды бузины, иссиня-черные, вымазанные в чем-то красном.

Липатов опустил глаза и понял, в чем были вымазаны вороны. В ТОМ, ЧТО лежало на дороге... Он почувствовал, как комок в горле забился, запрыгал и вдруг скакнул вверх. Липатов согнулся пополам, и его вырвало прямо на летние ботинки.

– О! черт!

Он метнулся к придорожной канаве, пытаясь отвести взгляд от предмета на дороге. Мучительные спазмы сдавили желудок. Его еще раз вырвало – в мутную застоявшуюся воду канавы.

«Сколько он лежит? Вчера утром я проезжал здесь. Дорога была чистая. Вечером должен был идти автобус: от Ферзикова до Бронцев и обратно. Наверняка водитель заметил бы что-нибудь, если бы... Если бы он лежал здесь».

Липатов осторожно повернул голову. Осмелевшие вороны снова слетелись и принялись клевать то, что когда-то было человеческим телом. Но в этом теле была какая-то странность. Словно чего-то в нем не хватало.

Липатов отвел глаза. Вода в канаве, взбаламученная его блевотиной, постепенно успокаивалась. На какой-то миг ему показалось, что он видит свое отражение. И то, что он увидел, ему не понравилось. Волосы на голове шевелились, зубы оскалены, а глаза... Закрыты? Но как он может видеть все это, если глаза у него закрыты?

Внезапно до него дошло, что он видит вовсе не собственное отражение. На дне канавы лежала человеческая голова.

Липатов отшатнулся и упал на пыльную дорогу, больно ударившись копчиком. В следующее мгновение он вскочил, отбросил монтировку и кинулся назад к машине.

Он преодолел эти полсотни метров быстрее, чем мог бы досчитать до трех. Наверное, все мировые рекорды в беге устанавливаются именно так, а не на спортивных аренах. Просто некому их зафиксировать.

Липатов взлетел в кабину, и рука машинально потянулась к замку зажигания. Скрежет стартера напомнил ему, что двигатель работает. Он воткнул первую передачу и до упора выкрутил руль влево. Мелкий щебень брызнул из-под задних колес. У самого края разбитой дороги он резко нажал на тормоз и затем, так же резко, сдал назад. Снова выкрутил руль до упора влево...

На мгновение страшная картина, стоявшая перед глазами, исчезла. Он больше не видел ни истерзанного тела, ни оторванной головы, скрытой грязной водой канавы. Он прислушался. В машине что-то громко шипело и свистело. Магнитола продолжала работать, хотя он ее выключил. Из динамиков доносились щелчки, шипение и свист. Он протянул руку и вырвал провода, идущие от аккумулятора к магнитоле. Но звуки не прекратились. Наоборот, они стали еще громче – словно в насмешку над ним.

И тогда он закричал, глухо и протяжно.

* * *

Десять часов восемнадцать минут.

В штабе МЧС города Серпухова прозвучал звонок.

– Да! Дежурный по штабу слушает!

В трубке раздалось шипение, треск, словно кто-то вел передачу на коротких волнах во время магнитной бури, затем послышался далекий голос:

– Але! Але!

– Вас слушают, говорите, – повторил дежурный.

– Але! Вы меня слышите?

Дежурный подавил первое побуждение – начать орать в трубку. Почему-то все делают именно так. Какой смысл? Криком плохую связь не исправишь.

– Да, да, вас слушают. Говорите. – Он не повысил голоса. Придвинул журнал и приготовился записывать.

– Але! Але! Черт знает что! Здесь очень неуверенный прием! Я звоню с мобильного... На трассе Таруса – Калуга... – Треск помех.

Дежурный вздохнул. Он прижал ухом трубку к плечу и снял колпачок с шариковой ручки.

– Не знаю, слышите вы меня или нет... Я вас не слышу! Повторяю – на трассе Таруса – Калуга, примерно двенадцатый... – Опять треск, на этот раз громче.

– Повторите ваше сообщение, – ровным голосом сказал дежурный. – Повторите еще раз.

Шоссе Таруса – Калуга. Кажется, он сказал, двенадцатый километр? Возможно. Что там стряслось? Интересно, какой у этого мужика оператор? МТС? Или Би-Лайн? Хотя – какая разница? На этом шоссе не берет ни тот, ни другой. Он сам много раз там ездил и готов был поручиться, что МТС точно не берет. Наверное, у звонившего телефон МТС. «А чего я голову ломаю? Сейчас посмотрим, что скажет определитель, вот и все».

Дежурный, не отпуская трубку, нажал кнопку на пульте, но вместо привычных зеленых цифр на табло высветилось что-то непонятное.

Цифры быстро сменяли друг друга, будто звонивший отбрасывал один телефон, тут же хватал другой, затем третий, потом – четвертый, и так далее...

Что за ерунда? Дежурный аккуратно постучал пальцем по табло. Цифры словно взбесились. Они метались хаотически, как попало. Дежурный почувствовал запах гари, как если бы молоко убежало на электрическую плитку.

– Что за?..

Табло вдруг высветило одни нули и ярко вспыхнуло. Эта вспышка длилась сотые доли секунды, но она была такой яркой... Как в фотоаппарате. «Если у фотоаппаратов бывают зеленые вспышки...» – успел подумать дежурный.

Табло погасло. Из-под задней крышки пульта показалась струйка синего дыма.

– Эй! Кто там есть свободный? Сюда!

Дежурный вскочил с вращающегося стула, стул отъехал на хорошо смазанных колесиках и ударился в стену.

Дежурный только сейчас заметил, что до сих пор прижимает трубку к уху, хотя в ней уже воцарилось молчание. Он отбросил ее, трубка, повиснув на витом шнуре, закачалась из стороны в сторону.

Пульт дымился. Дежурный потянулся к тумблеру, чтобы выключить питание, успев отметить про себя, что уже поздно. Разноцветные контрольные лампочки, которые мигали тут и там, вдруг вспыхнули, как новогодняя гирлянда, и стали лопаться – одна за другой, соблюдая строгую очередность. Словно волна разрушения пробежала слева направо.

Дежурный отступил назад и схватил огнетушитель. Он уже был готов к тому, что сейчас пульт запылает, как пионерский костер.

Он взял огнетушитель обеими руками, развернул раструб и приготовился сорвать пломбу с крана, но вдруг обратил внимание на трубку, болтавшуюся на шнуре. Было в ней что-то... необычное.

Дежурный присмотрелся: пластиковый корпус вокруг динамика, который он только что прижимал к уху, почернел и сплавился. И в ту же секунду он почувствовал сильную боль в левом ухе.

Он опустил огнетушитель и повернулся к стеклянной перегородке, пытаясь разглядеть свое отражение.

Вся левая сторона его головы обуглилась и тихо тлела, а от уха остался только какой-то причудливый корешок.

«Это... это...» Он пытался додумать эту мысль до конца, но не смог. Ноги подкосились, и он без сил рухнул на пульт. И, словно дожидаясь этого мгновения, пульт вспыхнул ярким слепящим пламенем.

* * *

Десять часов восемнадцать минут. Двенадцатый километр шоссе Таруса – Калуга.

Мужчина, остановивший свою «четверку» – настоящая дачная машина! – в двухстах метрах от перевернутой цистерны, тщетно пытался дозвониться в штаб МЧС. «То ли они там все заснули, то ли, как пожарные, режутся в домино...» Мобильный не издавал никаких звуков, кроме частого мелодичного треска – вроде как он попал не в штаб МЧС, а на репетицию сводного хора кузнечиков.

Мужчина нажал на кнопку «Отбой», проверил набранный номер. Да нет, все правильно. Странно! Он бросил мобильный на сиденье, хлопнул дверью и решил подойти поближе к цистерне.

Если бы он был с женой, она не позволила бы ему это сделать. Но мужчина был один. Он ехал на дачу: вез продукты маме и сестре с племянником.

Мама давно уже вышла на пенсию, а сестра недавно попала под сокращение – вот и решила пересидеть лето на даче, вдали от московской суеты. А уж в сентябре будет искать новую работу. Надо ведь кормить сына. Правда, бывший муж исправно платил алименты. Хотя его заслуги в этом не было. Просто он работал в очень солидной конторе, где зарплату не выдавали «черным налом», бухгалтерия, как рентгеном, просвечивала все до копейки.

Он выехал из дома в половине восьмого, в восемь уже загрузился на оптовом рынке и, пытаясь избежать пробок, грозивших начаться с минуты на минуту, рванул по Дмитровскому шоссе на МКАД.

Пусть это будет большой крюк – от Дмитровского до Симферопольского, – но это лучше, чем тащиться через весь город, тормозя перед каждым светофором.

По Кольцевой дальше, но быстрее. И не так нервно. Вот вам и наглядное подтверждение поговорки, что короткий путь не обязательно самый быстрый.

После поворота на Симферопольское шоссе он за полтора часа накрутил на кардан еще сто пятьдесят километров. Довольно резво. Он рассчитывал к одиннадцати уже быть на даче, и наверняка бы успел, если б не горящая цистерна, перегоревшая дорогу.

Он увидел огромную дыру и по краям – толстый металл, завернувшийся, словно лепестки розы. Значит, был взрыв, понял мужчина. Но сейчас горящий бензин растекался по придорожной канаве, и пламя грозило с минуты на минуту перекинуться на сухой лес, подступавший вплотную к шоссе. А лесной пожар страшнее взрыва.

Черт! И, как назло, на дороге никого нет. Он один. Мужчина подумал о том, чтобы вернуться назад, поближе к Тарусе, и оттуда попробовать еще раз дозвониться в Серпухов, в городской штаб МЧС. Он бы так и сделал, если бы... Если бы не одно «но»...

«В кабине мог остаться водитель. Интересно, успел он выбраться? Или нет?»

Мужчина решил подойти ближе, чтобы заглянуть в пылающую кабину. Но это было невозможно. Жар от горящего бензина не позволял приблизиться к цистерне.

«Извини, друг, но я не прихватил с собой асбестовый костюм на такой случай. Если ты успел выбраться до взрыва, то наверняка бы уже объявился. А может, ты пошел в другую сторону? Какая там ближайшая деревня? Кузьмищево? Не помню. Сколько лет ездю по этой дороге, но так и не могу запомнить, что за чем следует. Ладно. Надо разворачиваться и возвращаться. Попробую дозвониться из Тарусы. В крайнем случае, по городскому телефону. Да. Так правильнее. Нельзя терять время: того и гляди, деревья запылают, как свечи».

Мужчина вернулся к машине, перебрал телефон на пассажирское сиденье и завел двигатель.

Он развернулся и поехал назад, в сторону Тарусы.

Проехав пару километров, он вдруг обнаружил какое-то темное пятно на футболке. Он потрогал пятно пальцами. Это оказалась кровь. Она тонкими струйками текла из ноздрей и капала на футболку.

От неожиданности он дернулся и еле удержал машину на дороге.

«Что за чертовщина? Что, у меня поднялось давление?»

Но нет. Голова не болела и не была тяжелой.

Он задрал голову – настолько высоко, насколько смог – и продолжал давить на газ.

* * *

Десять часов двадцать шесть минут. Аэродром «Дракино».

«Ми-8» молотил воздух огромными лопастями, прижимая к земле яркую от росы траву. Пахло отработанным керосином.

В зеленое брюхо вертолета уже набилось восемь человек спортсменов. Теперь очередь была за «первостепенниками», как их здесь называли.

Два инструктора в летных шлемах пересчитывали своих подопечных.

– Все будет нормально! – кричал один, с круглым кошачьим лицом и аккуратной щеточкой усов. – Не бойтесь!

Второй, высокий и худой, со следами юношеских прыщей на лице, умело сортировал «перворазников» по весу. Самый тяжелый должен прыгнуть первым, а самый легкий – соответственно, последним. Тяжелое быстрее падает – простой закон физики. Если тяжелый пойдет вслед за легким, то может догнать его в воздухе. И тогда... Чего ожидать от человека, прыгающего первый раз в жизни? Неужели он сообразит, как учил инструктор в обязательном инструктаже перед прыжком, пробежать по чужому куполу? Или (не дай бог, конечно, чтоб такое случилось), наматает на руку стропы того бедолаги, чей купол он погасил? Вряд ли. Лучше обо всем позаботиться заранее.

– У меня – девяносто! – кричал здоровый мужик лет тридцати пяти в джинсах и защитной футболке. – Я самый тяжелый! Худой инструктор кивнул. – Пойдешь первым!

– Понял!

Инструкторы выстроили «перворазников» в шеренгу, дождались, пока спортсмены погрузятся в вертолет.

– Сегодня ваш первый подъем на высоту! – крикнул усатый. – Поздравляю! К машине!

«Перворазники», пригнувшись к земле, потрусили к вертолету. Теперь они бежали в обратном порядке – самые маленькие впереди, за ними – ребята покрепче, а тот здоровяк с красным лицом, у которого было «девяносто», замыкал цепочку.

Они залезли в вертолет, инструктор убрал лесенку, закрыл дверь и стал пристегивать карабины вытяжных тросов.

– Каждый обязан визуально проконтролировать, пристегнул я карабин или нет. Но не вздумайте трогать его руками! Понятно?

«Перворазники» вразнобой кивали.

«Перворазников» кинут с километра, а затем вертолет уйдет на настоящую высоту – четыре километра, откуда будут прыгать спортсмены.

Инструктор открыл дверь в кабину пилотов и что-то им показывал. Наверное, просил сделать поправку на небольшой ветер, дующий с запада, и зависнуть над западной оконечностью поля, не хотелось бы, чтобы кого-нибудь из недомерков унесло в лес. На прошлой неделе и так одного пришлось снимать с дерева.

Всем хорош парашют «Д-5»: прост, безотказен, надежен, но неуправляем. Он позволяет только крутиться вокруг своей оси. Хотите куда-то повернуть – извольте надеть «крыло». Но «перворазникам» «крыло» не давали.

Пилот слушал – точнее, смотрел на инструктора и кивал. Да, мол, сделаю. Хорошо. В конце концов, за прыжки отвечает не он, а этот – с кошачьим круглым лицом.

– Борт сорок один ноль восемь, – раздалось в наушниках. – Набор высоты разрешаю. Давай, Саныч! Как понял меня? Прием.

– База, понял вас. Есть «набор высоты разрешаю». – Он передвинул рычаг газа и взял ручку на себя.

Вертолет, как гигантская стрекоза, легко оторвался от земли и, двигаясь по кругу, стал набирать высоту.

* * *

Десять часов двадцать восемь минут. Поселок Ферзиково.

Дежурный по Ферзиковскому РОВД лейтенант Костюченко изнывал от жары. Середина июля. В этом году лето выдалось вообще какое-то чересчур сухое и жаркое. Огород приходилось поливать каждый день, и все равно почва к вечеру застывала грубой коркой. Правда,

помидоры хорошо пошли. Он даже подумывал снять пленку с парника, но не решился. Не вызреют. Придется собирать зелеными и класть под кровать, чтобы доходили уже в доме. А в парнике, глядишь, и нальются. Хотя... Тоже надежды мало. Четыре года назад стояла такая же жара, а помидоры не вызрели. Правда, тогда у него был другой сорт, а в этом году он по совету соседки купил рассаду «Богатырь». Ну да ладно, чего гадать? Как бог даст, так и будет. Это на службе все предсказуемо и просто, а с огородом – увольте! Тут загадывать не приходится. Взять, к примеру, кабачки. В прошлом году (Костюченко думал «годе») этих самых кабачков было навалом. Жена что только с ними не делала: жарила, тушила, фаршировала, пропускала через мясорубку и пекла оладьи, ухитрилась даже варенье из них сварить. На пробу. Варенье оказалось ничего. Нежное такое. Бледно-желтое и прозрачное.

Но это в прошлом году (годе), а в этом? Сгорели они, что ли? Или сглазил кто? Нет нормальных кабачков, и все тут. Ну что ты будешь делать?

Зато огурцы пошли – мама дорогая! Не успеваешь снимать! Хоть каждый вечер выходи с тазом и собирай.

А с огурцами он одну штуку придумал. Ну, если честно, не сам придумал. Кум подсказал. Кум – это прапорщик из отдела. Кумарин его фамилия, но все зовут Кум.

Как-то Кум позвал его в гости. Ну, Костюченко приехал к нему в Дугну. Все как положено: с женой, с гостинцами – литровка «Ржаной», банка белых (жена солила) и банка малинового компота (сам закрывал).

«Ржаную» – то они, конечно, съели. И довольно быстро. На свежем воздухе да под хорошую закуску. Сам бог велел! А потом Костюченко, заговорщицки подмигнув хозяину, сказал:

– А не прогуляться ли нам... по городу?

Жены, ясное дело, сразу поняли, что к чему. Заголосили:

– Сидите уж! Обязательно надо нажраться!

А только – сами виноваты. Нечего было на хвоста падать. По пол-литра на брата – обычная мужская норма. А бабы «Ржаную» ополовинили. Ну, не ополовинили, выпили грамм по двести... Ну ладно, пусть не по двести. Но по сто пятьдесят-то точно выпили? Точно! А где их теперь взять, эти недостающие сто пятьдесят?

Кум подмигнул:

– Я щас... У меня кое-что для гостей имеется!

Он ушел в кладовку, долго там гремел и через пять минут вернулся, крепко сжимая в руках бутылку. А в бутылке...

Черт! Леха Костюченко вертел ее и так и этак... С него даже хмель слетел. Ну и дела! Никогда такого не видел!

Нет, бутылку водки он, конечно, видел. Но чтобы в ней плавал огурец! Причем здоровый такой, который в узкое горлышко точно не пролезет.

– Кум... Это как? – спросил он. Кум усмехнулся.

– Фокус! – И налил по стопке. – Догадаться? Костюченко почесал в затылке.

– Это... На заводе льют? Да? Ну, в смысле – суют огурец, а потом... – Он неопределенно повертел пальцами в воздухе, стеклодувное дело он представлял себе не очень хорошо.

Кум засмеялся:

– Проще!

– Проще?

Леха смотрел на бутылку. Водка с огурцом оказалась очень вкусной. Почти как лосьон «Огуречный», только нежнее. Но как он туда попал? Зеленый, настоящий, с пупырышками? В самом деле, не этот же, который в телике по воздуху летает, туда его засунул? Как его там? Дэвид какой-то... Вроде на «филин» заканчивается. Да он бы и не смог в бутылку огурец засунуть. Это не по воздуху летать – чего там, на веревках подвесили, и давай, лишь бы ремень пузо не натер. А огурец в бутылке...

– Черт, Кум! Не соображу. Скажи как?

– Да очень просто, – Кум оживился и налил еще по одной. – Берешь бутылку. Пустую!

Ну, как из полной сделать пустую, это ему объяснять не надо. Этот фокус он сам умеет делать – слава богу, с четырнадцати лет.

– Так вот! Берешь пустую бутылку и несешь на огуречную грядку. И аккуратно так завязь внутрь проталкиваешь. Понял? А он уж там, внутри, растет себе и растет. Потом только хвостик обрезаешь и водкой заливаешь. Ты только, – Кум стал серьезным и погрозил Костюченко пальцем, – никому не рассказывай. Это я сам придумал. Мне один мужик из Аристова показал.

– Какой?

– Семеныч. Который коз держал. Он в прошлом году умер, и теперь это вроде как мой секрет. Понял?

Теперь на грядке у Костюченко лежали восемь бутылок с огуречной завязью внутри. Больше не получилось. Жена не дала. Всю плешь проела: «Чего ты каждый день водку трескаешь?» Интересно, а куда ее девать? Не выливать же! В общем, уперлась. Упрямая баба, напроочь лишенная чувства прекрасного. Ну и черт с ней! Восьми бутылок должно хватить. В крайнем случае можно доливать в пустую, огурец-то уже никуда не денется. Можно подарить кому – пусть голову ломают, как он сам ломал. Но он секрета не выдаст: обещал ведь Куму, что не скажет. Ну, если только по пьяни проболтается. Но это другое дело. Это еще куда ни шло.

Костюченко вышел на крыльцо покурить, успев машинально отметить, что электронные часы над входом показывают десять двадцать восемь.

Он вышел на крыльцо, достал из кармана пачку «Тройки», щелкнул зажигалкой. Курить в такую жару не хотелось, но других дел не было. Отчего же не покурить?

Знакомую «газель» он заметил сразу. «Липатыча машина», – подумал Костюченко. Он уже приготовился к тому, что Андрюха сейчас остановится, поговорит с ним немножко, покурит. Пить-то он давно бросил, а покурить можно.

Но «газель» ехала как-то странно. Рывками и вихляясь из стороны в сторону. Костюченко спустился с крыльца на тротуар, прямо к стенду «Их разыскивает милиция».

Он всегда удивлялся: как это получается? На фотографии рожа такая – хоть детей пугай. А потом, когда поймают, – оказывается, нормальный человек. Как все. Ну, только подрезал кого или магазинчик подломил, ну так с кем не бывает? По всей стране так. Да у него у самого двоюродный брат забрался в железнодорожный тупик и снял крышки с тормозных букс товарных вагонов. Дурак! На металлолом хотел сдать. А вышла серьезная статья. «Диверсия». Держи «петушка» – и в Медынь! И ведь статья такая, что под УДО – условно-досрочное освобождение – не попадает. Диверсант, одно слово! Так пять лет и оттрубил, считай, ни за что.

Мысли Костюченко вернулись к Липатову и его «газели». Машину мотало из стороны в сторону. «Может, угнал кто из пацанов?»

Может, конечно, и угнал. Но зачем на угнанной машине переться в райотдел милиции? Это, как говорится, нонсенс! Чепуха то есть!

Внезапно «газель» прибавила газу и скакнула вперед. Она перескочила невысокий бордюр, сломала две молодые липки и взлетела прямо на крыльцо РОВД. Костюченко едва успел отскочить в сторону.

Придя в себя, он бросился к машине, расстегивая на бегу кобуру. Мало ли? На всякий случай, ведь он так и не видел, кто сидит за рулем.

Он подбежал к кабине, достал табельный «Макаров» и грозно крикнул:

– Вылезай! Руки на капот!

Водительская дверь открылась, и из кабины вывалился Андрюха Липатов. Костюченко заметил, что из носа у него течет кровь. Две бурые, уже успевшие засохнуть дорожки очень напоминали шнурки. На какое-то мгновение Костюченко подумал, что Липатов представляет свой коронный трюк, которым прославился в школе.

Это называлось – «показать козла». Андрюха брал два шнурка, глубоко вдыхал концы в нос и потом медленно вытаскивал их через рот.

Вот только... школу они закончили двадцать лет назад. Или около того. И из носа у Липатова текла самая настоящая кровь.

Костюченко убрал пистолет обратно в кобуру и подбежал к приятелю.

– Андрюха! Что с тобой? Что случилось?

Но, кажется, он знал ответ. Наверняка на Липатова напали. Может, хотели отобрать деньги, а может – машину. А скорее всего – и то и другое. Его избили. Да, его избили.

– Андрюха! Ты чего?

Липатов шатался, как пьяный. Но странное дело: чуткий нос Костюченко не мог уловить запах спиртного. Лейтенант взял Липатова под мышки и встряхнул:

– Эй! Что с тобой?

Липатов окинул его мутным, ничего не выражающим взглядом. Из рта у него показалась густая красная слюна.

– Я... я – я-я... Там... – он махнул рукой куда-то за спину Костюченко.

– Что?

Дальше случилось неожиданное. Липатов вдруг крепко схватил лейтенанта за рубашку и изо всех сил рванул на себя. Костюченко увидел, как рот его злобно осерился, зубы и десны были испачканы в крови, словно Липатов загрыз кого-то. Сейчас он собирался загрызть старого школьного приятеля. Окровавленные зубы громко щелкнули в миллиметре от его щеки. Костюченко отпрянул, но Липатов крепко держал его за рубашку.

– Бронцы! – прохрипел он. – А-а-а-хм! Кровь! – Он набрал полную грудь воздуха и завизжал – страшно и пронзительно, – обдав лейтенанта мелкими кровавыми брызгами: – ГОЛОВА! ГОЛОВА!

Костюченко надавил ему на кадык, пытаясь убрать от своего лица эти страшные зубы, вместе с тем он боялся, что съехавший с катушек Липатов извернется и вцепится ему в руку.

– Эй! Кто-нибудь... – Он услышал тяжелый топот форменных ботинок. Кто-то спешил на помощь.

Костюченко, не отрывая рук от липатовского горла, скосил глаза. Микола. Постовой из ИВС. Молодой парень, еще в сержантах ходит. В прошлом году ездил в Чечню и вернулся оттуда с медалью. Но каким-то притихшим. Серьезным.

Микола, не останавливаясь, с размаху ударил Липатова в скулу. Голова сумасшедшего запрокинулась, кровь брызнула на стекло водительской двери. Микола размахнулся и ударил еще раз.

Костюченко почувствовал, как тело под его руками обмякло, и Липатов стал медленно оседать. Но руки он так и не разжал.

Липатов упал, и Костюченко услышал сухой треск. Это оторвался карман от его форменной рубашки. Кусочек голубой ткани был крепко зажат в руках Андрюхи.

Костюченко с трудом перевел дыхание.

– Фу-у-у, черт! Чуть не укусил. Представляешь, кусаться полез? – Он говорил это с удивлением и в то же время словно оправдывался. – Что с ним делать-то?

– Давай в четвертую. Там пусто, – ответил Микола. Высокий, стройный, загорелый, с кривым носом, он напоминал какую-то голливудскую звезду – до тех пор, пока не открывал рот. Зубов у Миколы было немного. Гораздо меньше, чем задумано природой. А те, что остались, почернели и были изъедены кариесом.

– Давай... – Костюченко посмотрел на рубашку. На месте кармана торчали голубые нитки и кусочки материи. – Вот ведь черт, а!

Вдвоем они подхватили бесчувственное тело и понесли в подвал – туда, где размещался ИВС. Изолятор временного содержания.

* * *

Десять часов двадцать девять минут.

– Дежурный по штабу МЧС Московской области слушает!

– Область? Это Серпухов! Исполняющий обязанности дежурного диспетчер Ковалев! У нас нештатная ситуация! Полный отказ электроники! Есть жертвы! Переходим на работу с резервного пульта управления! Как поняли меня?

– Дежурный по штабу МЧС Московской области диспетчер Силантьев принял. Понял – «перехожу на работу с резервного пульта». Доложу по команде наверх! – Голос его смягчился, стал не таким официальным. – Что за жертвы, Слава?

– Лешка Фомин обгорел. Сильные ожоги верхней части туловища. «Скорая» его только что увезла. Теперь вся надежда на врачей.

– Ого! – Виктор Силантьев выругался. Он хорошо помнил Алексея Фомина, высокого крепкого мужика. Они вместе не раз бывали на учениях областных сил МЧС. Фомин отличался от других могучим здоровьем и железной выдержкой. Казалось, ничто не могло заставить его врасплох. А тут...

Он отключил запись: все разговоры со штабом МЧС записывались на пленку в автоматическом режиме.

– А что случилось-то, Слава? Говори как есть, я «уши» убрал.

– Да черт его знает. Пульт вдруг вспыхнул. А Лешка упал на него. Пока оттащили да потушили... Он успел сильно обгореть.

– Ну дела...

– Сейчас посмотрим пленки, похоже, он принимал какое-то сообщение. Не знаю. Еще не разобрался.

– Понял, Слава. Держи меня в курсе.

– Хорошо.

Силантьев снова нажал кнопку записи.

– Серпухов. Обо всех изменениях обстановки докладывайте незамедлительно. Представьте подробный рапорт о случившемся телефонограммой. Как поняли?

– Область, вас понял. – Ковалев нажал «Отбой». Связь прервалась.

Где-то в это время по Серпухову мчалась машина «скорой помощи», в которой вчерашний выпускник мединститута, молодой тощий парнишка, и фельдшер – угрюмый мужик лет сорока – пытались спасти жизнь Алексея Фомина. «Газель» трясло на кочках, фельдшер тихо ругался, придерживая пальцем толстую иглу, норовившую выскочить из локтевой вены. Пластиковый мешок с физраствором болтался на крючке капельницы. Врач ловил редкий пульс умирающего и лихорадочно перебирал в голове список средств, стимулирующих сердечную деятельность. Этот список был длинным, но рядом, в его сознании, высвечивался другой список: то, что имелось в чемоданчике. Второй перечень был куда короче. Раз в десять. Наконец сознание зафиксировало совпадение в списках. Он положил руку Фомина на носилки и стал набирать лекарство.

* * *

Десять часов тридцать восемь минут. Аэродром «Дракино».

– База! Борт сорок один ноль восемь. Высота девятьсот пятьдесят. Готов к выполнению летного задания. Как поняли меня, прием!

Диспетчер Филонов, худой мужчина с землистым лицом, с отвращением поморщился и задавил в пепельнице короткий окурочек. Боль в желудке постепенно нарастала. Что поделаешь,

язва. Профессиональная болезнь авиадиспетчеров. И то, что он работал на маленьком аэродроме, к которому были приписаны всего два «Ми-8» и несколько легких самолетов, ничего не меняло. Ровным счетом ничего.

Прежде чем ответить, он потянулся за открытой пачкой и достал новую сигарету. Машинально засунул ее в уголок рта и чиркнул зажигалкой.

– Борт сорок один ноль восемь, я база. Выполнение летного задания разрешаю. Погодные условия – без изменений. Дует с запада, Саныч! Бросай их и уходи на четыре километра. Как понял?

– База, понял вас. Есть бросать.

Пилот, не оборачиваясь, поднял правую руку: большой и указательный пальцы сложены в колючку. Инструктор с кошачьим лицом хлопнул его по плечу: мол, понял, и распахнул наружную дверь.

К шуму двигателя, заполнявшему объемистое брюхо вертолета, присоединился шум винтов. В таком грохоте не разобрать ни слова.

Он посмотрел на здорового «перворазника» – того самого, у которого было девяносто. По лицу было видно, что мужик немного напряжен. Но он не нервничал. Есть такая тонкая грань – между напряженной собранностью и легкой паникой. Так вот, паники в глазах у «без десяти центнера» не было. Этот все сделает как надо. Не забудет ни слова из того, что сказал инструктор перед прыжком. Он сам шагнет в притягивающую бездну, может быть, выручается про себя для бодрости, благо его никто не слышит. Не торопясь досчитает до трех: «шестьсот восемьдесят один, шестьсот восемьдесят два, шестьсот восемьдесят три...», задерет голову, проконтролирует раскрытие купола, увидит над собой пятьдесят квадратных метров армейского шелка, надутых тугим потоком воздуха, наверняка заорет от радости, возьмется за основные стропы и будет быстро (он же самый тяжелый) приближаться к земле, увлеченно оглядываясь по сторонам. А если... А если вдруг законы мироздания на мгновение покачнутся и надежный «Д-5» не раскроется... Конечно, такого не может быть, но если... Тогда мужик, как учили, вытянет в сторону и вверх правую руку, чтобы остановить вращение своего тела, и дернет кольцо «запаски». Время у него есть – до земли целый километр. Он, конечно, испугается, и сердце будет молотить за двести в минуту, но он все сделает как надо. Инструктор с кошачьим лицом не сомневался в этом. Тридцать пять – не восемнадцать. К этому времени разум уже умеет контролировать эмоции. Все будет хорошо.

Инструктор схватил краснолицего за плечо и мотнул головой.

Тот утвердительно кивнул, пригнул голову, чтобы не удариться об срез дверного проема, и решительно шагнул наружу. Даже не шагнул – выпрыгнул, сильно оттолкнувшись ногой. Инструктор успел отметить, что мужик держится руками за лямки крест-накрест, как и положено. Все в порядке! Помнит инструктаж.

Он увидел, как расцвел бледно-желтый купол, и махнул следующему: «Давай!» Второй «перворазник» выглядел не так уверенно, но тоже держался неплохо. Четыре раза инструктор клал руку на плечо, дожидаясь, пока увидит предыдущий купол, и потом мотал головой, словно бодал кого-то. Последней была невысокая хрупкая девушка.

С ней возникли самые большие проблемы – еще на земле. Худая коротышка сгибалась под тяжестью парашютного ранца, шлем болтался на голове несмотря на то, что подбородочный ремень был затянут до отказа, но в глазах светилась такая решимость, что ей никто не посмел отказать. Хочешь прыгать— давай, подруга!

В глубине души он надеялся, что девушка в последний момент передумает. Инструктор внимательно посмотрел на нее. Но голубые глаза по-прежнему горели холодным огнем.

Инструктор вопросительно дернул подбородком: прыгнешь? Девушка кивнула, и шлем надвинулся ей на самые брови. Инструктор мотнул головой вправо, в сторону двери: давай? Он не подталкивал ее, оставляя время для выбора. Просто мотнул головой.

Покачиваясь под тяжестью ранца, девушка подошла к двери и выглянула в проем. Увидела летное поле, уменьшенное высотой до размеров географической карты, белые крестики самолетов, стоявших около диспетчерской вышки, дальний лес, густо зеленеющий на востоке... Она не зажмурилась и не закричала. Она собралась, черты миловидного лица застыли, и очаровательные губки сложились в яркую точку.

Девушка шагнула в проем. Инструктор проводил ее взглядом. Пару секунд маленькое тело крутило набегающим потоком, затем мягко раскрылся огромный купол, и новоиспеченная парашютистка стала медленно снижаться.

Все! Слава богу! Только бы ее не занесло ветром куда-нибудь. Ну да ладно, там, на земле, за этим проследят. В случае чего – помогут. Хорошо, если бы она не забыла вовремя сжать колени и напрячь ноги. Еще лучше – если она вспомнит инструктаж и сообразит в момент приземления развернуться против ветра, как учили. Ну и будет совсем здорово, если, приземлившись, она быстро вскочит и успеет забежать за купол, чтобы погасить его, – иначе ее утащит ветром черт знает куда, до самого Серпухова.

Инструктор улыбнулся и захлопнул дверь. Им предстоял подъем на настоящую высоту. Это всегда радовало.

За плечами у него было полторы тысячи прыжков, но каждый подъем на высоту неизменно вызывал прилив адреналина. Ну, может, не такой большой, как у «перворазников» – в этом им можно только позавидовать, – но все же ощутимый. Тело становилось легким и звонким, сердце наполнялось радостью. Все хорошо. Все просто отлично!

Он еще не знал, что для всех оставшихся в вертолете это будет последний подъем на высоту.

В аэроклубе всегда избегали этого страшного слова: «последний». Говорили: «крайний». Но для них это был именно последний подъем.

* * *

Деревня Юркино. Десять часов сорок четыре минуты.

Николай Рудницкий потянулся и перевернулся на другой бок. Лето, дача, жара, блаженство... Хорошо поваляться в кровати.

Он лежал, не открывая глаз. Знал, что яркий солнечный свет заставит его окончательно проснуться. А так... Можно перевернуться на другой бок и посмотреть какой-нибудь интересный сон. Самые интересные сны снятся утром, если снова провалиться в зыбкую дремоту. А может, они просто лучше запоминаются? Может, в этом все дело?

Николай перевернулся, натянул на плечи легкое летнее одеяло. И почувствовал, как на его лоб легла мягкая прохладная ладонь.

Нет, придется вставать. Ваня не даст ему поспать. Сыну скучно одному.

Николай со стыдом почувствовал, как в его душе зашевелилось легкое сожаление о пропавшем утреннем сне.

«Да черт с ним! Какой тут сон? Ваня же хочет играть!»

Он открыл глаза и увидел лицо старшего сына. Круглое, белое, похожее на луну, со смешными оттопыренными ушами. Тонкая струйка слюны, сбегавшая из угла Ваниного рта, блесла на солнце.

Николай улыбнулся Ване, протянул руку и привычным жестом вытер слюну.

– Доброе утро, сынок! Как дела? Как спалось? Ваня расцвел и радостно загудел, как океанский лайнер, входящий в гавань.

– Что видел во сне?

Сын закатил круглые глаза:

– А... е... вку...

За шестнадцать лет Рудницкий научился хорошо понимать речь сына. То, что другим казалось бессмысленным набором звуков, на самом деле являлось речью. ВАНИНОЙ речью.

– Тарелку?

Мальчик затряс головой:

– А... е... вку... А... е... вку!

– Ты, наверное, хотел есть, а? – Николай прищурился. – Проголодался, обжора?

Он никогда не позволял себе сюсюкать с сыном. Он всегда болезненно морщился, когда знакомые или родственники жены начинали причитать: «Ванечка, Ванечка! На вот тебе конфетку, хочешь? Только разверни бумажку, с бумажкой не ешь».

Нет. Отец разговаривал с сыном как с равным. И пусть Ваня не всегда понимал его, но – Николай чувствовал – был ему за это благодарен. Ведь Ване очень хотелось быть таким же, как все.

Таким же... Но Ваня не был таким, как все. Эти дурацкие хромосомы – и кто только их придумал? – сложились в скверный пасьянс. Умные люди в белых халатах, которые всегда все знают, вынесли безжалостный вердикт: синдром Дауна. ЭТО они знали, не знали только самую малость – как лечится эта хрень? «Увы, прогноз неблагоприятный», – говорили они. «Хорошо, хоть он может в минимальной степени обслуживать себя». Это означало – не пачкает штаны и уверенно держит в руке ложку.

Да... Его сын был обыкновенным дауном. Но для семьи Рудницких это ничего не меняло. Они... Нет, они не привыкли к этому. Даже и не думали привыкать. Они просто приняли это как факт. Как цвет волос и форму носа. Да, их сын – дауночек. Очаровательный, милый дауночек, рыхлый и толстый, не умеющий ни читать, ни писать... Да, он такой. Но разве поэтому он хуже других?

Он не лучше и не хуже. Просто он – ТАКОЙ. Вот и все.

Николай вспомнил, как постепенно их круг общения стал сужаться. Нет, не потому что его приятели стали отдаляться от семьи Рудницких. Наоборот, они старались вести себя корректно. Но они смотрели на Ваню с сожалением.

Какого черта? При чем здесь жалость? Не надо нас жалеть. Нет причин. Да, он ТАКОЙ. Но это – НАШ сын. И мы его любим. И он нас любит: так сильно, что никому из вас и не снилось. В его простой и чистой душе столько любви, что ею можно вскипятить Северный Ледовитый океан. Так чего нас жалеть? У нас все хорошо.

Николай перестал приглашать друзей домой. Перестал с ними встречаться. Перестал звонить. Кой мне хрен в вашем сочувствии? Не надо нам сочувствовать. У НАС ВСЕ ХОРОШО.

Жена, Лена, иногда плакала. Но она старалась скрыть это от мужа. Однажды, вернувшись с работы, он в который раз заметил ее красные глаза.

Николай молчал весь вечер, а потом, когда Ваня уснул, взял ее за руку и отвел на кухню.

Он налил чаю с лимоном – себе и жене, дрожащими руками прикурил сигарету, чего раньше никогда не позволял себе делать в квартире, и сказал:

– Лена... Леночка! Прошу тебя, не надо больше плакать. Ну что ты, как по покойнику? У нас ведь все хорошо. А будет еще лучше. Гони ты прочь это дурацкое ощущение беды. Тебе кажется, будто оно витает в воздухе... Это не так. Мы же вместе. И всегда будем вместе. Ване нужна не жалость, а любовь. Возьми себя в руки и прекращай. Чтобы я этого больше не видел. Ладно?

Лена нагнулась, и Рудницкий увидел, как что-то капнуло в чашку. Жена закивала, усиленно дуя на горячий чай, но головы не подняла. Она боялась признаться мужу, что причина ее слез вовсе не в жалости, а в том постоянном чувстве вины, которое она испытывала перед Ваней. Но все равно она была благодарна за этот разговор.

В ту ночь они любили друг друга с таким неистовством, какого не было и в молодости. Они не спали ни минуты, и диван все скрипел, скрипел...

Николай думал, что именно в ту ночь и появился Сережка.

После рождения Вани жена боялась беременеть. Много лет она даже не думала об этом. Но... В ту ночь... Звезды над крышей стояли как надо. Все стояло как надо.

Сережка родился нормальным. Даже слишком нормальным. Казалось, природа, устыдившись, отдала ему то, что утаила от Вани. В четыре года Сережка уже читал и мог коряво писать, в шесть – обыгрывал отца в шахматы, в восемь – сдал нормативы кандидата в мастера. Он учился на одних «пятерки» и читал учебники старших, классов, пацану было интересно, что же там дальше? Чем закончатся эти увлекательные истории с названиями: «Физика», «Биология», «Химия», «География»?

Отец постоянно видел его обложившимся толстенными справочниками, словарями и энциклопедиями. В десять лет сын мог часами рассказывать о чем угодно: чертить схему битвы при Каннах и объяснять устройство роторного двигателя Ванкеля. Когда Николай предложил ему пойти на Савеловский рынок и купить компьютер, Сережка презрительно скривился и достал заранее приготовленный список.

– Вот! Я посмотрел журналы и составил список всего необходимого. Думаю, это будет оптимальная конфигурация. К тому же надо учитывать предстоящий апгрейд.

Что такое «конфигурация» и «апгрейд», Рудницкий-старший представлял себе довольно смутно, но знал, что сыну можно доверять.

– А соберу я сам. Завтра после школы.

На следующий день Николай поехал на рынок, купил все необходимое. В списке сына были указаны номера павильонов и наименования комплектующих. Процессор Рудницкий купил в одном месте, блок оперативной памяти – в другом, монитор – в третьем.

Он привез все домой, выложил на пол и ужаснулся: как можно во всем этом разобраться? Какие-то схемы, платы, коробочки, кругляши?

Но Сережка, едва перешагнув порог дома и вымыв руки, зашел в детскую и посадил отца на стул:

– Сиди здесь и не вставай. И не вздумай что-нибудь трогать без моего разрешения.

С отцом он всегда был строг: они будто менялись ролями. А вот со старшим братом – никогда.

Николай часто наблюдал такую картину: Сережка играет в шахматы с Ваней. Причем Ваня играет по каким-то одному ему известным правилам, ставит фигуры, как хочет, а младший только сосредоточенно хмурит лоб и пытается выкрутиться из создавшейся ситуации. Ему нравились эти стремительные метаморфозы на доске. Позиция, еще несколько мгновений назад казавшаяся такой прочной и выигрышной, вдруг менялась, и Сережка снова принимался думать: за себя и своего непредсказуемого соперника. По сути, это не было противостоянием: за одну игру Сережка успевал решить множество этюдов, которые предлагал ему брат. Иногда дело осложнялось тем, что Ваня снимал с доски какую-нибудь Сережину фигуру, но младший никогда не возражал, напротив, он только входил в азарт.

Так же и с компьютером. Ваня тыкал в различные штуковины, а Сережка терпеливо объяснял ему, что это – кулер, или процессор, или черт еще знает что такое. Отца бы он сразу осадил, но Ване разрешалось все.

И однако, несмотря на такую сомнительную помощь, Сережка собрал компьютер даже быстрее, чем было написано в рекламных проспектах на Савеловском рынке: «Сборка любой конфигурации за час!»

Николай гордился детьми. Он только прятал от Вани зажигалки и спички, а от Сережки – телефонный справочник, боялся, что любознательный пацан выучит его наизусть.

Но его опасения были напрасными. В последнее время Сережка нешуточно увлекся генетикой. Правда, он никому об этом не говорил. Однажды Лена убиралась в детской и нашла

спрятанные пособия по молекулярной генетике. Все они были неподъемными и к тому же на английском языке.

Она пришла к мужу и голосом, дрожащим от слез, спросила:

– Что это? Зачем ему все это?

Николай крепко обнял ее и прижал к себе. Он задрал голову к потолку, в глазах вдруг зашипало, и поперек горла встал какой-то комок. Он поцеловал жену в макушку и сказал:

– Все в порядке, мать. Все в порядке. У нас все хорошо. Положи на место и не говори, что видела. У нас... – Он хотел добавить «замечательные дети», но дыхание вдруг перехватило, и он еще раз поцеловал жену.

Они стояли, обнявшись, несколько минут. Потом он сказал:

– Я пойду на лестницу. Покурю. А ты положи все на место.

Николай знал, в чем причина нового увлечения Сережки. А если так – значит, все действительно хорошо. И чего нас жалеть? У НАС ВСЕ ХОРОШО.

– Ты, наверное, хотел есть, а? – Николай прищурился. – Проголодался, обжора?

Ванин рот растянулся до ушей. Он обрадовано закивал:

– А... е... вку... А... е... вку! – и ткнул пальцем в потолок. «Что это может означать? Тарелку – понятно. А при чем здесь небо?»

– Уже встаю. – Николай откинул одеяло. – Что-то я разоспался сегодня.

Он нащупал босыми ногами тапки и, шаркая, дошел до стула, где на спинке висела одежда: футболка и джинсы. – Сейчас позавтракаем, а потом пойдем позвоним маме и Сержику.

Еще одно Ванино словечко. Он называл брата Сержиком. Оставалось только удивляться, откуда он подцепил это. Неужели сам придумал?

Что он сделает на завтрак? Скорее всего, глазунью. Ваня говорил «а... у... йя...» и смешно выпучивал глаза. Глазунья – значит, глаза. Связь очевидная. Только идиот может не понимать этого. Но ведь Ваня не был идиотом.

Вот в чем штука! Николай в который раз поймал себя на мысли, что не считал Ваню идиотом и вообще – неполноценным. Просто он немножко не такой, как все. Ну и ладно. И хватит об этом.

Он вышел на веранду и нагнулся над умывальником. Сложил ладони ковшиком и ткнул ими в железный стержень.

Николай умывался, с наслаждением отфыркиваясь. Не глядя, он протянул руку к мыльнице, намылил лицо и руки и стал смывать пахнущую яблоком пену.

Когда он открыл глаза, то увидел, что на дне раковины краснеют какие-то сгустки. И почувствовал металлический вкус во рту.

Николай провел ладонью по губам.

Кровь! Откуда? Внезапно словно молния проскочила у него в голове. Короткий, но очень болезненный разряд пробил мозг — от уха до уха.

Николай покачнулся и чуть не упал.

Боль была нестерпимой. Но, к счастью, она длилась очень недолго: всего лишь долю секунды. Она исчезла – так же быстро, как и появилась. Но... Она не исчезла БЕССЛЕДНО. Что-то осталось. Что-то изменилось. Что-то... Он сам не мог понять что.

Николай снял с плеча полотенце. На светлой ткани остались две красные полосы. Кровь по-прежнему сочилась из ноздрей.

– А...а!.. А...а!.. – Ваня подошел к нему и взял за руку.

Ему было шестнадцать, но по росту он уже догнал отца. Правда, мальчик был таким белым и рыхлым... «Рыцарь Белой Луны», – называл его Сержик. И Ване очень нравилось быть Рыцарем. Пусть даже Белой Луны.

Любая палка в его руках превращалась в меч, и тогда стоять рядом с ним становилось опасно. Ваня крушил все, что попадалось на пути. Но при этом он так улыбался, что никто и не думал возмущаться, попав под горячую руку Рыцаря Белой Луны. Даже Сержик, скалясь от боли, потирал ушибленное место и говорил:

– Вон, вон, смотри! – и показывал на густые заросли травы, вполне годившиеся на роль неприятельских солдат. – Снеси им головы, доблестный кавалер!

И Ваня вдохновенно принимался за траву, внося смятение и ужас во вражеские ряды.

Сейчас Ваня подошел и взял отца за руку. Он нагнулся, пытаясь заглянуть Николаю в глаза. Затем он сделал нечто странное: положил обе ладони ему на виски и прижал его голову к груди.

– А... е... вка... А... е... вка... – бормотал он. Николай почувствовал, что ему стало легче.

– Тарелка... Да-да... Сейчас будем завтракать. Боль в голове – точнее, ее след – переместилась куда-то к затылку и затаилась там тяжелым горячим слитком. Но... Все-таки что-то было не так. Что-то не так...

* * *

Десять часов сорок пять минут. Серпуховский штаб МЧС.

Вячеслав Ковалев, заступивший на пост дежурного вместо Фомина, нажал на кнопку перемотки. Он хотел прослушать запись еще раз.

Из динамиков послышался треск, и затем мужской голос, прерываемый помехами, сказал:

– На трассе Таруса – Калуга, примерно двенадцатый...

На трассе Таруса – Калуга, примерно двенадцатый... Что же там такое случилось?

Ковалев поднял глаза: прямо напротив него, за стеклянной перегородкой, стоял основной пульт – обгоревший и залитый пеной ящик. Пульт, за которым принял это сообщение Лешка Фомин. Свое последнее сообщение за дежурство. А может, просто – последнее сообщение.

Он обругал себя и постарался отогнать прочь эту мысль.

Сейчас лучше думать о другом. О том, что случилось на трассе Таруса – Калуга, примерно на двенадцатом километре. Скорее всего, слова неизвестного мужчины означали именно это – двенадцатый километр трассы Таруса – Калуга.

Ковалев еще раз взглянул на почерневший остов основного пульта и протянул руку к телефонному диску.

– Дракино? Кто говорит? Филонов? Серпуховский штаб МЧС беспокоит. Дежурный Ковалев. Послушай, сейчас в воздухе есть какой-нибудь борт?

* * *

Десять часов сорок пять минут. Аэродром «Дракино».

Филонов посмотрел на радар. Он сам не знал, зачем сделал это. Скорее всего, машинально. Ему совсем не требовалось смотреть на экран и листать полетный журнал, чтобы ответить, что в воздухе всего один борт – сорок один ноль восемь. Просто привычка. Нет, не привычка – твердый профессиональный навык.

– Штаб! Слушаете? В воздухе сейчас сорок один ноль восемь – вертолет «Ми-8» с парашютистами на борту.

– Отлично! Филонов, он может изменить полетное задание? Возникла срочная необходимость. Тут какое-то чепэ на трассе Таруса – Калуга, предположительно район двенадцатого километра. Мы не знаем, что случилось. Надо посмотреть.

Филонов прикинул: это километров пятнадцать от аэродрома. Дорога, петляя, успевает пробежать все сорок, но по прямой – не больше пятнадцати.

Он взял сигарету, лежавшую на краю пепельницы (вот это никакой не профессиональный навык, это противная и УБИЙСТВЕННАЯ привычка, от которой необходимо избавляться, впрочем, он говорит себе это уже двадцать четыре года), затянулся. Снова уставился на радар. Вообще-то попробовать можно. Надо только предупредить коллег из ПВО.

Сейчас, правда, не то, что раньше, пятнадцать или даже десять лет назад, когда постопонная зеленая мушка на круглом экране вызывала у ПВО назойливое желание прихлопнуть ее своей мухобойкой.

Сейчас они немного обленились. Скорее не обленились, а забили на это дело. Что ж, их можно понять. Есть проблемы поважнее, чем чистое небо над Родиной. Личный состав, неуставные взаимоотношения, комитеты солдатских матерей, скудные пайки и мизерные жалованья...

Офицеры помладше думают, чем накормить солдат, а те, что в звании повыше, – как бы чего поизящнее прикарманить... Филонов не знал наверняка, но думал, что это так.

Он поправил наушники.

– Борт сорок один ноль восемь, я база, прием!

– Борт сорок один ноль восемь, слушаю вас!

– Саныч, ребята из МЧС просят посмотреть, что там творится на трассе Таруса – Калуга, примерно в районе двенадцатого километра... Ты видишь?

Вертолет уже успел набрать необходимую высоту: все окрестности лежали как на ладони.

– Вижу дым. База, как поняли? В указанном направлении вижу дым.

«Дым... Значит, неспроста они суетятся. Наверное, какие-то проблемы...»

– Саныч, даю добро на изменение полетного задания. Можешь посмотреть поближе, что там такое?

В наушниках повисло молчание. Потом раздалось:

– Какого черта, Андрей? У меня восемь человек на борту. Сейчас сброшу, потом посмотрю.

– У них что-то срочное.

– У них всегда что-то срочное. На то они и МЧС.

– Саныч, не ворчи. Посмотри и доложи. Ребята никуда не денутся. Это займет пять минут, не больше.

– Пять минут туда, пять минут обратно... Кто горючку будет списывать?

– Не твои проблемы. Спишем. Я сейчас занесу в полетный журнал вводную. Все будет в порядке.

– Ладно. – Пилот говорил с нескрываемым неодобрением. – Понял вас, база. Меняю полетное задание. Направляюсь в район двенадцатого километра трассы Таруса – Калуга. Прием!

– Обо всем увиденном докладывай немедленно. Я на связи со штабом МЧС.

– База, борт сорок один ноль восемь, понял вас. Есть докладывать немедленно.

Филонов вскрикнул. Короткий окурок обжег ему пальцы.

– Черт! – Он швырнул окурок в пепельницу.

Придвинул к себе журнал полетов, взглянул на часы, записал.

«В 10:45 получена вводная из штаба МЧС города Серпухова: произвести визуальный контроль района двенадцатого километра трассы Таруса – Калуга. Задание поручено экипажу борта сорок один ноль восемь, командир корабля – пилот первого класса...».

Что такое? Он посмотрел на экран старенького радара. Зеленая точка вдруг раздвоилась. В следующее мгновение их стало уже три.

Филонов нагнулся к микрофону:

– Борт сорок один ноль восемь. Ответьте базе! – Но в наушниках не было слышно ничего, кроме треска.

– Я – база! Вызываю борт сорок один ноль восемь! Ответьте!

Треск стал таким громким, что заболели барабанные перепонки. Казалось, они сейчас лопнут.

Филонов сорвал наушники и бросил их на пульт. Включил режим громкой связи. Маленькая комнатка наполнилась треском, свистом и пощелкиванием. Что за чертовщина? Он убавил громкость и снова нагнулся к микрофону.

– Борт сорок один ноль восемь! Ответьте базе! – Он и не заметил, как перешел на крик. Точно так же он не заметил, как во рту оказалась очередная сигарета.

Внезапно экран вспыхнул ярким светом. Свечение все нарастало и нарастало с каждой секундой. Филонов, как зачарованный, смотрел на экран – до тех пор, пока он не взорвался россыпью острых стеклянных брызг.

– А-а-а! – Он почувствовал сильную боль. В глазах потемнело. Осколки впились в щеку.

Закрыв лицо руками, Филонов выскочил из комнаты управления полетами – маленького «аквариума», стоявшего на небольшом возвышении.

Он вывалился из дверного проема и уперся животом в перила, опоясывавшие по периметру башенку «аквариума». Несколько мгновений он стоял так, покачиваясь.

Позже авиационный техник Годунов рассказывал, что Филонов стоял, прижимая руки к лицу, и...

– И между пальцами у него текла кровь. Да, да! Она просто хлестала, как из порванной грелки! А потом, когда он убрал ладони, я увидел, что по щекам у него течет какой-то желтый кисель. По виду такой – густой и липкий, как гной. Он стоял, задрав голову вверх, словно пытался что-то рассмотреть в небе. Что он собирался увидеть, не знаю. Потому что глаз у него не было! Понимаете? Ему вышибло глаза к чертовой матери этими гребенными осколками! Я хотел крикнуть, предупредить его, но было поздно. Он сделал шаг вперед, перегнулся через перила и спикировал прямо сюда. – Годунов, немного выпив, всякий раз рассказывал эту историю и показывал место, куда упал несчастный диспетчер. Он опускал только одну деталь. Услышав стук упавшего тела и противный сухой треск ломающихся шейных позвонков, Годунов сблевал прямо на свой новый комбинезон. И потерял сознание.

* * *

Десять часов сорок пять минут. Аэродром «Дракино».

Дмитрий Мезенцев, тот самый краснолицый мужик в защитной футболке, у которого было девяносто... Он чувствовал себя счастливым. С того самого момента, как покинул вертолет.

Странно, но в вертолете ему было неудобно. Он опасался, что машина того и гляди рухнет на землю. Все то время, что они набирали высоту, Мезенцев стоял, отвернувшись от иллюминатора.

Он очень боялся высоты – вот в чем штука. Боялся до тошноты. Поэтому и хотел прыгнуть.

Все очень просто: или ты победишь свой страх, или он тебя. Ты – его, или он – тебя. Третьего не дано.

Раньше он почему-то считал это нормальным. «Ничего не бояться только дураки», – успокаивал он себя. Да, все так. Но со временем он стал рассуждать немного иначе. «Смелый не тот, кто ничего не боится, а тот, кто может победить свой страх». И когда он окончательно уверовал в правоту и мудрость этой мысли, решил прыгнуть.

Он приехал из Протвино на аэродром «Дракино», предъявил паспорт, подписал необходимые бумаги. Бывший тут же врач провел формальный медосмотр. Спросил: «Здоров?» «Разве не видно?» – ответил Дмитрий. Он предпочел умолчать о том, что за плечами – три сотрясения мозга (спасибо секции бокса!), осколочное ранение в бедро, причем осколок так и сидит где-то там, в опасной близости от кости и артерии (на вечную память о солнечном Афганистане!), развод с женой и последовавший год нескончаемых запоев (благодаря Господу калужский «Кристалл», чтоб он провалился!). Эта информация была явно лишней. Она ничего не меняла. Все это Дмитрий оставил в прошлом. А сейчас? Сейчас он и впрямь чувствовал себя здоровым.

«Разве не видно?» – ответил он. Врач издал короткий смешок: «Видно». Дмитрий уплатил четыреста пятьдесят рублей, получил парашют и шлем.

Он внимательно прослушал инструктаж, запоминая каждое слово инструктора. Когда парень с кошачьим лицом взял его за плечо, Дмитрий быстро шагнул ему навстречу. Мезенцев не хотел, чтобы инструктор подумал, будто он боится. И уж тем более не хотел, чтобы его выталкивали из вертолета. Он должен был все сделать сам.

Когда инструктор распахнул дверь, Дмитрий не испугался. Страх перед прыжком остался на земле. Ведь, если он решился, бояться уже поздно. Сейчас надо прыгать, как учили. Вот и вся его задача. Он сосредоточенно повторял про себя, что делать, если парашют не раскроется. Особенно почему-то запомнились слова: «Дерните кольцо и выбросьте его подальше, чтобы рука оставалась свободной». Вот так. Выбросьте на хрен это кольцо. В общем, это правильно. Перефразировав известное изречение, можно сказать: «За одно и то же кольцо нельзя дернуть дважды». Точно так же, как нельзя дважды поверить одной и той же женщине: в этом он уже убедился на собственном опыте.

Мезенцев увидел далекое, нереально маленькое поле. Он никогда еще— не поднимался на такую высоту. Наверное, поэтому зрительные рецепторы посылали абсолютно новую информацию, которая не казалась мозгу пугающей. Одно дело— смотреть вниз с балкона шестнадцатого этажа, это действительно страшно. И совсем другое – из открытой двери вертолета. Это... Чертовски заманчиво. И волнующе. И все-таки умом он понимал, что сейчас они находятся на большой высоте, раз в двадцать больше, чем пресловутый шестнадцатый этаж. Понимал – и не верил.

Он оттолкнулся от края дверного проема и бросился вниз. «Шестьсот восемьдесят один, шестьсот восемьдесят два, шестьсот восемьдесят три...» Так учил инструктор. Так нужно отсчитывать три секунды, чтобы не частить и не начать метать икру раньше времени.

Три секунды – ровно столько нужно лететь, чтобы купол раскрылся на безопасном удалении от вертолета. После трех секунд свободного падения надо обязательно взглянуть наверх: проверить, раскрылся купол или нет.

Если кто-нибудь скажет вам, что в момент раскрытия он ощутил резкий рывок, знайте – этот человек никогда не прыгал. А если прыгал – то в лучшем случае с маминого дивана.

Рывка никакого нет. Все происходит очень плавно, потому что парашют наполняется воздухом постепенно. Быстро, но все же постепенно, не мигом.

Мезенцев тоже рывка не почувствовал. Он просто вдруг понял, где верх, а где – низ. Все эти три секунды он летел, как... Трудно даже подыскать приличное сравнение. Просто вертелся, как беременная вошь на мокром члене. Все направления перемешались, понять, где право, где лево, где верх, а где – низ, было невозможно. И вдруг он понял, где верх, а где – низ. Бесконтрольное падение прекратилось.

Мезенцев посмотрел вверх и увидел купол, похожий на срез огромного мандарина, казалось, он состоял из множества упругих долек.

Он взялся за основные стропы, удобно устроился на нижних лямках, охватывающих ноги, и принялся смотреть во все стороны.

А вид и впрямь был захватывающим. Красота! Он медленно парил в застывшей тишине, крутя головой.

Мезейцев вспомнил, что инструктор говорил про поворот. Он поднял голову, увидел красные шнурки и такие же красные пластмассовые бобышки, ухватился за них и потянул правую, почувствовав, как парашют стал поворачиваться вправо. Здорово!

Страх исчез окончательно. Парашют казался ему куда более надежным, чем вертолет. Что может с ним случиться на парашюте?

Мезенцев попробовал отрепетировать момент приземления. Он крепко сжал колени и ступни и вытянул ноги. «Так, чтобы носочки были видны из-за ранца с запаской», – говорил инструктор. Дмитрий посмотрел на «запаску», из-под нее торчали серебристые кроссовки. Все нормально. Это никакой проблемы не составит.

Мезенцев увидел вдали клубы черного дыма, поднимающиеся над лесом. Не такие густые, чтобы можно было испугаться, но все же... В лесу не должно быть такого дыма. Хотя... Судя по виду, это горела свалка. Если ехать из Тарусы в Калугу, то километра через три-четыре по левую руку будет огромная свалка, на которой обязательно кто-то копошится. Кто-то из бомжей. Наверняка они что-то подожгли: специально или по неосторожности. Какую-нибудь старую крышку от трактора.

Но дым был такой, словно горела не одна, а все десять крышек от трактора. Или даже двадцать.

Дмитрий хотел рассмотреть повнимательнее, но земля была уже близко.

«Приземляйтесь против ветра» – еще одно наставление инструктора. «Сейчас ветер дует с запада – значит, вам надо развернуться спиной к солнцу». Дмитрий так и сделал. Подозрительный дым исчез из поля зрения.

Земля уже набегала. Вроде бы и медленно, но... Истинную скорость приближения оценить было трудно. Наконец, когда он стал отчетливо видеть каждую травинку, Мезенцев сжал ноги и вытянул их перед собой. Странно, но толчка о землю он тоже не почувствовал. Приземление оказалось очень мягким.

«Не пытайтесь устоять на ногах», – говорил инструктор. Он и не пытался. Сгруппировался и мягко упал. Перекатившись на спину, Дмитрий тут же вскочил и бросился к куполу. Он забежал за него и успел погасить еще до того, как парашютный шелк наполнился свежим ветром и превратился в парус. В конце концов, он же не в регате участвует, а прыгает с парашютом, только и всего.

– Обычное дело! – громко сказал Дмитрий.

Сердце его учащенно билось, и в ушах громко стучало, наверное, поэтому он и сказал эти два слова чересчур громко, почти прокричал. Но он этого не заметил.

– Обычное дело! – непонятно кому повторил Мезенцев и принялся наматывать стропы на руки.

Он намотал стропы и погасший купол на вытянутые руки и отправился к зданию аэроклуба, маленькому белому домику с диспетчерской башенкой, стоявшему на самом краю летного поля.

Он чувствовал себя молодым и легким. Непередаваемое ощущение: словно тебе снова восемнадцать лет и все можно начать заново. Все. Можно выбрать другой институт, затем – другую работу, а спустя несколько лет – и другую жену... Хотя...

Наверное, он повторил бы свои ошибки еще раз. Да, скорее всего. Потому что тогда он не думал, что ошибается. Все казалось таким правильным и прочным. Постоянным...

Но в какой-то момент... В какой? Когда все пошло наперекосяк? Когда он поступил в университет на факультет журналистики? Вряд ли. Факультет как факультет.

Или когда он после окончания университета попал на работу в ТАСС? В тот еще, тогдашний ТАСС, бывший на излете своего могущества? Да нет. Тоже местечко неплохое.

Может, когда познакомился с Натальей и она свела его с ума? Да, Наталья всех сводила с ума. Он был не первым и, как оказалось позже, не последним. Далеко не последним.

Нет. При чем здесь Наталья? Он ее любил. Искренне и нежно. На все сто процентов и даже больше. Нет, дело не в Наталье, а в нем самом.

Потом грянула перестройка, и вся страна оказалась в нехорошем темном месте, где никогда не светило солнце. Проще говоря, в заднице. Ну, не вся – за исключением небольшой кучки людей с ловкими и быстрыми руками. Раньше по этим рукам больно били, а в тот момент ударить оказалось некому.

Дмитрий тоже пытался крутиться, как мог. Ездил в Польшу, Турцию, привозил баулы шмоток и продавал их на вещевом рынке. В семье был стабильный достаток. Квартира, машина... Не хватало только семи фарфоровых слоников в серванте. Правда, Наталья всегда морщила носик и стеснялась знакомить его с новыми друзьями и подругами. «Люди дела», – так она их называла. А на поверку «люди дела» оказывались теми же самыми – с ловкими и быстрыми руками. Просто руки у них были чуть покороче.

Наталья ставила их Дмитрию в пример. И ее не смущало, что одного из этих друзей потом убили в подъезде. Даже не застрелили, что было бы еще не так пошло – просто грохнули по тылке молотком, как бычка на мясокомбинате. Достойная смерть для «человека дела».

Второго грабили два раза в год, с завидной регулярностью и постоянством. Третий связался с откровенными бандитами и был вынужден продать все, что имел: особняк в коттеджном поселке, московскую квартиру и «мерседес», и все равно этого не хватило, чтобы рассчитаться с долгами. Он сбежал в Израиль, прихватив с собой всю семью, и теперь честно трудится в каком-то кибуце, собирая помидоры и апельсины, а жена перешивает на машинке старые вещи. Вот вам и «люди дела».

А Дмитрий, хоть и не хватал звезд с неба, но, по крайней мере, оставался цел. Его не грабили и пока не пытались убить. За что? Кому он нужен? Никому, но так ли это плохо? Он был... Надежным. Стабильным. С ним Наталья чувствовала себя как за каменной стеной. Ну или должна была чувствовать.

Вот только ей казалось, что стена эта недостаточно высокая, недостаточно красная и без зубцов. Она всегда считала, что достойна большего, чем быть женой продавца с вещевого рынка.

Конечно, такая работа не способствовала интеллектуальному развитию. Но ведь Мезенцев всегда был мужиком неглупым. Натальины друзья и подруги ходили на самые громкие театральные премьеры, восхищались Пелевиным и Сорокиным, но... При этом они всегда оставались теми, кем и были на самом деле. Они все так же продолжали говорить «ихний» и «звонит» (с ударением на «о»), носить массивные серьги, колготки с люрексом, красные галстуки и борсетки. Вроде бы у них были все видимые атрибуты благополучия, но выглядело это так же нелепо, как если обыкновенную дворнягу нарядить в вечернее платье от Диора.

Однажды Наталья смилостивилась над ним – взяла с собой в гости. Так Мезенцев и там ухитрился облажаться. Жена хозяина стала тараторить:

– Видите эти табуретки? Они с гостевой дачи Кирсана Николаевича!

Дмитрий кивнул, хотя и не знал, кто такой этот Кирсан Николаевич.

В середине вечеринки хозяин вскочил с места и помчался к огромному телефону, который напоминал скорее кухонный комбайн, чем обычный аппарат.

– Пришел факс от Кирсана Николаевича! – с придыханием сообщил он.

Дмитрий кивнул, втайне радуясь, что ему не приходится вскакивать из-за стола с закусками, чтобы принять факс от кого бы то ни было. Даже от президента. Да хоть от архангела Гавриила с прогнозом погоды на завтра.

Ну а когда подали десерт, хозяйка снова затянула:

– Кирсан Николаевич всегда говорит: «Если ты такой умный, почему же ты такой бедный?» – Она прищурилась и посмотрела на Дмитрия.

Наталья густо покраснела, но быстро оправилась. Она стала смеяться вместе со всеми, так, словно видела мужа в первый раз. Она хотела быть одной из них. Ее смех должен был означать: «Друзья, мы с вами одной крови. А это ничтожество, которое припелось со мной... Это просто недоразумение. Досадное недоразумение. Я живу с ним из жалости. Он меня, видите ли, сильно любит».

Но Дмитрий уже успел к тому времени основательно набраться. Он махнул еще коньячку и, когда смех затих, спросил:

– А этот ваш... Кирсан Николаевич... Он никогда не говорил эту фразу до конца? У нее есть любопытный конец.

– До конца? – Хозяйка выглядела озадаченной.

– Ну да. Это же только половина фразы. А целиком она звучит так. – Дмитрий выдержал паузу, завладел всеобщим вниманием. Дождался, когда за столом воцарилась тишина. И сказал: – «Если ты такой умный, почему же ты такой бедный?» – говорил Иуда апостолам, пряча за пазуху кошелек с тридцатью сребренниками.

Молчание. Немая сцена. Тут бы и остановиться. Но его понесло. Черт знает, что с ним случилось, может, выпил лишнего, может, просто наболело, но его понесло:

– Вас еще ни разу не грабили? Я смотрю, в квартире нет сигнализации. Напрасно. Надо бы поставить на охрану. Не ровен час – упрут ваши табуретки. Это для таких лохов, как я, они никакой ценности не представляют. Деревяшки и деревянные. А знающие-то люди сразу поймут – мебель с гостевой дачи самого Кирсана Николаевича! Нет, вам все-таки надо быть поосторожнее, а то...

Он не договорил. Наталья стала пунцовой. Она вскочила с места, отбросила салфетку и закатила мужу звонкую пощечину. И прошипела: «Сволочь!»

Мезенцев даже не покачнулся. В нем девяносто. Это не так уж мало. Простая женская оплеуха такую массу не возьмет.

Он просто помассировал щеку и спросил, обращаясь к изысканному – пошло оно в задницу! – обществу:

– Еще кто-нибудь желает? Давайте побыстрее, а то я собираюсь уходить.

Он повернулся ко всем сидящим левой щекой – той, на которой не красовался отпечаток Натальиной пятерни. Желających не нашлось. Только хозяин стал медленно подниматься с места. Но Дмитрий – гулять так гулять! Эхма! Хоронили тещу, порвали два баяна! – остановил его:

– Ты лучше сиди! К тебе это не относится.

И тот послушно сел.

Мезенцев вышел в коридор, надел куртку – дешевая кожа, Турция, Стамбул, бухта Золотой Рог и все такое прочее! – вернулся в комнату и взял со стола початую бутылку коньяка.

Затем расхохотался и рассовал по карманам несколько мандаринов.

Он протопал в прихожую, в дверях обернулся:

– Запишите на мой счет! А счет пришлите по факсу! – Он выделил голосом это дурацкое слово и потом с удовольствием повторил: – По ФАКСУ! Грёбена мать!

Мезенцев уже покачивался и нетвердо стоял на ногах. Он икнул, с трудом сдерживая подступившую тошноту.

Помнится... Последнее, что запомнилось ему в тот вечер. Он сказал:

– Передайте от меня нижайший поклон Кирсану Николаевичу. Так и скажите: живет, мол, на свете Дмитрий Александрович Мезенцев. Так вот он велел вам кланяться.

Он попробовал изобразить нижайший поклон, но вовремя почувствовал, что это будет лишним. Можно потерять равновесие, упасть и больше не подняться.

Дальнейшее было как в тумане. С кем-то он пил эту бутылку коньяка... С кем? Черт его знает. Куда делись мандарины? Почтище, чем загадка Сфинкса.

Что самое интересное, очнулся он в квартире у Ольги, скромной забитой девушки, с которой вместе учился на журфаке и потом работал в ТАСС. Он не видел Ольгу уже несколько лет и почти забыл о ее существовании... Он, но не его ноги. Он добрался сюда на автопилоте. Правда, утром оказалось, что и у Ольги произошли перемены. Она стала заместителем главного редактора журнала «Лиза». Все изменилось. Все. Вроде та же квартирка, но с дорогим ремонтом. И мебель расставлена так же, но совсем другая мебель: красивая и добротная. Вроде и ковры лежат на тех же местах, но... Это были уже не те вытоптанные половички, на которых они, бывало, занимались любовью, если не успевали добраться до продавленного дивана. Да и Ольга... Постройнела, похорошела... Помолодела, словно опровергая все законы природы.

«А я, – подумал Мезенцев, – все эти годы только старел. Только старел...» Он поплелся в ванную, с отвращением посмотрел в зеркало. Правый глаз подбит (с левой он, что ли, подрался?), губа распухла, в носу засохла кровь... Да...

На столе лежала записка. «Вернусь вечером. Еда в холодильнике. Ключи на столе». На столе действительно лежали ключи.

Мезенцев долго смотрел на них, тупо соображая, зачем ему могут понадобиться эти ключи. Наконец понял, что... Они ему не понадобятся.

Он приписал на том же листке: «Спасибо. Ты вернешься вечером, а я уже не вернусь. Извини. Или радуйся. Разберешься сама. Ключи оставлю у соседки».

Он так и сделал. Не в его характере было возвращаться. А в нынешней ситуации это было бы просто глупо.

Далее последовал развод с Натальей. Быстрый и почти безболезненный.

В здание суда Наталью привез какой-то хмырь на «мерседесе».

«Наконец нашла мне достойную замену. Ну и слава богу!»

Однако все было совсем не слава богу. Его мучило какое-то дурацкое чувство. Что-то вроде зависти. Почему она так легко пережила их разрыв, который на самом деле давно уже произошел? Выходит, она ни о чем не жалеет? Значит, я действительно был для нее обузой? Тогда получается, что я ничего не стою? И она во всем права?

Что это было? Уязвленное самолюбие? Не совсем так. Это не самолюбие. Это... Выражаясь пафосно – «переоценка значения собственной личности под воздействием внешних обстоятельств». И эти обстоятельства недвусмысленно указывали на то, что... Что на самом-то деле он – дерьмо. Обычное дерьмо, возмнившее о себе невесть что. А те люди – с ловкими и быстрыми руками... Может, они и впрямь – «люди дела»? А я – ленивый бездельник, к тридцати пяти годам не сумевший скопить даже на подержанный «мерседес»? Может, они правы?

От этих мыслей Мезенцеву делалось тоскливо. Он продал весь товар, место на вещевом рынке и с удивлением отметил, что у него есть кое-какие деньги. Не бог весть что, но на первое время хватит.

Квартиру он оставил Наталье. А себе снял скромную конуру в Протвино. Он хотел уехать туда, где его никто не знал. Не знал и не лез бы в душу – с расспросами и откровенными разговорами.

Здесь-то он и запил. Загудел, как неисправный трансформатор. И это продолжалось целый год, пока однажды он не обнаружил себя сидящим за старенькой пишущей машинкой и что-то печатающим на дешевой писчей бумаге.

Оказалось, это был роман. Откровенно слабый и откровенно идиотский. Мезенцев долго хохотал, перечитывая его. А потом безжалостно жег страницы.

Однако это занятие ему понравилось. Он втянулся. И начал следующий.

Деньги пока были. Совсем немного, но их хватало, чтобы не задумываться о хлебе насущном.

Он стал писать и как-то незаметно бросил пить. Сначала перешел с водки на пиво. Калужский «Кристалл», потеряв постоянного покупателя, напрягся, но выдержал этот удар. Место выбывшего бойца заняли два новых.

Потом уже и пиво стало ему мешать. Мезенцев вновь почувствовал, какой это кайф – иметь светлую и чистую голову. Рассудок, не затуманенный парами алкоголя. И постепенно все вошло в нужное русло.

Он закончил первый роман и взялся за другой. Мезенцев думал, что в издательстве охотнее будут разговаривать с плодовитым автором. Не особенно надеясь на качество своих опусов, он рассчитывал взять количеством.

Он по-прежнему не хотел никого видеть и ни с кем знакомиться. Он даже не звонил Наталье.

Почему он стал писать? Хотел поразить ее «неожиданно открывшимися новыми гранями его разностороннего таланта»? Заставить ее пожалеть о разводе? Ерунда. Просто чистый вымысел явился спасительной лазейкой, единственным слабым источником света в той заднице, куда он угодил. «По собственной воле, дружок. Исключительно по собственной воле», – шептал злорадный внутренний голос. Ну да. Так и есть.

Стучание по клавишам машинки приносило ему успокоение. А он больше ничего и не хотел. Он прекрасно понимал, что никогда не будет великим. И вряд ли станет знаменитым. Или даже – известным. Он просто делал дело, которое, оказывается, всегда ему нравилось. Только и всего.

«Я слишком мало думал о себе. Звучит эгоистично, да? Пожалуй. Но не так уж глупо. Я все время хотел быть хорошим для кого-то, надеялся, что Наталья оценит то, что я для нее делаю. Но в том-то и штука, что все это я делал не для нее, а для самоуспокоения. И в конце концов потерял себя. И она, конечно, права. Что может быть скучнее, чем потерянный мужик, с которым к тому же приходится спать? Ни много ни мало – девять лет подряд? Ну, ничего. Никогда не поздно начать все заново».

Никогда не поздно... Вот в этом он сомневался. А может, уже поздно? Все-таки тридцать пять лет – не восемнадцать.

Он должен был найти выход. Доказать себе, что еще ничего не потеряно.

Мезенцев стал усиленно «качаться». И довольно быстро снова набрал те самые девяносто, которые растерял во время годичного запоя. Только это уже были не излишки дряблого жира, висевшие на животе, а настоящие, качественные мышцы.

«Я могу. Черт побери, я могу!» Он даже писать стал быстрее.

Оставалось сделать последний шаг. Доказать самому себе (а кому же еще, ведь теперь он был совсем один, и мнение окружающих интересовало его не больше, чем погода в Рейкьявике), что он ДОСТОИН тех перемен, которые с ним происходят. Что это не бегство, не прихоть, не блажь. Что это – самый настоящий ШАГ ВПЕРЕД. Сознательный поступок, продиктованный СИЛОЙ.

А для этого нужно было совершить еще один поступок, продиктованный силой. То есть – сделать усилие над собой.

Вот он и сделал. Да, наверное, это выглядело немного по-мальчишески, но ведь он к этому и стремился: как можно ближе вернуться к мальчишескому состоянию, когда тебе всего восемнадцать и все еще впереди.

Правда, он оказался в более выгодном положении: когда тебе восемнадцать, ты еще ничего не знаешь и ничего не умеешь. А он хотел только ОЩУЩАТЬ себя на восемнадцать. И при этом – многое знать. И почти все уметь.

И он выиграл. Приехал на маленький аэродром «Дракино», заплатил четыреста пятьдесят рублей, получил парашют и шлем...

Он смог.

Мезенцев намотал стропы и погасший купол на вытянутые руки и направился к зданию аэроклуба, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться с места и не побежать.

Он снова чувствовал себя молодым и легким.

Мезенцев шел по летному полю и время от времени задирает голову. Вдалеке, то здесь, то там плавно опускались парашюты с подвешенными к ним черными точками, словно семена гигантского одуванчика.

Мезенцев шел и не мог сдержать радостной улыбки. Ему было хорошо. Так хорошо ему давно уже не было.

* * *

Десять часов сорок пять минут. Таруса.

Он и не думал, что будет так долго добираться. ТУДА – от поворота на Тарусу до горящей автоцистерны – он доехал за каких-нибудь десять минут. А ОБРАТНО...

Он сам не мог понять, что с ним происходит. Сначала эта кровь, затем... Затем он остановился, вылез из машины, расстегнул ширинку и с наслаждением помочился на фары. Он переходил от одной фары к другой и смеялся – так громко, словно и впрямь делал что-то смешное.

Потом он снова сел за руль и двинулся вперед, постепенно забывая о том, куда и зачем едет. Ему все время было смешно. Он даже закашлялся от смеха, и из носа вылетели кровавые сгустки. Они попали на приборный щиток, на лобовое стекло и на руки. Это вызвало у него новый взрыв хохота. Такого сильного и долгого, что заболел живот.

Когда заболел живот, он снова остановился, открыл дверцу и толкнул ее что было силы. Дверь дернулась на хлипких петлях и вывернулась в обратную сторону. Мужчина, не переставая смеяться, опустил до конца стекло, засунул в проем руку и навалился на дверь всем телом. Он дергал и наваливался до тех пор, пока дверь не отломилась совсем.

Теперь она оказалась у него в руках. Мужчина размахнулся и бросил ее в кювет. Но этого ему показалось мало. Он спустился с дороги и принялся прыгать на двери, оставляя пятками все новые и новые вмятины – рядом со старой, которую заработал в пробке на Волгоградском проспекте.

Когда мягкое железо, выкрашенное в белый цвет, стало напоминать бесформенный кусок теста, он немного успокоился. А потом снова рассмеялся.

Давно ему не было так весело – с тех самых пор, когда он единственный раз в жизни попробовал анашу. Тогда ему было восемнадцать, и он ездил с друзьями в дом отдыха, и какой-то узбек... «Его звали Аскер!» – промелькнуло в голове. Да, Аскер предложил ему анашу. Отвел в сторонку и тихо спросил:

– У вас кто-нибудь курит?

А он непонимающим взглядом обвел комнату, в которой от табачного дыма люстра была еле видна, и ответил:

– Ну да... Все курят.

– Нет. Травку? – вкрадчиво спросил Аскер. И тогда он, не задумываясь, сказал:

– Я.

Зачем он это сделал, черт его знает. Ведь он никогда не курил травку. И даже не собирался.

Аскер принес ему косячок, забитый в беломорину. Показал, как правильно втягивать едкий дым, пахнувший сгоревшим капроновым чулком.

Он действительно смеялся. И даже когда ему стало плохо и он с трудом добежал до туалета, все равно смеялся. Как сейчас.

Правда, сейчас он не курил. Но все равно хохотал во все горло.

Голова словно разделилась пополам, в одной половине тупо ворочались мысли о горящей цистерне и о том, что надо ехать в Тарусу, рассказать кому-нибудь о случившемся. А в другой... В другой полным ходом шло веселье. Там пили, пели и плясали. Обливали стены вином и выбрасывали стулья из окна. А он словно стоял внизу и, уворачиваясь от падающей мебели, прислушивался к тому, что происходит за этим ярко освещенным окном. И ему очень хотелось принять участие в общем веселье.

Он подумал, что было бы неплохо въехать в Тарусу на спущенных колесах. Черт возьми, вот это идея! И почему она раньше не пришла ему в голову? Если уж у машины нет двери, то зачем колеса? И кто сказал, что они должны быть накачаны? Куда прикольнее въехать в этот городишко на скрежещущих ободах!

Он похлопал себя по карманам. Жаль, забыл дома перочинный нож. Ах, как жаль!

Он открыл багажник и достал оттуда баллонный ключ. Длинный конец ключа был расплюснут в виде небольшой лопатки – правда, недостаточно острой для того, чтобы ею можно было проткнуть колеса.

Он попытался. Но не смог. Однако его это не расстроило. Он выкинул ключ, и тот улетел гораздо дальше, чем дверь.

Он снова сел в машину и двинулся вперед по дороге.

Он что-то пел. Пел и сам не понимал что. Наверное, что-то веселое. Такое... Обалденно веселое. Невероятно веселое.

Он крутил руль в такт мелодии, которая билась в его голове сама, без какого-либо вмешательства с его стороны, будто кто-то ТРАНСЛИРОВАЛ ее, и от этого машина шла по синусоиде, постепенно увеличивая размах колебаний. Он выстукивал ритм на педали газа, и бедная «четверка» дергалась, словно у нее было что-то не в порядке с трамблером. А он просто смеялся и никак не мог отделаться от этого навязчивого ощущения потустороннего веселья.

Наконец показался город. Он сощурил левый глаз и прицелился. Ему вдруг очень захотелось сбить столб с табличкой «Таруса». Он резко нажал на газ и выкрутил руль, но промахнулся. Угловатый капот проскочил в каких-то пяти сантиметрах от толстой трубы, выкрашенной в белый цвет.

Но ничего. Там, впереди, еще много интересного. Он найдет, во что врезаться. В Тарусе-то? Обязательно найдет.

Он пел все громче и громче, но не слышал своего голоса. Только почувствовал, как заболели связки и в горле стало першить. И во рту... появилось такое ощущение, словно он все время что-то пьет. Что-то горячее и соленое, стекающее по губам.

Он опустил голову. Кровь пошла сильнее и теперь залила уже всю футболку.

«Мы летим, ковыляя во мгле... Мы к родной подлетаем земле...» Вот что он пел! Старую военную песню в переложении Чижа. Веселенький мотивчик! И слова что надо! «Вся команда цела, и машина пришла – на честном слове и на одном крыле!»

Эта мысль на мгновение всплыла на поверхность и тут же снова ушла на глубину. Он опять забыл, что пел... Поет? Все еще поет? Или уже – пел?

– А-а-а! – Он заорал и замотал головой. Брызги горячей водянистой крови разлетелись по лобовому стеклу.

Он включил дворники, но это не помогло, кровь была на стекле ИЗНУТРИ. Точно так же, как и у него в голове, Что-то сидело ВНУТРИ. Попало снаружи и затаилось внутри. И теперь...

Если бы он мог соображать в тот момент, то наверняка бы услышал, как мобильный, лежавший на пассажирском сиденье, тихо трещит. Трещит, шелестит и попискивает. Тихо, сам по себе, будто ведет какую-то странную передачу. Но он этого не слышал.

Он убрал руки с руля и потянулся к ширинке.

Дорога шла под уклон, и машина разгонялась все быстрее и быстрее.

* * *

Десять часов сорок семь минут. Таруса.

Алексей Трунин, сидевший за рулем старой, изрядно проржавевшей «копейки», чью жизнь он, как мог, продлевал регулярными ремонтами, посмотрел в зеркало заднего вида. Сзади быстро приближалась белая «четверка». Казалось, она была неуправляема. Она неслась прямо на него. Трунин оторвался от зеркала и развернулся.

– Эй!

Он нажал на клаксон и не отпускал, надеясь привлечь внимание водителя, но... Теперь, когда машина подъехала ближе, он увидел, что водитель выглядит как-то очень странно. Он смотрел куда-то вниз.

«Наверное, на педаль тормоза. У него что-то случилось с тормозами!»

Трунин был прав. У него и впрямь что-то случилось с тормозами. Не у машины – «четверка», как оказалось потом, была в полном порядке. У водителя. У него что-то случилось с тормозами.

– Вот блин!

Трунин включил первую передачу. На светофоре горел красный свет, но другого выхода не было. Надо куда-то рвануть. Куда-то...

Он быстро посмотрел на встречную. Слева поворачивал пассажирский автобус – путь на встречную был закрыт. Он хотел дернуться вперед, но дорогу перегородил вывалившийся из-за угла КраЗ, груженный щебнем.

Некуда! Избежать столкновения никак не удавалось. Трунин уперся руками в руль, а ногами – в пол. Напряг шею, скосил глаза на зеркало и увидел, словно в замедленном кино, как «четверка» въезжает прямо в багажник его «ласточки». В голове пронеслась последняя мысль: «Это железо уже не вытянуть! Придется менять...» Раздался сильный удар.

Трунина бросило на руль. Он ударился носом о сложенные руки, выдавив из клаксона короткое хрюканье. «Копейку» потащило вперед, прямо под огромные сдвоенные колеса КраЗа. Алексей изо всех сил давил на тормоз, но грузовик был все ближе и ближе. Он зажмурился, ожидая услышать громкий хруст. Сейчас его затянет под колеса, засосет, как в мясорубку. Сначала КраЗ лениво проедет по капоту, кроша чугунный блок двигателя, а «четверка» будет толкать и толкать его вперед, и тогда задними колесами КраЗ прокатится по его ногам, ломая их, как щепки...

Внезапно машина остановилась. Трунин открыл глаза. Грузовик загудел, выпустил из трубы облако черного выхлопа, пересек перекресток и остановился у тротуара. Его «копейка» тоже никуда больше не двигалась. Пронесло!

Он вылез из машины и на дрожащих ногах направился к «четверке». Водитель так и не поднял головы. Он продолжал смотреть куда-то вниз... И голова у него дергалась, как в лихорадке.

Трунин подошел ближе. Ну и дела! У «четверки» отсутствовала водительская дверь. Сначала Трунин подумал, что дверь отлетела от удара. Он даже обернулся, ища ее взглядом. Но ничего похожего вокруг не было. Он снова посмотрел на водителя. Фу, мерзость! Гад! Да он сумасшедший!

Из ноздрей мужчины текла кровь, она залила белую футболку до самого живота. «Это не от удара! Это началось гораздо раньше! Он весь залит кровью! Из него течет, как из свиньи!»

Трунин застыл на месте, не зная, что ему делать.

– Эй ты! Какого хрена?

К белой «четверке» уверенно шагал водитель КраЗа, невысокий кривоногий мужик в засаленной черной спецовке и кирзовых сапогах с обрезанными голенищами.

– Эй, вылезай, я тебе говорю!

Он подошел ближе и застыл рядом с Труниным.

Мужчина в «четверке» не обращал на них никакого внимания. Он шумно дышал, даже не дышал – это больше походило на сдавленное рычание. Кровь вздувалась у ноздрей отвратительными пузырями, которые лопались, а затем раздувались снова, тонкие струйки огибали оскаленный рот и стекали на грудь, голова тряслась, как у гитариста, играющего фламенко, а правая рука быстро мелькала, словно лопасти работающего вентилятора. Он с ожесточением мастурбировал.

* * *

Десять часов сорок семь минут. Район двенадцатого километра шоссе Таруса – Калуга

Пилот, сидевший за штурвалом «Ми-8», болезненно поморщился, словно его заставили проглотить тухлый лимон. Что такое? Откуда этот громкий треск в наушниках?

Он протянул руку к панели и убавил громкость. Теперь треск был не таким раздражающим. Не таким назойливым. Но он никуда не делся.

Пилот нажал кнопку вызова.

– База! База! Я – борт сорок один ноль восемь! Вызываю базу! Ответьте!

Но в наушниках не было ничего, кроме треска.

Что такое со связью? Он окинул взглядом участок неба, видимый через фонарь кабины. На небе ни облачка. Кто забивает эфир помехами? Кому потребовалось работать на их частоте?

– База! – Он кивнул второму пилоту: продолжай вызывать, а сам сосредоточился на том, что видел внизу.

Серая лента шоссе причудливо извивалась между лесов, как змея в зеленой траве. От Дракина и до самого Кузьмищева она поворачивала, наверное, раз десять. За Кузьмищевым, от поста ДПС на северном въезде в Тарусу она уходила вправо, изгибалась последний раз и становилась натянутой, как струна. В самой Тарусе дорога петляла, как хотела, а объездная трасса, ведущая на Калугу, была прямой, как линия на доске чертежника.

Пилот шел, ориентируясь по ней, как по курсу, отмеченному на карте опытным штурманом.

Он снова кивнул второму пилоту: снижаюсь – и подал ручку от себя.

Где-то "далеко внизу" он видел черный дым. И источник этого дыма лежал прямо на шоссе. Перегородив его.

Ему не надо было смотреть на приборы, чтобы понять, что скорость у них сейчас – около двухсот километров в час. Или чуть больше. Три-четыре километра в минуту. Еще пару минут – и они смогут подробно рассмотреть, что там творится внизу, на земле. И потом доложат на базу, а те – передадут в штаб МЧС.

«Стоп! Как мы сможем доложить на базу, если связи нет? Не махать же флажками, как на флоте? Или отправить кого-нибудь из ребят вниз с запиской?»

Он улыбнулся. Ладно. Это будет потом. В крайнем случае, доложит после посадки.

Пилот вспомнил, как в молодости он летал на Камчатке на «Ми-6». Вот уж машина так машина! Все пилоты – от нее бегали, как черт от ладана. Движок слабенький, перевалить на таком вертолете через самую низкую сопку было серьезной проблемой. А ему очень хотелось летать – на чем угодно, хоть на стиральной доске. Поэтому он, не задумываясь, согласился. Он лавировал между сопками, как лыжник на трассе слалома, искал одному ему видимые ориентиры, ходил вдоль берегов и как попало, наплевав на проложенные курсы и разрешенные высотные коридоры. И всегда оставался цел. И всегда возвращался. И количество взлетов у

него равнялось количеству посадок. Поэтому его уже в тридцать два года иначе, как Санычем, и не звали. Уважительно и ласково – Саныч.

Потом он познакомился с женой. Не где-нибудь – на Черном море, в пансионате, куда поехал по профсоюзной путевке. Вот и смейся после этого над курортными романами! Для кого-то – легкий, ни к чему не обязывающий флирт, а у них все сложилось как нельзя лучше. Все очень серьезно. Потом жена приехала к нему на Камчатку, и они еще восемь лет жили на «самом краю географии», встречая рассвет первыми в стране, сразу вслед за пограничниками на островах в Тихом океане.

Ну а сейчас – дело к пенсии. Стаж есть, первый класс он давно налетал, вот и решил перебраться поближе к Москве. Правда, работа досталась не ахти какая... Это вам не между сопками лавировать да медведей пугать. Так... Поднялся, выбросил, приземлился. Затем снова поднялся, выбросил, приземлился. Как лосось, мечущий икру.

Почему ему пришло на ум это сравнение? Нехорошее. Тревожное. Ведь лосось сразу после нереста погибает. «Глупость какая в голову лезет!» Он, как все «летуны», был немножко суеверным. Но суеверным не напоказ, а потихоньку, в глубине души.

Он всегда брался за ручку сначала левой рукой, ласково ощупывал ее, как грудь любимой женщины, а потом уже крепко сжимал правой. И на первую ступеньку лесенки он всегда ступал левой ногой. И в день полетов майку надевал всегда наизнанку. Но он никому об этом не рассказывал. Не говорил о своих приметах. Просто верил в них, и все.

И техника, обслуживающего машину, он всегда проверял в первую очередь. Не пахнет ли от него спиртом? Техническим. Правда, это не примета, а скорее привычка, потому что на Камчатке техники попадались такие, что, еле держась на ногах, бодро рапортовали: «Машина к взлету готова!», а сами давно уже были готовы только к посадке и мирному, тихому сну в тени ангара.

Ну ладно, Годунов-то хоть не пил. Точнее, пил, но знал меру. И никогда – с утра. Только в конце рабочего дня. Так что за машину он был спокоен. С ней все в порядке. Шестнадцать лет для такой машины – не возраст. Во всяком случае, не такой уж большой. К тому же – два года назад был капремонт, и по моторам он налетал совсем немного. Нет. За вертолет он не волновался.

Но эти фокусы со связью... Они его беспокоили. Главным образом потому, что он не мог найти объяснения неожиданной неисправности.

Электромагнитная буря? Ну да, бывает такое. Перед грозой и особенно часто – в северных широтах. Но здесь? Правда, здесь полно различных помех. В окрестностях Серпухова куча мощных передатчиков, но ведь раньше они не мешали? Нет, не мешали.

Он попытался вспомнить прогноз погоды на сегодня. Но и без прогноза все было понятно. Небо чистое, на горизонте – на все триста шестьдесят градусов – ни облачка. Откуда что берется?

Он взял чуть левее, чтобы затем, описав широкий круг по часовой стрелке, внимательно осмотреть то, что творилось на земле.

– База! База! Вызываю базу!

Далеко внизу, под ногами, на серой ленте шоссе лежала горящая цистерна. Нет, теперь уже можно сказать – выгоревшая. Да. Полностью выгоревшая цистерна.

Он видел, что огонь перекинулся на деревья, подступавшие к дороге с обеих сторон. Пока пожар был небольшой: в радиусе ста метров от перевернутого бензовоза. Но дождей не было уже две недели... А если подует ветер? Да, тогда ребятам из МЧС придется попотеть.

– База!

Краем глаза он заметил, что со вторым пилотом творится что-то неладное.

– Валера!

Внутренняя связь тоже не работала, поэтому приходилось кричать. Но даже самый громкий крик не мог перекрыть шум мотора. Только если орать прямо в ухо.

– Валера!

Второй пилот, молодой парень («Совсем как я, когда приехал на Камчатку», – почему-то подумал он), путаясь в проводах, срывал с себя наушники. Но у него ничего не получалось. Руки болтались, как сломанные ветки, Валерий все время промахивался мимо собственной головы и никак не мог дотянуться до наушников.

– Эй, ты куда?

Но второй пилот не слышал его. Он даже и не слушал. И не пытался. Просто беспорядочно махал руками, пытаясь сорвать с себя наушники.

Один к одному! Связь прервалась, второй пилот рехнулся, на шоссе твориться черт знает что... Ну, что еще – до кучи, чтобы уж совсем не скучать?

Командир перехватил ручку левой рукой, а правой извернулся и дернул за провод. Ему удалось сорвать наушники со второго, но это ничего не изменило. Парень повернулся к нему... «Валера! Что, черт возьми...» Глаза у парня были, как новые двухрублевые монеты.

Второй пилот, покачиваясь, пытался выйти из кабины, но постоянно натывался на подлокотник. Он, наверное, уже набил на ногу здоровую шишку, но не замечал этого – продолжал тыкаться в подлокотник.

– База! – проорал командир в белый ларинг, висевший перед его ртом, как шарик сливочного мороженого. – База, я борт сорок один ноль восемь! Во время полета возникла нештатная ситуация! База!

Он сам не знал, зачем орет в микрофон: земля не отзывалась. Просто он был профессионалом и понимал, что, если не диспетчер, так хоть «черный ящик» его услышит. Кто-нибудь обязательно услышит.

Он успел отметить, как из уха второго пилота показалась тонкая красная струйка.

«Только этого не хватало! Да что с ним такое?»

Командир взял ручку на себя и еще больше влево.

«Пора домой! Пора. Пока не поздно...» Но... Вместо ровного рокота двигателя за спиной раздалось какое-то чихание, и наступила тишина. Пугающая бездонная тишина.

Он почувствовал, что вспотел – моментально, как мышшь, а потом словно его окунули в прорубь. Мертвящий холодок побежал по спине.

«Хрен вам! Я посажу машину!»

Вертолет можно посадить и с отказавшими двигателями. Надо только камнем броситься вниз, чтобы не дать винту остановиться. Набегающий поток воздуха должен крутить винт. Обязательно. Поэтому...

Он подал ручку от себя и выровнял машину. Теперь времени на разворот уже не было. И... странное дело. Как только он направил машину прежним курсом, двигатель заработал снова.

Командир, забыв о том, что человеку время от времени полагается дышать (секунд на тридцать, надо думать), снова аккуратно взял ручку на себя. Большая машина стала послушно набирать высоту, а двигатель гудел так ровно, будто только что с обкатки. «Ну прямо нулевой движок. А? Целочка среди движков, чтоб тебя...»

Все снова было нормально. Нормально... Он подумал, что если бы в этот момент перед его глазами оказалось зеркало, то он, пожалуй, не стал бы в него смотреть. Потому что картина была бы не из приятных.

Он аккуратно взял ручку на себя и прибавил газ. Немного, совсем чуть-чуть, чтобы не нарушить своим вмешательством мерную работу двигателя. Но нет. Двигатель гудел ровно.

Он уже стал думать, что этот кратковременный отказ ему померещился, просто приснился... «Чего не бывает?» И, словно в ответ на его мысли, треск в наушниках стал громче.

Он становился все громче и громче – по мере того, как они приближались к какому-то месту в лесу...

Выгоревшая цистерна давно осталась позади. Теперь ее уже не было видно. Командир подумал, что самое время вновь попытаться описать циркуляцию и лечь на обратный курс.

Так... Ручку влево... Машина стала заваливаться на бок. Нет, нет! Не так быстро! Ребята небось катаются по салону, как горошины в стручке. Восемь спортсменов, два инструктора, бросавшие «перворазников», да второй пилот, будь он трижды неладен...

Командир обернулся и увидел, что из двери торчат ноги второго, в синих форменных брюках и легких ботинках из кожзаменителя. В памяти почему-то отпечатались неравномерно стоптанные подошвы. Но в следующий момент двигатель начал «троить», захлебываться и, несколько раз чихнув, заглох.

«Опять! Та же самая хрень! А у меня за спиной одиннадцать душ и своя, не самая плохая на этом свете. Да что ж ты делаешь, падла?!»

Он снова выровнял машину и убрал ручку от себя. Пусть лопасти обдуваются потоком, глядишь, вращение не прекратится.

И опять... Стоило ему направить вертолет в сторону едва заметной проплешины между деревьями, как двигатель ожил, да так бодро, словно ничего и не случилось. Машину тряхнуло, он взял ручку на себя и стал набирать высоту.

«Да что такое? Мы теперь что? Так и будем летать – когда ты захочешь? Ты – гребаная груда железа, или я – пилот первого класса Божьей милостью?»

На этот вопрос он не получил ответа. Вместо ответа он услышал в наушниках усилившийся треск. Треск, шипение и посвистывание. И... Вот что показалось ему странным. Хотя – что в подобной ситуации может показаться странным? «Нет, ну посудите сами: второй пилот сошел с ума, и мозги вместе с кровью вытекают у него из ушей, машина работает сама, когда и как захочет, среди белого погожего дня нет связи с базой, – и это словно в порядке вещей, это меня не удивляет. Будто бы так и положено по штатному расписанию. Будто бы все только так и летают еще со времен Можайского и его парового чудовища. Так нет же, мне, командиру корабля, пилоту первого класса, в этой невинной ситуации что-то еще смеет казаться странным! И что же, позвольте поинтересоваться? Никак меня обходит на повороте розовый слон в семейных трусах?» Он опасливо покосился на левый фонарь кабины. Затем на правый. Нет, розового слона, машущего огромными перепончатыми ушами, там не было. И на том спасибо!

Но... Удивляло его вот что. Это потрескивание не походило на обычные помехи. Этот шум в эфире – чем бы он ни являлся! – казался каким-то упорядоченным. Нет, не совсем упорядоченным. Но... Не случайным. Да. Вот так будет правильнее. Не случайным.

Командир попробовал сосредоточиться. Пот стекал по его затылку за воротник белой рубашки, сердце стучало так, словно норовило выпрыгнуть наружу через горло —. «вот бы движок молотил так же ровно!» – но воля продолжала руководить телом и подчиняла себе разум. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он чутко реагировал тонкими движениями ручки на мельчайшие изменения траектории, ловил глазами чехарду контрольных лампочек и пугающую пляску приборных стрелок.

На этот раз он решил действовать по-другому. Черт с ним, он полетит в сторону этой проплешины, стыдливо светящейся в лесу, как пятачок ранней лысины на голове потасканного ловеласа. Ладно...

Он взял курс, ориентируясь на еле заметную пустоту между деревьями. Он направлял машину туда и одновременно набирал высоту. Вряд ли он смог бы сейчас ответить на вопрос, зачем он это делает. Просто хотел создать запас высоты: двигателю доверять нельзя, он может отказать в любую минуту.

И треск в наушниках будто хвалил его за это. Он не стал тише, но теперь он был более мелодичным. Размеренным. Еще более упорядоченным.

И командир чувствовал, что характер треска напрямую зависит от его действий. И еще он чувствовал... Это было в тысячу раз хуже, он даже самому себе боялся признаться в этом, ведь за спиной одиннадцать душ, и двенадцатая – его, и она – не самая худшая из творений Божьих... Но, похоже, этот факт уже не имел значения. Да. Теперь он четко видел – так же четко, как матерное слово, написанное белой краской на заборе, – что ЕГО ДЕЙСТВИЯ зависят от этого проклятого треска.

Он боялся взять ручку влево или вправо. Он знал, что за этим последует. Тишина. Пугающая бездонная тишина и свист воздуха, вращающего мертвые лопасти, и отвесное падение с высоты в один километр... И где-то там, внизу, перед самой землей, метрах в сорока-тридцати, а может, и того меньше, он должен будет резко взять ручку на себя и задрать нос машины, чтобы посадка получилась более или менее мягкой. Иначе... Все одиннадцать душ и его – двенадцатая и не самая худшая – понесутся в обратном направлении. От глубокой воронки с неровными осыпающимися краями, от разбросанных обломков мощной машины, от сплюснутых страшным ударом тел – ТУДА. Наверх. В гости к седому дяденьке с белой бородой, который так ласково принимает души всех, кто хоть раз в жизни отрывался от этой черной, жадной, ревнивой земли.

Выхода не было. Он летел, держа курс на просвет между деревьями и постепенно снижая скорость горизонтального полета.

Он долетел до ТОГО, что издалика казалось проплешиной, и завис над ней. Выглянул в нижний фонарь и... Понял, что дело плохо. Хуже просто некуда.

Он услышал, как бьется его сердце – гулко и размеренно, словно метроном.

«Это ловушка! – промелькнуло в голове. – Я так и буду висеть над этой штуковиной. Шаг вправо, шаг влево – расстрел! Двигатель глохнет, и я падаю на деревья».

– База! – Он не замечал, что голос его дрожит. Дрожит так сильно, как не подобает дрожать голосу пилота первого класса. Это был просто жест отчаяния. Его все равно никто не слышал.

Треск в наушниках стал выбрасывать в мозг какую-то информацию, но в чем ее смысл – он понять не мог. Точки, тире... Подзабытая «морзянка» не помогала.

Он только один раз оторвал взгляд от ТОГО, что лежало между поваленными деревьями – чтобы посмотреть на указатель топлива.

Стрелка до упора отклонилась вправо. Прибор показывал полный бак.

«ОПЕКу – хрен на воротник. Топливный кризис нам не грозит», – тупо шевельнулось в голове. Но он знал, что это не так. Керосина оставалось минут на десять. А может, и того меньше. Он вздохнул, отвел глаза от циферблата и больше на прибор не смотрел. Он усталился вниз, на ТО, что лежало у него под ногами. И стал ждать.

* * *

Десять часов сорок восемь минут. Калиновы Выселки.

Юрий Малышкин пришпоривал мотоцикл, выжимая из «Урала» сто двадцать. Наверное, он смог бы выжать и больше, но жалел машину.

«Байк-то ни в чем не виноват! Чего терзать его понапрасну?»

Понапрасну? Это как сказать.

Он выехал из Москвы около девяти. Нет, пожалуй, полдесятого. Да какая разница? У него не было идиотской привычки смотреть на часы. И что толку на них смотреть? Он же никуда не торопился.

Все, чем он владел в этой жизни, все, что доставляло ему радость и имело смысл, находилось на расстоянии вытянутой руки. Я еще – между ног. Оседлав любимый «Урал», он чувствовал себя... Да просто – он чувствовал себя, вот и все!

«Урал» – это, конечно, не «харлей». Вот «харлей» – это тачка! Настоящий, конкретный байк. Но... В конце-то концов, если нет денег на «харлей», что теперь, всю жизнь ездить на метро? Или того хуже – на «жигулях»? Облом.

Конечно, у него много раз возникали мысли о том, чтобы угнать «крутую тачку», но... Это то же самое, что воткнуть себе в корму целый пук павлиньих перьев: смотрите-ка, вот он я какой! И рано или поздно его бы все равно вычислили. И тогда...

Во-первых, его бы сразу «закрыли». Как пить дать. Условным сроком тут не отделаешься, за плечами – три года «малолетки». Так что он пошел бы как рецидивист. Намотали бы на рога по самое не балуйся!

А во-вторых, примериваясь к угону, он довольно долго болтался около «Секстона», клуба московских байкеров, и быстро понял, что это – милые, хорошие, отвязные ребята, но они моментально теряют чувство юмора, когда дело касается их тачек. Нет, с ними лучше не связываться. Если попадешься им с угнанным «харлеем», то уж точно до шконки не доберешься. Да что там до шконки? «Воронку» будешь рад, как старому знакомому!

В общем, можно мечтать о «харлее», но ездить надо на «Урале». Какой бы ни был, а свой. К тому же «Урал» – тоже тачка почетная. Ведет родословную от тех БМВ, на которых немцы в сорок первом пересекали западную границу СССР. Хорошая машина.

Как и подобает настоящему байкеру, Юрий собрал его сам. Купил старый за бесценок, разобрал и снова собрал по винтику. Поршневая полностью пошла под замену, а в коробке пришлось поменять шестеренки и подшипники. Он достал стильный каплевидный бак и попросил одного приятеля расписать его языками яркого пламени. «Адского пламени»!

Он снял колеса, заново выправил и отцентровал, а затем отнес знакомому отцу, работавшему на заводе. Там колеса хорошенько отпескоструили, ободрав старую краску невыразительного защитного цвета, а потом отникелировали. Пришлось, конечно, немного zapлатить, но дело того стоило.

«Урал» преобразился. Юра сам покрасил раму и крылья в угольно-черный цвет, покрыл лаком и остался очень доволен. Машина получилась просто супер. На такой не стыдно ездить.

Он заказал в кожаненной мастерской кофры (да-да, и обязательно проклепать!), купил настоящую косуху, кожаный шлем и очки-консервы. Полагалось бы еще и кожаные штаны, но они у него прочно ассоциировались с гамбургскими барами для геев. Нет, кожаные штаны – это чересчур того!

Юрий ограничился голубыми пятикарманными ливайсами, купил ковбойские остроносые сапоги (из светло-коричневой замши, с ремешком под подошвой) и длинный белый шелковый шарф.

Вот и все. Он готов. Юрий без колебаний предал забвению неподобающую для байкера фамилию Малышкин и сомнительное имя Юрий.

Позывной – «Джордж». Он так всем и говорил, поднося к уху мобильный, – «позывной Джордж». И девчонкам, с восхищением осматривавшим его ладную невысокую фигуру и байк, представлялся:

– Мой позывной – «Джордж»!

И откликался только на «Джорджа».

Шестнадцатого июля он проснулся в чьей-то квартире на южной окраине Москвы. Где-то... Где-то в Орехово-Борисове? Или еще южнее? Он не мог вспомнить.

Просто вчера эта девчонка сидела позади него, крепко обхватив руками, покрытыми гусиной кожей от прохладного ночного ветра, и кричала в ухо:

– Направо! Теперь налево! А теперь прямо, во-о-он к тому дому!

В квартире никого не оказалось. Девчонка была одна. Они резвились всю ночь. Ну, вообще-то нет. Не всю ночь. Он сломался до рассвета – от бесчисленного количества бутылок «Миллер лайте», благо кофры были ОЧЕНЬ вместительными.

«По-моему, она ничего. Впрочем, сейчас трудно сказать, но, наверное, все-таки ничего...»

Он откинул одеяло и пошел по коридору, вспоминая, где туалет, а где – ванная. Найти и то и другое оказалось совсем нетрудно. На одной двери была картинка с писающим в горшок мальчиком, а на другой – девочка (почему-то – с косичками и бантиками) принимала душ.

Джордж направился в гости к мальчику. А потом уж посетил и девочку.

Он умылся холодной водой, выдавил на палец полоску зубной пасты и почистил зубы.

«Интересно, пиво еще осталось? Неплохо бы сейчас пару бутылочек... Освежиться».

Дверь в ванную открылась, и на пороге показалась вчерашняя девчонка. Джордж внешне понял, что не помнит, как ее зовут.

«Ну как ее могут звать? Дорогая... Или – любимая... Зависит от того, что она вытворяла в постели, но этого я тоже, убей бог, не помню...»

Девушка была в узких трусиках и белой футболке. Джордж, не оборачиваясь, подмигнул ей в зеркало и сплюнул пену в раковину. Зачерпнул воды ладонью, как ковшиком, и стал полоскать рот.

– Сейчас будем завтракать, – сказала девушка. – Или... В этом «или» заключался вопрос. «Или отложим завтрак?» Пожалуй, можно и отложить. Но ненадолго.

– Угу. – Он неопределенно мотнул головой, предоставляя ей возможность самой сделать выбор: в пользу завтрака – или... Она улыбнулась. Подошла, обняла его и поцеловала в шею.

– Я хочу тебя...

«Звучит неплохо. Значит, я вчера не облажался – хотя изрядно нагружился. Наверное, не облажался, если она хочет еще».

Он снова кивнул и выплюнул мутную воду. Это незыблемое правило – не целоваться, не почистив зубы. Как бы сильно она его ни хотела, но утренний запах изо рта может отбить всякое желание.

Он еще раз глянул на себя в зеркало, протянул руку, снял с крючка полотенце почище и вытерся. Потом резко обернулся, схватил ее за талию и оторвал от кафельного пола. Девушка замерла и прильнула к нему всем телом, крепко обхватив ногами. Джордж довольно усмехнулся.

– Пойдем, дорогая... – Он нежно укусил ее за мочку и потом вылизал все ушко, ощутив, как она задрожала. – Пойдем... – «Черт, и как же ее зовут? Дорогая... Так и зовут».

Завтрак пришлось отложить на полчаса. И не то чтобы на большее его не хватило – просто вдруг очень захотелось есть.

«Дорогая» собиралась накормить его чаем с бутербродами, и, если бы он не взял дело в свои руки, так оно и случилось бы. Черт знает откуда берутся эти современные девчонки. Они больше беспокоятся, что на них надето, в каких клубах они успели побывать да сколько знают способов минета. («Дорогая», кстати, оказалась на высоте). А приготовить путевую еду... Это они считают ниже своего достоинства.

Его покойная матушка умудрялась из вонючей ливерной колбасы сделать замечательный паштет, а картошку могла приготовить двадцатью различными способами, не меньше. Для нее всегда было делом чести накормить мужчин – мужа и сына – чем-нибудь повкуснее и посущественнее бутербродов с чаем.

Джордж открыл холодильник, оценивающим взглядом окинул его белые внутренности – обширные и холодные, как дворец Снежной королевы. Ничего особенного. Яйца. Два помидора. Пучок зелени. Петрушка и кинза. Подойдет.

– У тебя чеснок есть?

– Чеснок? – «Дорогая» глупо хихикнула. Именно глупо – почему-то с этого самого момента она стала его раздражать. Ему уже хотелось побыстрее сесть на свой «Урал», который он оставил вчера на платной охраняемой стоянке в соседнем дворе (вот это он помнил

абсолютно точно. Байк – это не мелочь. Это не имя малолетней блядушки. Байк – это байк), завести его и поехать куда-нибудь прочь. Куда глаза глядят и куда колеса несут.

– Что? Раннее начало половой жизни вызывает глухоту? Я сказал «чеснок».

Он обернулся и пристально посмотрел на нее. Под его взглядом девушка съежилась и зажала голые руки между коленями.

– Но... Чеснок?.. В такую жару?

Он удивленно выглянул в окно, словно только сейчас заметил, что на улице июль. Шестнадцатое число, и страшная жара – с самого утра.

– В ТАКУЮ, – с нажимом повторил он. – В ТАКУЮ, детка.

– Но ведь... – Она говорила еле слышно, опустив голову, пораженная его внезапной переменой. – Будет пахнуть... Отрыжка...

– Ты что, собираешься с кем-то целоваться? Она пожала плечами.

– Послушай. – Он достал большую сковородку и поставил ее на плиту. – Мне нужен чеснок, только и всего. Запаха не будет, успокойся.

Она снова оживилась:

– Кажется, в овощном ящике есть немного.

Он открыл ящик, покопался в хрустящей шелухе и извлек целую головку ядреного чеснока.

– Смотри. – Он быстро чистил ароматные зубчики. – В чесноке пахнет только сердцевина. Если ее вырезать, запаха не будет. Запомнила?

Она кивнула.

«Черт знает что. Она что, прогуливала уроки домоводства в школе?»

Джордж резал отливавшие перламутром зубчики вдоль и извлекал из них желто-зеленую сердцевину. Затем он взял два помидора и нарезал их кружками в палец толщиной.

Зажег конфорку, поставил сковородку и бросил на нее кусок сливочного масла. Когда масло растаяло и стало шипеть, он убавил огонь, бросил помидоры и подождал, пока они подрумянятся снизу. Затем быстро перевернул их и залил яйцами. Потом он аккуратно приподнял помидорные кружки, чтобы белок затек под них – иначе помидоры пригорят, и их не отдерешь от сковородки, – посолил и выдавил на каждый красный кружок щепотку чеснока. Подождал еще немного, пока яичный белок не схватился, и накрыл сковородку крышкой. Теперь очередь за зеленью. Он быстро нашинковал вялые зеленые кустики и отправил это все туда же – под крышку.

Через пять минут сочная ароматная яичница была готова. Даже «дорогая» сказала:

– Вкусно!

– Еще бы. Это тебе не гамбургеры жевать. Все натуральное. Сплошной белок и витамины. – Растаявшее масло, смешанное с соком помидоров, потекло из угла рта, и он ловко подхватил быструю струйку языком. – Ну вот, теперь можно и чай.

Он сходил в прихожую, достал из куртки пачку «Кэмела», отметил, что там осталось только три штуки, и вернулся на кухню.

«Дорогая» достала «Парламент экстра лайте».

«О господи! Как можно курить такую дрянь? Слишком попсово!»

Все здесь было слишком попсово – в этой типовой трехкомнатной «распашонке» с низкими потолками. Какие-то дурацкие картинки на стенах, вышивки крестиком под стеклом и пыльные цветы на подоконнике.

Чай, правда, ничего. С бергамотом. Хотя в такую жару лучше пить зеленый. С жасмином. А еще лучше – пиво с лимоном.

В одном она была права – жара стояла ужасная, и день обещал быть просто кошмарным. Но Джордж знал способ освежиться. Даеть восемьдесят по трассе, и никакой кондиционер не

нужен. Упругая волна обнимает грудь, бандана перекинулась с головы на лицо, закрывает нос и рот от пыли, ветер плотно прижимает очки к переносице... Класс! Что может быть лучше?

Он допил чай, задавил окурок в пепельнице.

– Мне пора!

– Ты позвонишь?

Вопрос поставил его в тупик, но ненадолго. Ведь он не знал номера ее телефона.

– Конечно. Вечером. Сделаю все дела и позвоню.

«Какие дела? Еще не знаю, но они обязательно найдутся».

Он поцеловал девушку – быстро и с облегчением, словно ставил обязательную отметку на милицейской повестке, – и ушел.

Он вошел в соседний двор и, еще издали заведя свой «Урал», ощутил, как сердце радостно забилося. Это как первое свидание с первой любовью. Вот только первая любовь никогда не бывает счастливой, а у них... А у них все хорошо. Просто замечательно.

С тех пор как он пересек МКАД, стягивающую столицу, как «пояс верности», прошло полтора часа. И теперь он уже не думал, что все замечательно.

Он гнал байк по малознакомой дороге, сильно рискуя. Сто двадцать на «Урале» по извилистой второстепенной трассе, которую он очень слабо помнил, – это все-таки много. Но другого выхода не было. Он убежал.

Нет, начиналось-то все неплохо. Можно даже сказать – хорошо.

Едва покинув «дорогую», он полез в карман – пересчитать имевшуюся наличность. И обнаружил, что у него четыре тысячи рублей с мелочью и еще двести долларов в потайном кармане куртки – неприкосновенный запас.

Джордж прикинул. На дворе июль. Жара. В Москве делать совершенно нечего до самого сентября. А то и до октября – такому отчаянному парню, как он, и осенний дождь на трассе не помеха. Да, до октября он свободен.

А там придется ставить байк на прикол и искать какую-нибудь работу на зиму. Что-нибудь грузить, что-нибудь таскать, что-нибудь мыть или что-нибудь ремонтировать – он еще не решил что. Это не так важно. Работа найдется. Руки есть. Голова на месте. (Через полтора часа он стал сильно в этом сомневаться.) Зимой он как-нибудь перекантуется и заработает себе на лето. А там... Вольному воля...

Он вел такую жизнь уже четыре года, и она нравилась ему все больше и больше. Никому ничего не должен, сам себе хозяин, свободен как ветер в поле. Ну, или как ветер, дующий в его голове. Это почти одно и то же.

Орехово-Борисово? Он увидел на доме табличку «Шипиловский проезд, дом 18». Точно. Юг Москвы. «А не махнуть ли мне еще южнее? Если в пути ничего не произойдет, то послезавтра вечером я смогу искупаться в Черном море».

Прошлым летом он доехал до Байкала. Зависал там целый месяц и к осени вернулся домой. А на Черном море не был уже... Сколько? Два года. Ну да, в прошлом году он купался в Байкале, а в позапрошлом – в Каспийском море.

Значит, в этом неплохо было бы смотаться снова на Черное. Он знал в Крыму много интересных местечек. Крым...

Детская мечта. Один парень, Шура Сошников, с которым он вместе «тархтел на малолетке», рассказывал, что Крым – это райское место и что, как только он «откинется», сразу же отправится туда.

До Джорджа только потом дошло, что Шура сам ни разу там не был. Шура считал, что Крым – это большой город. «Есть Старый и Новый Крым. Между ними – большой мост, – говорил он. – Так вот Новый – это ерунда. А Старый – это класс!»

Сошник так туда и не добрался. «Откинулся», почудил пару месяцев на воле, затем – сто шестьдесят вторая, и поплыл обратно. Но уже на «взрослую» зону.

А он сумел взяться за ум. Даже нет – не взяться за ум, просто годы, проведенные в колонии, заставили его понять одну прописную истину: на свете нет ничего дороже свободы. Ничего. Ни одна вещь на этом свете не стоит того, чтобы променять на нее свою свободу.

Взяться за старое? «Бомбить» ларьки и палатки? Увольте. Он лучше заработает. Деньги все равно появятся. Не так быстро, но зато – на все сто твои. Жениться? Боже упаси! Что-то он не видел ни одной лошади, которой бы ПРАВИЛОСЬ надевать хомут на шею. А он что, глупее? Ну уж нет.

Решено. Крым. Симферопольская трасса. В очень приличном состоянии. Шестьсот верст за день намотать вполне реально. А если поднапрячься, то и все восемьсот.

Он ехал не спеша. Восемьдесят, не больше. Куда торопиться? Утро, впереди целый день. Какой, к черту, день? Все лето. А если смотреть на вещи шире – целая жизнь. И это его сильно радовало.

До того самого момента, когда ему вдруг захотелось кофе. Чертовски захотелось кофе с сигаретой. Ну да, курение в сочетании с кофеином – вредная привычка. Она-то его и сгубила. Уж лучше бы выпил пива – как оказалось, пару бутылок «Миллера» он все-таки заначил в кофре.

Но Джорджу захотелось именно кофе, будь он неладен. И это все изменило.

Он увидел указатель, показывающий направо, в сторону съезда с шоссе – «Новинки». И за указателем – бледно-голубой вагончик с надписью «Кафе». Он нажал на тормоз и съехал с асфальта. Поставил «Урал» чуть в стороне, в тени вагончика.

На стоянке были две фуры. «Пустые, наверное, – подумал Джордж. – Разгрузились в Москве и теперь гонят порожняком».

У него и раньше случались конфликты в дороге, но не так уж часто и не такие серьезные, чтобы этому можно было придавать значение.

Джордж зашел в вагончик. Все как обычно. Почерневший грязный пол, несвежие занавески на пыльных окнах, тучи мух, жужжащих под низким потолком, серпантины ловушек, свисающие над прилавком, и запах пережженного растительного масла, доносящийся из подсобки, переоборудованной в кухню. Ничего нового. Ничего такого, что могло бы его удивить.

Он вошел и сказал женщине, стоявшей за прилавком:

– Кофе, пожалуйста. Черный и с сахаром.

У женщины были печальные маслянистые глаза и шикарные черные усы. Джордж быстро успел представить, какие у нее должны быть ноги, и от этого темно-коричневая бурда, которую она наливала из прозрачного стеклянного чайника и которую явно хотела выдать за кофе, показалась ему еще менее аппетитной. Он быстро кивнул и понес пластиковый стаканчик к свободному столику – дальнему от входа.

За ближним расположились два здоровых мужика. «Наверное, те самые дальнбойщики, чьи фуры стоят на стоянке», – подумал Джордж. Они ели плов из таких же пластиковых тарелочек. Обычно плов в таких заведениях – фирменное блюдо. Это так же верно, как и то, что пластиковые тарелочки здесь не являются одноразовой посудой.

Он шел, глядя на кофе, щедро налитый до краев, и стараясь не расплескать мутную горячую жижу. Внезапно тот мужик, что сидел спиной, выставил ногу в узкий проход. Джордж запнулся, и кофе плеснул ему на руку.

– Ну что ж ты, брат? Аккуратнее надо! – Мужик укоризненно покачал головой. – Обжегся небось, а? – Он громко захохотал и подмигнул товарищу. Второй кивнул, бросил на Джорджа скучающий взгляд и снова уткнулся в тарелку с пловом.

Джордж взял стаканчик в другую руку, поставил его на стол и вытер руку салфеткой. Если бы предприимчивые трактирщики открыли способ стирать бумажные салфетки, они бы так и делали.

– Я разлил из-за тебя кофе, – медленно, почти по складам, проговорил Джордж.

Будь мужик поумнее, он бы услышал в его голосе тщательно скрытую угрозу. Но он не слышал. Или не хотел слышать.

– Да ты что? Какая жалость. Ну так купи еще. Или бабок нет? Тогда продай свою куртку, а? – Он заржал еще громче. – Виталь, возьмишь эту тряпку? Зимой на радиатор вешать? Парень продает.

Джордж сел на скамейку. Вокруг стаканчика набежал коричневый ободок. Он отхлебнул. Кофе, как всегда, оказался чересчур сладким. На сахаре здесь явно не экономили. Он достал пачку и закурил. «Надо еще успеть купить сигарет». – Он поймал себя на мысли, что именно так и подумал. Не купить сигарет, а УСПЕТЬ купить сигарет.

Он спокойно пил свой кофе и курил.

Первый дальнобойщик не унимался. Он сидел к Джорджу лицом и рассматривал его с откровенным презрением.

– Ты смотри, Виталь. Вырядятся черт знает во что, сядут на свою перделку и считают, что они – короли трассы. А? Пацанье...

Джордж сидел с невозмутимым видом. Сейчас он старался избежать конфликта. Их двое, и к тому же их столик преграждает путь к отступлению. Не надо спешить.

Он медленно допил кофе и потом, по привычке, сломал стаканчик. Услышав хруст, женщина, стоявшая за прилавком, болезненно вздрогнула, как хозяйка, на глазах которой неосторожный гость разбил любимую фарфоровую чашку.

Джордж встал и направился к прилавку. Он шел не торопясь и успел заметить, как тот, первый, снова высунул из-под стола ногу в стоптанном черном ботинке. Джордж замер прямо перед ногой. Он постоял, выдерживая паузу. Размышлял – наступить или нет. Затем нарочито высоко поднял левую ногу и перенес ее через черный ботинок.

Дальнобойщик быстро двинул ногой и дотянулся до носка правого ковбойского сапога из светло-коричневой замши. – Ой! – воскликнул он с деланным испугом. – Извини, брат. Похоже, я тебя испачкал. Не в обиду, а?

Краска бросилась Джорджу в лицо. Он с трудом удержался, чтобы не заехать этому здоровяку прямо в ухо. Затем заставил себя улыбнуться и кивнул: мол, не в обиду.

Дальнобойщик снова засмеялся. Ему было очень весело.

Джордж подошел к прилавку.

– Сколько с меня?

– Четырнадцать рублей.

– И еще – пачку «Кэмела».

– Сорок шесть. – Женщина с мольбой и в то же время с жалостью посмотрела на него. Ей совсем не хотелось, чтобы в ее заведении вспыхнула драка. К тому же она была совершенно уверена в ее исходе и, видимо, невысоко оценивала шансы Джорджа на победу.

Джордж кинул на прилавок пятьдесят рублей, взял сдачу и пошел на улицу.

Он не стал открывать новую пачку. Достал из начатой предпоследнюю сигарету и сел на байк.

Он умел выжидать. Как ни странно, этому его научил Сошник, худой вертлявый парень. Его ноги и руки были словно подвешены на пружинах, которые постоянно подергивались. Даже когда Сошник сидел, казалось, будто он куда-то бежит.

На «малолетке» часто приходилось драться – куда чаще, чем есть. И в драке обычно непоседливый Сошник становился расчетливым и хладнокровным. Он умел выбирать момент.

Для кого-то главным было просто «помахаться», пустить противнику юшку. Но Сошник видел только одну цель – победить. Он мог ждать день, два, терпеливо сносить издевки и насмешки, но, если чувствовал, что момент настал, – бил наверняка. И так сильно, что всегда вырубал соперника. Наглухо. Однажды он подстерег своего обидчика в столовой и, выхватив

из кастрюли черпак, так отделал здорового бугая – эстонца по имени Аймар Пиккор, – что парень стал заговариваться и мочиться во сне.

Сошник провел две недели в карцере, вернулся оттуда зеленый и едва стоящий на ногах от голода, зато веселый и счастливый.

Пожалуй, умение затаиться и ждать нужного момента было единственным полезным навыком, который Джордж вынес из-за колючей проволоки.

Он щелкнул «Зиппо» – не дешевой китайской подделкой, из которой на следующий день улетучивается весь бензин, а настоящей, «родной» «Зиппо», и прикурил.

Он не торопясь выкурил сигарету до конца и потом откатил байк за угол – так, чтобы его не было видно со стороны стоянки.

Минут через пятнадцать дальнобойщики вышли из вагончика.

У Джорджа не было никакого плана. Он даже не знал, что бы он стал делать, если бы они просто сели в свои КамАЗы и уехали. Поехал бы следом? Вполне возможно. Тем более что им, судя по всему, было по пути. На юг.

Но мужики уехали не сразу. Ему, можно сказать, повезло. Хотя... Это еще как посмотреть.

Второй, Виталик, сел в кабину и завел двигатель. А этот, краснорожий здоровяк... Тот самый, который испачкал Джорджу сапог... Ему приспичило сходить до ветру. На дорожку. Наверное, Джордж чувствовал, что так оно и будет. Иначе почему бы он притаился именно там, где узкая тропка, вытоптанная тысячами ног, огибала вагончик и устремлялась к покосившемуся деревянному домику? Все так.

Он услышал приближающиеся тяжелые шаги и скрылся за углом. Снова сел на байк и снова стал ждать. Он достал последнюю сигарету, закурил, смял пустую пачку и выбросил.

Из туалета доносилось кряхтение и бодрые очереди – словно дежурным блюдом в вагончике был не плов, а густая гороховая каша. Джордж брезгливо поморщился и затянулся. Он протянул руку за спину и расстегнул – на всякий случай плоский продолговатый чехол, в каких носят мобильные. Но мобильный Джорджа лежал в нагрудном кармане куртки. Расстегнул просто так. На всякий случай.

Он услышал, как зашелестела газета. Дальнобойщик явно не собирался ее читать. Через минуту дверь туалета скрипнула.

«Пора!» Джордж изящным щелчком отправил окурок в кусты и вышел из-за угла.

– О! Опять ты? – На красной роже появилось выражение, которое можно было бы назвать «тупым удивлением».

– Я разлил из-за тебя кофе, – медленно, с расстановкой, сказал Джордж.

– Гы... – Краска стала стекать с круглого лица, будто мужика облили водой из ведра. – Ну и что? Я пошутил. Ты это, брат... Без обиды.

– Ты испачкал мой сапог, – продолжал Джордж. Он сказал «сапог» и двинулся вперед – игривой танцующей походкой, на одних только мысочках, готовый в любую секунду нацелить острый нос «казака» между толстых ляжек засранца.

Дальнобойщик, несколько минут назад доказывавший приятелю, что «разряженные обезьяны на своих перделках» в одиночку ничего не стоят, кажется, начал понимать, что это не так. Не совсем так.

Этот парнишка был именно ОДИНОКИМ волком. Он не рассчитывал ни на чью помощь. Привык все делать сам.

– Ну ладно, ладно... – Мужик поднял руки и говорил почти ИЗВИНЯЮЩИМСЯ тоном. – Чего ты так взъелся? Из-за сапога? Это шутка. Все нормально.

Он поглядывал за спину Джорджа, и Джордж понял, что еще немного – и мужик закричит. Позовет Виталика. И тогда тот примчится с монтровкой. И перевес снова будет на их стороне.

– Ты испачкал мой САПОГ! – Последний слог он не произнес, а коротко выдохнул. Левая нога сорвалась и полетела вперед. Он бы попал. Но мужик в последнюю секунду успел среагировать и подставил руку. От этого остроносый сапог немного изменил траекторию и ударил мужику в бедро. Впрочем, тоже довольно болезненный удар, носки сапог Джорджа были обиты блестящими металлическими уголками с красивой насечкой.

Мужик схватился за ушибленное место и попробовал отмахнуться. Но делал он это неумело, этот явно не «тарактел» на малолетке. А дрался небось только спьяну, когда уже все равно: что дать по морде, что получить – лишь бы повеселиться.

Левая нога Джорджа приземлилась, выбив каблуком желтую пыль. Но еще до этого он быстрым неуловимым движением хлестнул мужика правым кулаком. Немного не рассчитал. Удар пришелся не в висок, не в нос и не в подбородок. Где-то посередине – в скулу. Хороший удар, сильный. Но не туда.

Мужик только покачнулся и попер на него, как родной КамАЗ по снежной целине.

Джордж пробовал отпрыгнуть, но внезапно почувствовал, что теряет равновесие. Упущенного мгновения оказалось достаточно: мужик подскочил и облапил его здоровенными ручищами.

«Обнимали меня, и понежнее», – промелькнуло в голове Джорджа. И следующая мысль: «Теперь все. Ближний бой – не моя стихия».

Можно было врезать мужику по ушам, а потом надавить большими пальцами на глаза, но Джордж чувствовал, что не успевает. Левая рука по-прежнему была сзади. Она действовала сама по себе, независимо от его воли. Вытащила из чехольчика узкий продолговатый предмет, ласкавший руку приятной металлической тяжестью, и нащупала кнопку.

Еще один урок Сошника. «Решил резать – режь не задумываясь. Но не показывай нож. До самого последнего мгновения не показывай нож. Держи его за спиной. А потом выбрасывай вперед обе руки одновременно – он не успеет сообразить, в какой ты держишь „перо“. Правой бей повыше, между ребер, а левой – снизу вверх, в печень. Можно еще под челюсть. Тоже хорошо...» Сошник учил его, размахивая ложкой, и Джордж тогда подумал, что за спиной у парня кое-что покруче, чем дурацкая кража пяти велосипедов, на которой он и попался.

Они отработывали все движения до автоматизма. Это вошло в привычку. Никому никогда не показывать нож. Нельзя показывать нож раньше времени.

Сейчас рука сама сжала рукоятку и потом чуть-чуть раскрылась, освобождая путь лезвию. Большой палец нажал на кнопку, и тугая пружина выбросила узкое лезвие. Щелкнул фиксатор. Все это произошло меньше чем за секунду.

Как в замедленном кино Джордж видел, что левая рука дальнобойщика хватает его за кадык, а правая уходит назад для широкого замаха. «Фраер! Теряешь время! Удар должен быть коротким...»

Эта мысль не успела облечься в словесную форму и даже не успела оформиться в виде образов: она просто мелькнула, как вспышка молнии.

И одновременно с ней мелькнула еще одна молния. Она пробила тугой воздух между бедром Джорджа и объемистым животом мужика.

Лезвие вошло очень легко, без звука. Пальцы Джорджа даже не почувствовали усилия, словно он попал в полиэтиленовый пакет с молоком.

Мужик замер. Глаза его испуганно уставились на Джорджа. Никто из них не смотрел вниз – туда, где...

Правой рукой Джордж крепко обхватил запястье руки, сжимавшей его кадык. Резко дернул и отбросил. И только потом вытащил нож.

Из раны ударила одна тонкая струйка, но она сразу же исчезла, будто кто-то перекрыл невидимый краник. «Печень – как губка, – объяснял ему Сошник. – Если попадешь – считай,

жмурик! Пусть не сразу, но все равно жмурик. Крови почти нет – она вся вытекает внутрь, в брюхо».

Одна тонкая струйка темной крови ударила из раны и тут же затихла. Джордж толкнул мужика коленом в грудь, и тот повалился на спину. Он хватал воздух широко открытым ртом, как разговорчивая рыба, выброшенная приливом на берег.

Джордж нагнулся и вытер нож об рубашку мужика. Крови на лезвии было немного, и рука совсем не испачкалась.

Медлить было нельзя. Джордж последний раз внимательно оглядел нож. Чистый. Крови нет. Если он увидит где-нибудь воду, то остановится и хорошенько вымоет его. Для верности.

Конечно, правильнее было бы выбросить «перо»... Сошник так и учил, но...

Во-первых, его «пальчики» уже хранятся в милицейской картотеке. Оставлять нож на месте нельзя. А если начнешь вытирать, все равно один отпечаток где-нибудь оставишь. А во-вторых, Джорджу вдруг стало жалко ножа. Пожалел. Ну, пожадничал, чего уж там. Пожадничал.

Он сложил лезвие и сунул нож обратно в чехол для мобильного. Бросился к байку, завел и, стараясь не суетиться, выехал на трассу.

Теперь и речи не могло быть о том, чтобы ехать дальше на юг. Надо срочно искать поворот на второстепенную дорогу.

Джордж доехал до следующего поворота. «Данки» – было написано на указателе. Когда-то он здесь ездил. Через пару сотен метров дорога разделялась. Налево она вела в Приокский заповедник, а направо – в Серпухов.

Джордж направился в Серпухов. Подальше от трассы. На трассе его может догнать Виталик и раздавить колесами своего КамАЗа. Так и будет, как пить дать. Дальнбойщики – народ нервный.

В городе он сможет ехать быстрее КамАЗа, а потом уйдет на какую-нибудь боковую дорогу, где поменьше постов ГИБДД.

Полчаса. Самое большее – полчаса. Вот все, чем он располагает. Потом всем постам будет дана ориентировка на одинокого байкера, подрезавшего «камазиста». За эти полчаса он должен проехать Серпухов насквозь, у Калиновых Выселок, перед танком, стоящим на постаменте, уйти налево и давать форсу от деревни к деревне, пока не попадет на трассу Таруса – Калуга. Там-то уж точно никакой засады не будет. А если будет – он свернет на грунтовку или даже в лес. «Не возьмут!» – думал Джордж.

В Бебелево, немного не доезжая Калуги, у него есть знакомая девчонка. Там он затаится до поры. И будет сидеть тихо, как мышка. Пока не уяснит ситуацию. Пока не поймет, пронесло или светит ему новый срок. А то, что этот срок будет немаленьким, Джордж не сомневался.

Поэтому, едва выехав из Серпухова, он пришпорил байк и, с трудом удерживая его на разбитом шоссе, полетел к трассе Таруса – Калуга.

Надо бежать. Но не этим ли он занимался последние четыре года? Тоже все время бежал. Правда, он все время бежал куда-то. А сейчас – приходится откуда. Но, если разобраться, разница невелика.

Он вспоминал, есть ли по пути заправка. Бензина оставалось меньше чем полбака.

«Заправлюсь в Сугонове. Там, где кольцевое движение. Налево – Ферзиково, направо – Сугоново, прямо – Калуга. Заправлюсь и снова поеду в сторону Калуги».

Он убежал.

* * *

Десять часов сорок девять минут. Поселок Ферзиково.

– Пришел в себя, – лениво сказал Микола.

– Хм? – Костюченко задумался. Что делать с Липатычем? Не шить же ему нападение на должностное лицо, находящееся при исполнении. Нет, формально-то, конечно, так оно и полагалось, но... Ферзиково – поселок небольшой, а Липатыч – свой парень.

Правда, он чуть не въехал на «газели» прямо в отдел. Еще бы немного, и точно въехал. Хорошо, что она заглохла на ступеньках. Две сломанные липки... На это тоже можно закрыть глаза. На это НУЖНО закрыть глаза.

«Газель» Микола уже отогнал во двор отдела и запер ворота. Из начальства вроде никто не видел. Авось пронесет. А с Андриюхи за это – магарыч. Хотя... Скучно с ним. Завязал мужик. Закодировался. Ладно, с Кумом разопьют. Была бы бутылка, а уж с кем выпить...

– Что с ним дальше-то делать?

– А? – Костюченко отвлекся от приятных мыслей. – Что делать?

– Ну да. Оформлять же надо.

– Слушай, может, вызовем ему врача? Ну там, солнечный удар и все такое. А? Надо отмазать мужика. Вон, у него вся морда в крови.

– Давай, – безучастно согласился Микола.

Ему-то что? Они с Кумом – прапорщиком Кумариным – «дети подземелья». Охраняют периметр ИВС, расположенного в подвале. Летом – душно, зимой – холодно. В общем, та еще работенка. А ему никак «старшину» не дают. Все так в сержантах и ходит. И это несмотря на медальку, заработанную в Чечне. Какой с нее прок? Отчизна чеканит их тоннами – на молодых задницах таких вот Микол, а потом вешает им же на грудь. А ему бы лучше – «старшину». А еще лучше – две прапорские звезды на погоны. Денег больше.

– Сейчас. – Костюченко потянулся к телефону. – Больница? Ферзиковский РОВД беспокоит. Дежурный, лейтенант Костюченко. Пришлите-ка нам «скорую», тут одному парню плохо. Да, задержанному. Ага. Ждем.

Он повесил трубку. Но еще одна мысль не давала ему покоя. Что там Липатов нес про Бронцы? «Бронцы, кровь, голова...» Ну, голову ему, положим, напекло. Кровь – из носа пошла. А при чем тут Бронцы?

Вообще-то он обдумывал эту мысль уже давно. Минут пятнадцать. Но дежурной машины и наряда, как назло, не было под рукой.

«Ну вот, помяни дурака, он и...»

Костюченко выглянул в окно. Напротив стенда «Их разыскивает милиция» остановился узик, окраской напоминающий отцветающий синяк – желто-синий. Наряд вернулся. Там какая-то бытовуха на улице Бычкова. То ли подвыпивший муж бил трезвую жену, то ли трезвая жена метелила напившегося мужа. Это у них вроде традиции. Если мужику не хватило и он еще стоит на ногах, то вкладывает жене, а если с трудом добрался до дома и валится с ног – она ему. Взаимная любовь, одним словом.

Из машины вышли два молодых парня с короткими автоматами Калашникова на плече. (Костюченко припомнил старый анекдот: «Зачем милиционеру автомат? – Чтобы не отобрали пистолет».) Последним вылез водитель, толстый здоровенный детина, старшина Николаев.

Костюченко вышел из стеклянного аквариума дежурки и пошел им навстречу, на крыльцо.

– Ну что там, на Бычкова?

Один из парней досадливо поморщился и махнул рукой:

– Как обычно...

– Кто кого?

– Ничья.

– Ребята, вы вот что... – Костюченко почесал переносицу, что означало у него крайнюю степень умственного напряжения. – Смотайтесь-ка в Бронцы, посмотрите, что там творится.

– А что там творится? – насторожился первый парень, сержант Омельченко.

– Не знаю. Я не уверен, что там вообще что-то творится... Но... Подозрения есть Второй сержант, невысокий светловолосый крепыш по фамилии Попов, подошел и встал рядом. Сегодня он был старшим дежурной группы.

– От кого поступил сигнал?

– Да ни от кого. – Костюченко не знал, как им объяснить. Рассказывать все как есть он не хотел. Не потому, что не доверял ребятам – просто не хотел. – Проезжал мимо Андрюха Липатов. Остановился. Вся морда в крови. Бормочет что-то про Бронцы. Что там такое – я так и не понял. То ли его ограбить хотели, то ли просто голову солнышком напекло. Вы все-таки проверьте, от греха подальше. Лады?

По лицам сержантов он понял, что им совсем не хочется снова залезать в раскаленную жестяную кабину уазика, но выхода не было. Служба есть служба. Просьба дежурного – это без пяти минут приказ. К тому же – старшего по званию. Офицера. Лучше откликнуться на просьбу, чем выполнять приказ.

Попов с тоской посмотрел на Омельченко и вопросительно кивнул: пойдём? Тот пожал плечами: а что еще остается?

Дежурный проводил их взглядом. Попов что-то сказал водителю, и Николаев сокрушенно вздохнул, открыл дверцу и полез на свое место. Лицо его налилось краской, он тяжело дышал – протискиваться за руль с каждым годом становилось все труднее и труднее. Живот, что ли, рос? Наверное.

Уазик коротко взревел. Костюченко увидел, как задрожал капот. Казалось, сама машина не одобряла эту затею – тащиться по жаре в Бронцы. Шесть километров по трассе, да еще от поворота три. И все из-за какой-то ерунды.

Ерунды... Тогда они еще думали, что это ерунда.

Они ехали не торопясь. Николаев только прибавил газу, когда проезжали Козловку. Прямо перед деревней раскинулась свалка. Покосившиеся ржавые ворота всегда были приветливо открыты, а вонь в окрестностях стояла такая, что щипало глаза.

С милицейского уазика сняли форточки, чтобы лучше проветривался салон. Машина эта простая и не балует пассажиров различными приятными мелочами вроде стеклоподъемников. Зато она может ездить там, где и человек-то порой не пройдет – завязнет. Для уазика не нужна дорога – ему достаточно задать направление.

Удушливая волна вонии ворвалась в салон. Попов повернулся к водителю:

– Васильич, да ты никак волнуешься? Омельченко, сидевший на заднем сиденье, громко рассмеялся:

– Васильич, а ты не признавайся, вали все на меня! Скажи, что это я воздух испортил!

Николаев что-то проворчал: не обиженно и не сердито, просто для порядка. Сколько бы раз за дежурство они ни проезжали Козловку, парни шутили всегда одинаково. Всегда подтрунивали над ним, хотя он-то им почти в отцы годится, да и по званию старше. Но эти ребята знали, что для них сержантское звание – не потолок. У Омельченко связи в отделе, он обязательно будет прапорщиком, а Попов учится в юридическом, на заочном, значит, скоро станет офицером. А сам он так и останется старшиной. Для водителя дежурной машины это предел. Венец карьеры. Так куда ему рваться?

Он укоризненно покачал головой, нажал на газ, и уазик послушно напрягся. Дальше дорога поднималась в небольшую гору. Слева показался большой добротный дом, обнесенный забором, с множеством хозяйственных построек и асфальтированной площадкой перед крыльцом. Дом построил какой-то фирмач из Москвы, пару лет назад он разбился на машине. Сейчас в доме жил его брат.

Попов привычно окинул дом взглядом.

– Да. Вот такой бы построить. – Он присмотрелся внимательнее. – Вроде здесь все спокойно. Заезжать не будем? – Попов обернулся к Омельченко.

– Не будем.

Старшина обиженно засопел. Его мнения никто не спрашивал. Его дело – крутить баранку да жать на педали. «Ну хорошо, ребятаки. Не спрашиваете – и не надо. Сами – значит, сами».

Дорога изогнулась. Еще полкилометра – и показался железнодорожный переезд. Перед переездом должен был стоять знак «Стоп». Железная дорога вела в Алексин, и поезда ходили по ней не больше трех раз в сутки, но все равно знак должен был стоять. Правда, сейчас его не было.

Ближайшая деревня – Юркино, и на карте Калужской области она обозначена как нежилая. Зимой там действительно никто не жил, а летом она превращалась в колонию московских дачников. Эти московские вечно куда-то торопились и проскакивали переезд, не обращая на красный восьмиугольник никакого внимания.

Коллеги из ДПС частенько пользовались этим. Они прятались за домиком обходчика, который с незапамятных времен назывался Чекиной будкой (откуда взялось это название, никто не знал), и ловили московских, пренебрегающих правилами дорожного движения.

Дачники отвечали взаимностью. Хорошенько выпив и закусив на лоне природы, они выезжали по ночам к переезду и откручивали знак. Куда они его потом девали, неизвестно. Но только к утру субботы знака уже не было. Эта холодная война продолжалась целых три года, и в конце концов мужики из ДПС выбросили белый флаг. Знаков больше не осталось. В последнее время они и так уже вешали что под руку попадется: перекрашивали старые знаки красной краской и белой писали «Стоп». Вместо положенного восьмиугольника появлялись красные треугольники, круги и квадраты – все, что могли найти в кладовке, – но бесполезно. Все они куда-то исчезали.

Наконец было принято мудрое решение. В пятницу вечером приезжала машина ДПС, ребята наскоро прикручивали очередную железяку и прятались за Чекиной будкой. Они сидели, притаившись, до самой темноты, поджидая, пока все ушлые москвичи соберутся в своей «колонии». Но те тоже не лыком были шиты. В пятницу они были исключительно законопослушны. Не то что в воскресенье: Но в воскресенье каждый уезжал, когда хотел, и проследить за ними было невозможно. Не будешь ведь целый день торчать в засаде. К тому же на той стороне путей не было такого надежного укрытия, как Чекина будка, и патрульную машину негде было спрятать. Словом, эти москвичи, вездесущие, как тараканы, сумели отводить место под солнцем. Ну и черт с ними. Ребята из ДПС откручивали знак и уезжали – до следующей пятницы.

Наряд проехал Чекину будку. До поворота на Бронцы оставалось не больше километра.

Николаев первым обратил внимание на странный треск, который появился из рации. И вслед за этим машина стала дергаться. Не очень сильно, но дергаться.

Старшина выругался. Не иначе как на заправке ему опять залили «балованный» бензинчик. Ну что недолили – это нормально. В порядке вещей. Жить-то всем надо. От этого несчастного литра МВД не обеднеет. Грызлов не приедет и не будет грозить смертными муками заправщице, молодой бабе, в одиночку воспитывающей двух малолетних бандитов. Но уж водой-то разводить? Ну ладно, развела маленько – тоже не так страшно. Но до такой степени, чтобы даже уазик начал дергаться? А уж этот работяга привычен ко всему. Если потребуется, он и на подсолнечном масле поедет.

Николаев снова выругался. Это он делать умел.

– К тебе надо на стажировку депутатов из Госдумы присылать, – сказал как-то начальник.

– Да чего уж присылать? Лучше я к ним туда, консультантом, – степенно отозвался Николаев.

– Ну нет, – отрезал начальник, будто речь шла о чем-то серьезном и служебное письмо с требованием немедленно прислать в Госдуму старшину Николаева на должность консультанта по русскому непечатному языку уже лежало у него на столе. – Нам такие кадры самим нужны.

Николаев пожал плечами. Фортуна опять повернулась к нему тылом. А зрелище это весьма неприглядное – любой подтвердит. Спереди она – молодая красивая женщина, а сзади...

– Что такое? – Старшина нажал на газ, надеясь, что карбюратор как-нибудь прочистится сам собой.

Он работал водителем уже двадцать лет и прекрасно знал, что машина, к сожалению, не человек – она никогда не исправится сама собой, но всякий раз питал смутную надежду, что карбюратор не придется снимать и чистить ацетоном, а из бензобака не придется сливать грязную воду.

– «Что такое?» – передразнил Омельченко. – Васильич, ты небось автошколу так и не закончил? А права за бутылку купил?

– Нет, он форму надел. И на экзамены с пистолетом пришел, – отозвался Попов.

– Смейтесь, смейтесь, – пробурчал старшина. – Этому «козлику» почти столько же лет, сколько и вам. Ему уже на покой пора.

– На обратном пути заедем в Козловку, оставим его на свалке. – Попов подмигнул Омельченко. – «Козла» – в Козловку!

– Ага! – поддержал тот. – А заодно уж – и Васильича.

Все было как обычно. Те же самые шутки, которые он уже слышал множество раз – избытые и плоские, но на дежурстве они почему-то казались веселыми. А может, просто парням нужно было над чем-то смеяться, чтобы не свихнуться со скуки?

Двигатель вновь загудел ровно. И треск из радиc стал тише. Машина подъехала к указателю «Бронцы – 3 км» и свернула на разбитый проселок. Разбитый до такой степени, что шоферы рейсовых автобусов отказывались туда ездить: чего за копейки гробить подвеску? Хозяйственного Николаева это всегда удивляло: ведь рядом карьер, неужели нельзя отсыпать три километра щебнем?

Они проехали совсем немного, и вдруг Попов сказал:

– Смотри!

– Что? – насторожился Омельченко.

– Впереди. – Заскорузлый палец Попова указывал на странный предмет, лежавший поперек дороги метрах в пятидесяти от машины.

Омельченко выглянул из-за плеча напарника. Машину трясло на кочках, и он долго не мог сфокусировать взгляд. Наконец это удалось, и ему совсем не понравилось то, что он увидел.

Стая жирных, кричащих и бьющих жесткими крыльями ворон сидела на чем-то, отдаленно напоминавшем бревно. Вот только вороны не стали бы КЛЕВАТЬ бревно. И еще... Ему показалось... (Может, только показалось?) Что на конце бревна, обращенном не к придорожной канаве, а к дороге, были надеты ботинки. Обычные, грубые, черные ботинки.

– Остановись, Васильич! – приказал Попов. Он был старшим наряда, и старшина подчинился. – Не глуши двигатель!

Николаев так и сделал. Вообще-то, он и сам знал, что в подобных случаях глушить двигатель не полагается. Лучше не стоит. Но он еще не знал, что через пару минут это спасет ему жизнь.

Попов некоторое время сидел на месте, то выглядывая в открытую форточку справа от себя, то косился влево, то опять смотрел на странный предмет, лежавший на дороге.

Затем он открыл дверцу и скомандовал:

– Васильич, на месте! Серега, за мной!

Он бросил на сиденье форменную кепку, снял с плеча автомат и передвинул предохранитель. Пока просто передвинул предохранитель, не стал передергивать затвор и досылать патрон в патронник, но он был готов сделать это в любое мгновение.

Омельченко весь подобрался, от былой веселости (скорее наигранной, чем искренней) не осталось и следа. Он вылез и встал рядом с машиной. Он даже успел подумать, а не надеть ли бронежилет? Три жилета лежали на заднем сиденье, но в них было так жарко... Стоило натянуть его, и ты чувствовал себя куском тушенки, запечатанным в консервную банку, которую подогревают на газовой конфорке. А на Николаева он и так не налезал.

Попов перехватил автомат левой рукой, правую поднял в воздух, предупреждая: «Тихо!» Омельченко застыл на месте.

Попов стоял, прислушиваясь, но не мог уловить никаких посторонних звуков. Лишь рокотание двигателя уазика, слабый шелест листвы над головой, вороны крики и еще... Какой-то треск... Ну да, это из рации. Точно. Он это уже слышал.

Он шагнул вперед, махнув рукой за спину. Омельченко понял, что означает этот жест: прикрывай тыл! Следи за тем, что сзади!

Отпустив Попова вперед на добрый десяток метров, он двинулся следом.

Солнце, висевшее вверху и где-то справа, нещадно слепило глаза. Попов крепко сжимал автомат – теперь уже двумя руками.

Не отрывая взгляда от странного предмета, перегородившего дорогу, он поднял плечо и рукавом рубашки вытер пот, струившийся по щеке. Жесткий край погона царапнул мочку уха.

Попов шел не торопясь, крадучись, осторожно ступая в мягкую желтую пыль. Форменные ботинки запылились до самых шнурков, теперь уж без чистки не обойтись. Еще, не дай бог, заметит начальник, начнет выговаривать...

В придорожных кустах послышался тихий шорох.

Тело среагировало мгновенно – гораздо быстрее, чем сознание. Попов присел на одно колено и развернулся лицом в ту сторону, откуда донесся звук. Правая рука оттянула затвор, и патрон с грозным скрежетом встал на место.

– Стоять! Выходи с поднятыми руками!

Краем глаза он успел отметить, что у его напарника реакция оказалась не такой хорошей: прошло не менее двух секунд, прежде чем Омельченко сообразил отбежать назад, укрыться за крылом уазика и приготовиться к стрельбе.

Стрельба... Попову ни разу не приходилось стрелять во время дежурства. И слава богу! И сейчас ему очень не хотелось бы открывать огонь. Но... Если в кустах...

Он скосил глаза в другую сторону. Ботинки, черт их побери! Это были самые настоящие ботинки. И вороны неспроста клевали ТО, что валялось посреди дороги. Они... Завтракали. Сейчас около одиннадцати. Время завтрака. Пусть даже позднего. Для обеда слишком рано.

Шум в кустах больше не повторился. Попов еще раз крикнул, для остротки:

– Кто там? – Но кусты молчали.

Собственно говоря, глупо было предполагать, что убийца (а Попов не сомневался, что человека, чей труп лежал на дороге, именно убили) до сих пор скрывается где-нибудь поблизости. Попов поднялся с колен и снова двинулся вперед.

Он медленно приближался к трупу, изредка оборачиваясь и контролируя действия своего напарника. Омельченко, держа дистанцию, шел следом. Николаев по-прежнему сидел за рулем. Лица его не было видно. Лобовое стекло превратилось в один огромный солнечный зайчик.

До тела оставалось не более десяти шагов. Но вороны и не думали улетать. Они словно не замечали Попова.

– Эй... А ну! Кыш! Пошли вон!

Теперь они увидели человека и косили на него маленькими черными бусинками глаз, но... Попов не видел в них страха. Скорее наоборот. Угрозу. Кто он такой, что осмеливается отрывать их от еды? От их законного пиршества?

Труп был облеплен черными птичьими телами, как раздавленная мышь – навозными мухами.

Внезапно Попов застыл на месте, чувствуя, что... С ним что-то происходило. Он пока не мог понять, что именно. Это был не страх. И не отвращение. И даже не беспокойство.

Это было... опустошение. Медленное, но неотвратимое опустошение. Словно кто-то открыл все краники у него в голове, и теперь мысли, чувства и желания выливались оттуда тонкими струйками, оставляя саму голову пустой и звонкой.

Но вдруг... Краники закрылись, и голова стала заполняться. Тоской, тревогой и... злобой. Черной, липкой и густой злобой. Он стоял, глядя на деловито копошащихся ворон, и уже не чувствовал прежнего отвращения к этим птицам, клюющим мертвечину. Теперь они ему нравились. Он ПОНИМАЛ их.

Попов улыбнулся. Если бы в эту секунду Омельченко мог его видеть, то заметил бы: со старшим наряда что-то не так. Он бы наверняка испугался, увидев заострившиеся черты лица и холодный блеск в потемневших глазах. Но он этого не видел – Попов стоял спиной к нему.

– Валентин! – окликнул старшего Омельченко. – Труп, что ли?

Попов уловил дрожь в голосе напарника. Рот его растянулся до ушей. Но это совсем не походило на улыбку, скорее на оскал. Он стоял и прислушивался к осторожным шагам за своей спиной. Омельченко подходил все ближе... и ближе...

– Труп... – Попов развернулся. Патрон уже был в патроннике. Он не торопился. Крепко обхватил автомат ладонями, прижал к бедру... – Сейчас здесь будет еще один... – Он засмеялся.

В последний момент Омельченко все понял. Понял, но так до конца и не поверил в реальность происходящего. Потому что этого никак не могло быть: они с Валькой давно знали друг друга, их дома стоят на одной улице, они вместе после армии пришли в милицию...

– Валька! – Омельченко даже не делал попыток убежать или передернуть затвор. Он просто загородился ладонью, словно хотел, как Киану Ривз из «Матрицы», остановить рукой пули. – Ты чего?..

Сухая автоматная очередь разорвала вязкий знойный воздух. Омельченко дернулся, голубые клочья форменной рубашки полетели в разные стороны. Его не отбросило назад. Пули прошли навывлет, все до единой. Тонкие иголки калибра 5,45 прошли не защищенное бронежилетом тело насквозь, как швейная машинка – мягкую материю, оставляя неровную строчку.

Шесть пулевых отверстий, расположенных косо – от правого бедра и до левого плеча (автомат подпрыгивал в руках, от каждого выстрела ствол задирался все выше и выше), – засочились алой кровью. Рубашка мгновенно прилипла к телу. Омельченко успел взглянуть на испачканную рубашку и упал на колени. Он пытался что-то сказать. Он даже открыл рот, и из правого уголка выскользнула змейка пузырящейся крови – одна из пуль пробила легкое.

Но старший был неумолим. Он знал, что ДОЛЖЕН это сделать. У него не было никаких сомнений. Он не торопясь поднял автомат. Приклад он не раскладывал, поэтому не мог упереть его в плечо – для точности прицела. Но он и так стрелял неплохо. На учебных стрельбах всегда получал грамоты за меткость. «За целкость», – говорил начальник.

Он не волновался, руки у него не дрожали. От бывшего Вальки Попова не осталось и следа. Теперь он был совсем другим. Словно кто-то стер из его мозгов всю информацию, накопившуюся за предыдущие двадцать пять лет, и записал новую. И заложил программу, которая заставляла его действовать: поднять к плечу автомат, прицелиться в голову Омельченко и плавно, без рывков, потянуть на себя спусковой крючок.

Голова несчастного Омельченко взорвалась фонтаном алых брызг, и он, как подкошенный, рухнул в пыль.

– Еда, – прошептал Попов. – Вот вам обед, птички! Вкусный обед. Ешьте, не бойтесь! Папочка не оставит вас без ужина.

Он еще раз посмотрел на тело и направился к машине.

Николаев прирос к сиденью, крепко сжав руль – так, что костяшки пальцев побелели. Сколько продолжалось это оцепенение, старшина не знал. Он видел, как Попов, на ходу раскладывая приклад, перешагнул через тело напарника и направился к нему. Увидел, как Попов снова поднял автомат, упер приклад в плечо и остановился, прицеливаясь, оружие дернулось в руках обезумевшего сержанта. И только осколки лобового стекла, ударившие ему в лицо и посыпавшиеся на колени, привели Николаева в чувство.

Старшина выжал сцепление, включил заднюю передачу и резко нажал на газ. Треск в рации усилился, он словно был недоволен тем, что старшина покидает это проклятое место раньше времени. Так зрители в кинотеатре шикают на того, кто осмелился выйти из зала, не досмотрев фильм до конца.

Старшина давил на газ изо всех сил. Он вжал педаль в пол и продолжал давить, словно от этого узик должен был помчаться еще быстрее. Он даже не смотрел назад, в маленькое зарешеченное оконце, не смотрел в зеркала заднего вида. Он не мог оторвать глаз от страшной и нереальной картины: Попов, широко расставив ноги, тщательно целился прямо в него. И... улыбался. Старшина уже не мог хорошо рассмотреть его лицо, но он твердо знал, что Попов улыбается.

Тот действительно улыбался. Потому что все теперь приобрело другой смысл, другое значение. И еще – потому что разбитое лобовое стекло перестало слепить его. Теперь он мог прицелиться получше.

Попов прижался щекой к металлической скобе приклада и затаил дыхание. Машина, прыгая на кочках, стремительно удалялась, но он держал ее в прорези прицела. Когда прицел, мушка и точка над капотом, где должна была находиться голова старшины, легли на одну линию, Попов плавно нажал на спуск.

Еще одна очередь, теперь уже длинная, прорезала воздух. Машина завиляла из стороны в сторону, но с дороги не слетела. Задним ходом она выкатилась на шоссе и остановилась.

Попов замер, ожидая. Если она не тронется с места, значит, он попал. Ну а если не попал... Ну что ж? Не повезло. Все равно он не станет тратить понапрасну патроны. Они еще пригодятся.

Он сощурил глаза и поднес ладонь ко лбу, прикрывшись ею, как козырьком, от палящего солнца.

Узик стоял на шоссе. Он стоял почти минуту. Попов удовлетворенно кивнул, развернулся и пошел к телу Омельченко.

– Реакция у парня была никудышная. Нам такие не нужны, – сказал он неизвестно кому. Попов ни к кому не обращался, но, несмотря на это, он услышал одобряющий ответ: «Да, парень. Ты прав. Ты все сделал правильно».

Это не было голосом свыше. Это вообще не было голосом. Просто мысль, возникшая в его сознании неизвестно откуда. Но ведь так и должно быть: если обращаешься неизвестно к кому, то и ответ получаешь неизвестно откуда.

Он рассмеялся, нагнулся и вытащил из автомата Омельченко целый магазин.

– Патроны нужны. «Да, парень. Они тебе пригодятся».

Попов сунул магазин в карман и пошел в Бронцы. До деревни оставалось три километра.

– Наверное, там еще осталась работа для меня.

«Точно, парень. Осталась. Небольшая, но осталась».

Он даже не понимал, что говорит вслух. Но это не было разговором с самим собой: ведь он получал ответ. Он все время разговаривал с КЕМ-ТО. С кем-то, кто выжал из его головы все, что когда-то было Валентином Поповым. Теперь он мог только говорить – механически, бездумно, потому что смысл собственных слов больше не имел никакого значения. Гораздо важнее был голос, который звучал ВНУТРИ.

«Иди, парень, – говорил этот голос. – Иди и убей всякую тварь, которая попадется тебе на пути».

– Иду, иду, – бодро отвечал Попов и ухмылялся.

Он прошел полсотни шагов, когда уазик медленно тронулся с места. Машина ехала неуверенно, ее бросало от обочины к обочине. Двигатель громко ревел, потому что водитель тронулся со второй передачи и сил переключиться на третью уже не было. Но он продолжал упрямо катиться в сторону Ферзикова.

Попов оглянулся только один раз. Он увидел уазик, движущийся по шоссе, и пожал плечами.

«Иди, парень. Пусть себе едет, – говорил голос. – Они сюда не сунутся. А если сунутся – кому от этого хуже?»

– Точно, – сказал Попов и громко засмеялся. Но он все равно ничего не понял.

* * *

То же время. Деревня Юркино.

– Сейчас, сынок. – Николай Рудницкий снял с плиты сковородку. Со сковородки на него смотрело круглое (как у Рыцаря Белой Луны) шестиглазое лицо яичницы.

Николай поставил сковородку на деревянную подставку – не пачкать же тарелки, единственная посудомоечная машина, которой он располагал в деревне, – это собственные руки. Правда, была еще одна – более совершенной конструкции и куда менее ленивая, системы «жена Лена», но сейчас она находилась в Москве. Сержик упросил мать немного задержаться в городе. В ИБХ, институте биоорганической химии имени Шемякина, проходила то ли какая-то конференция, то ли симпозиум, что-то в этом духе. И Сержик непременно хотел присутствовать.

Как ему это удалось, Николай сам толком не знал. Просто однажды обнаружил в почтовом ящике продолговатый конверт с приглашением. На конверте значилось: «Рудницкому Сергею Николаевичу». Оказалось, Сержик почти полгода состоял в переписке с одним доктором наук, и тому показались очень смелыми и интересными идеи, предложенные молодым незнакомым коллегой.

«Представляю, как он удивится, увидев, что этот коллега – вихрастый двенадцатилетний мальчишка, который, задумавшись, любит поковырять в носу!»

Оставлять сына одного в городе было нельзя. Сержик был вполне самостоятельным, но у него имелась скверная привычка. За своими занятиями он совершенно забывал о еде. Николай как-то прочитал, что нечто подобное творилось и с Эдисоном. Великий изобретатель всю жизнь оставался ребенком, и если бы не заботливая жена, которая время от времени кормила его почти силком, то он бы умер от истощения, и мир не увидел бы ни фонографа, ни знаменитой лампочки. Конечно, приятно сознавать, что твой сын – почти Эдисон, но в быту, надо признать, это доставляло немало хлопот.

Если Сержик чем-то занимался (а он занимался ЧЕМ-ТО почти всегда), то его хватало лишь на то, чтобы почистить зубы и изредка ходить в туалет, когда терпеть было уже невозможно. Даже расчесывание он считал пустой тратой времени и потому просил мать стричь его под машинку. (Лена не соглашалась.) Ну, а уж еда... Об этом он просто забывал. Еда не входила в число его жизненных интересов. Он как-то сказал отцу, что было бы неплохо получать энергию

напрямую от солнца. Как удобно – вышел на улицу, посидел полчаса на скамейке, читая какую-нибудь книжку, и вернулся домой, заряженный энергией на весь день.

«А зимой? Или в пасмурную погоду?» – хотел спросить Рудницкий-старший, но вовремя осекся. Потому что тогда Сержик притащил бы в дом какую-нибудь невероятно мощную ультрафиолетовую лампу.

Поэтому он покивал и погладил сына по голове, пытаясь хоть как-то уложить непослушные волосы. Один и тот же жест имел разное значение. Ваню он гладил по голове, когда хотел ободрить и приласкать. Ваня очень любил, когда его гладили по голове. Лена... Лена тоже очень любила, но это всегда предшествовало более нежным ласкам. Она моментально заводилась, стоило Николаю коснуться ее роскошных волос. А Сержика он гладил потому, что таким образом причесывал его. В этом не было никакой ласки – Сержик сам их не допускай, говорил: «Излишние эмоции изменяют гормональный фон, что сильно мешает мыслительному процессу». Вот поди ж ты – такой клоп, а уже – гормональный фон. Мыслительный процесс!

Правда, он никогда не иронизировал над этими словами: мыслительный процесс младшего сына всегда был для него чем-то вроде священной коровы. Или извержения вулкана. Словом, чем-то, что он до конца не мог понять и уж тем более проконтролировать.

Правда, он часто задумывался: а те ребята, которые изобрели атомную бомбу или бактериологическое оружие, они тоже в детстве были такими? Вундеркиндами? Говорят, про Ландау уже в возрасте четырех лет было известно, что он – гений. А Сержик? Он – гений?

Николай сам не понимал, чего он хочет больше: чтобы его сын оказался гением или чтобы он был нормальным мальчиком, просто не по годам развитым в интеллектуальном отношении? Все-таки гением быть тяжело. «Наверное, тяжело», – тут же поправлял он себя, потому что изведать это на собственном опыте ему не довелось. И все равно он думал, все чаще и чаще, что гением быть так же тяжело, как и дауном. А может, еще тяжелее.

Он поставил сковородку на деревянную подставку, чтобы не прожечь полиэтиленовую скатерть. Отрезал кусок «Фермерского» хлеба и намазал маслом Ферзиковского молокозавода.

«Фермерский» хлеб и ферзиковское масло – сочетание идеальное. Почти как кирзовые сапоги и портянки. Это как раз тот случай, когда результат представляет собой нечто большее, чем просто сумма слагаемых.

«Фермерский» хлеб – круглый каравай из муки непонятного цвета: не белой, не черной и не серой. Сам по себе он не так вкусен. И масло такое же – когда его намазываешь на батон, купленный в Москве, особого вкуса не чувствуешь. Но вместе получается что-то замечательное. Неповторимое.

Николай намазал два больших куска: Ване и себе. Скоро, с приездом жены, их рацион коренным образом изменится. В нем будут преобладать салаты из свежей зелени и овощей, политые лимонным соком и заправленные оливковым маслом, легкие супы и прорва молочных продуктов – естественно, не таких жирных, как масло! «Сливочное масло?! Кладовая холестерина?! – скажет Лена и наморщит носик. – Нам нужна здоровая пища!»

Не совсем так. Сержику, как выяснилось, пища совсем не нужна, а они с Ваней любят все вкусное. Пусть незатейливое, но вкусное, что почти никогда не оказывается здоровым. Но... Наверное, так устроен мир. Хочешь прожить подольше – ешь суп из щавеля и жуй салат из молодых листочков крапивы. Ну а если хочешь вкусно поесть, то не стоит записывать холестерин в число злейших врагов.

Собственно говоря, это известно давно. Не зря же кулинарная книга так и называется: «Книга о вкусной и здоровой пище». В самом названии подразумевается, что есть пища – вкусная, а есть – здоровая. Яичница с куском «Фермерского» хлеба, намазанным ферзиковским маслом, наверняка открывала бы раздел: «Вкусная». Ну а Ленины рецепты прибавили бы сотню-другую страничек в раздел «Здоровая».

Николай провел ложкой посередине, честно разделив яичницу пополам. Другое деление Ване не понравилось бы, он это знал. Все должно быть честно. От начала и до конца. Поэтому Николай все ел только ложкой, как и Ваня, – с вилкой сын управлялся не очень ловко.

– Ну как? Вкусно?

Ваня улыбнулся и загудел. Несколько кусочков яичного белка вылетели из широко открытого рта и упали обратно в сковородку.

– Ешь, ешь...

Наверное, полагалось бы сказать: «Когда я ем, я глух и нем». Или еще какую-нибудь ерунду в этом духе. Но... Николай помнил, как однажды воспитательница детского сада, куда ходил Сержик, пожаловалась ему:

– Представляете, он сделал мне замечание! «Представляю, – подумал про себя Николай. – Уж я – то ХОРОШО представляю, можете мне поверить!», – а вслух спросил:

– Да вы что? И что же он сказал?

– Мы сели обедать. Кто-то из мальчиков разговаривал, и я его одернула: «Когда я ем, я глух и нем!» А ваш Сережа... «Ваш Сережа...» Это прозвучало как: «А ваш бандит!»

– А ваш Сережа заявил: «Почему же ВЫ тогда болтаете?» Не знаю, может, в вашей семье так принято – чтобы дети делали замечания взрослым...

«Нет, у нас так не принято, – подумал Николай. – У нас вообще не принято делить на взрослых и детей. Мы – семья, вот и все!»

– Нет, нет, ну что вы? Конечно, не принято!

– Вы объясните ему, пожалуйста, как надо разговаривать со старшими!

– Обязательно. – Николай замешкался. Один вопрос не давал ему покоя. Он понимал, что задавать его не стоит, но не смог удержаться: – Простите... А вы в этот момент ели?

– Что?

– Ну, я имею в виду... Вы сами в этот момент обедали? Воспитательница посмотрела на него так, словно он предложил ей задрать юбку и показать всем свои кривые ноги.

– Конечно! А что же я, по-вашему, святым духом должна питаться?

– Нет, нет... Что вы? Не должны. Это мало у кого получается – питаться святым духом.

С тех пор Николай угодил в черный список. «Яблоко от яблони... Вся семейка такая». Правда, Лене удалось немного сгладить конфликт, но ненадолго. До следующего раза.

Николай улыбнулся, вспоминая этот эпизод.

Ваня ничуть не смутился своей оплошностью: он подцепил ложкой выпавшие кусочки и снова отправил их в рот. Он ел с аппетитом, и его оттопыренные уши смешно шевелились.

Николай с улыбкой посмотрел на сына и вдруг понял, что ему есть совершенно не хочется.

Он отложил ложку в сторону. Сын взглянул на него с подозрением.

– Все нормально... Просто... голова немного болит.

Николай украдкой провел рукой по верхней губе. Крови больше не было, но головная боль, до поры затаившаяся где-то между извилин, снова выползала из своего укрытия, извиваясь скользким блестящим телом.

У него никогда раньше не болела голова. Нет, ну, может, когда-то и болела по утрам, но тогда причина была ясна: перебрал вечером. А вот так, чтобы ни с того ни с сего... Он помнил, что мать всегда мучалась мигренью. А он ей не верил, думал, как это может быть? Откуда что берется? Ведь должна быть причина.

Мать ходила по квартире бледная, любой шум или яркий свет вызывали у нее болезненную гримасу, иногда она шла в ванную и подолгу стояла под горячим душем, массируя голову, иногда ложилась спать, но это почти никогда не помогало. Боль появлялась и исчезала тогда, когда ей было угодно.

И сейчас, впервые в жизни, Николай на себе почувствовал, что это такое: боль, взявшаяся ниоткуда.

Есть не хотелось. Он даже не мог смотреть на эту яичницу. Если бы он был один, то выкинул бы ее куда подальше. Но рядом сидел сын, и он уплетал отцовскую стряпню с удовольствием.

– Доедай, сынок... Я что-то не хочу.

Николай с силой сжал виски. Ему стало легче, но совсем чуть-чуть. Казалось, дело было в том, что сил не хватало. Вот если бы засунуть голову под какой-нибудь пресс...

Он поднялся. Летняя веранда закружилась перед глазами, но он взял себя в руки.

– Я пойду немножко полежу, а потом сходим в поле, позвоним маме и Сержику, узнаем, когда они приедут. Ладно?

Ваня молчал. Он застыл на месте. Ложка повисла в воздухе, с нее падали капли жидкого желтка. Ваня сидел, уставившись в одну точку, с широко открытым ртом: Николай хорошо видел наполовину пережеванный хлеб, смешанный с яйцом.

– Что с тобой?

Ваня не отвечал. Такое с ним бывало. Правда, редко. Ваня иногда вдруг застывал и оставался неподвижен минуту, а то и две. В это время он был где-то далеко. Словно видел сны, которые забывал сразу же после пробуждения. Сразу же, как только... возвращался в себя.

Николай почувствовал, что боль в его голове медленно, но неумолимо нарастает, будто чья-то невидимая и безжалостная рука поворачивает черную ручку реостата. К горлу подкатила тошнота, еще немного, и его вырвет... Он закрыл глаза...

И тут он услышал, как кто-то четко и связно сказал:

– Не надо звонить. Не надо звонить, папа.

Николай был ошеломлен. Этот голос... Он очень напоминал Ванин голос, но слова звучали так чисто... так правильно. Как никогда не звучали раньше. Неужели его сын может говорить?

Это заставило его на время забыть про боль. Он схватил себя за горло, с трудом сдерживая подступившую тошноту, и нагнулся над сыном.

– Ваня... Это ты сейчас говорил?

Сын по-прежнему сидел неподвижно. Николай оглянулся, словно надеялся найти странного пересмешника, говорившего Ваниным голосом. Но... В доме никого не было. И не могло быть.

– Ваня!

Мальчик вздрогнул, будто его ударили. «Вернулся!»

– Ванечка! Ты МОЖЕШЬ говорить? Да? Ты можешь?

Сын посмотрел на него круглыми глазами, и вдруг Николай увидел слезы, копившиеся в уголках. Прозрачные, большие слезы. Ресниц у мальчика почти не было, слезы сорвались и скатились по белым щекам. Ваня плакал. Он всхлипывал и дрожал, словно увидел ТАМ, где он только что побывал, что-то страшное...

– Ванечка... Ну что с тобой? – Николай обнял мальчика, прижал его нелепую, напоминавшую шахматную ладью, голову к груди. – Не бойся. Все хорошо. Все хорошо.

Странно, но он сам в это не верил. Он чувствовал, что все совсем не хорошо. Что-то было не так. Не так, как обычно.

Вроде бы ничего особенного, если не считать невесть откуда взявшейся головной боли, но...

– Е... адо... онить... Е... адо...

И опять. Те же слова, но теперь уже на знакомом, родном, ВАНИНОМ языке. «Не надо звонить. Почему?»

– Почему, мальчик? Ты же хочешь...

Он не успел договорить. Ваня внезапно вскочил со стула и бросился в комнату. Николай не смог его остановить. Движения сына, обычно медленные и какие-то УГЛОВАТЫЕ, сейчас были резкими. Правда, в них проглядывала принужденность марионетки, послушной невидимым ниточкам, но от медлительности не осталось и следа.

Ваня рывком распахнул дверь в комнату и бросился к стулу, на котором Николай обычно оставлял мобильный.

В доме телефон не работал. Эта бестолковая вещица вела себя совершенно по-человечески. На маленьком экране светилась надпись: «Поиск сети». Он тоже что-то искал. Как все мы – что-то ищем.

Николай ставил рядом с розеткой стул, подключал телефон к зарядному устройству и оставлял его на ночь. Так было и в этот раз.

И сейчас...

Николай с трудом поспевал за сыном. Он замер на пороге, глядя, как Ваня схватил маленький «Сименс», дернул изо всей силы за черный провод («Он даже не стал выключать его из розетки, просто дернул, и все» – пронеслось в голове) и с размаху бросил телефон на пол. Аппарат хрустнул, и панель василькового цвета рассыпалась в мелкие брызги.

Но Ване этого показалось мало. Он поднял ногу, большую и круглую, как у слоненка (подбирать обувь из-за необычной ширины ступни всегда было непросто) и с силой опустил ее — так, что половицы задрожали.

Мобильный что-то пищал и шипел. Он сопротивлялся, как живое существо, и Николаю почудилось, что Ваня давит какую-то опасную ядовитую тварь. В тот момент он был настоящим Рыцарем Белой Луны. Бесстрашным и решительным. Казалось, глупая резиновая маска «дауна» на его лице смялась, подалась, еще немного, и под ней проступят настоящие, ПОДЛИННЫЕ черты его лица...

Но это длилось совсем недолго – несколько мгновений. Ванино лицо снова стало круглым и... бессмысленным. Из уголка рта показалась блестящая дорожка слюны.

Николай подошел к нему и привычным движением утер мальчику рот.

– Зачем ты, сынок..

Ваня молчал. Бесполезно было спрашивать его о чем-то.

И дальше произошло то, что уже было сегодня утром. Совсем недавно. Ваня обхватил голову Николая и крепко прижал к груди. Они словно поменялись ролями: теперь он жалел отца.

И... странное дело Боль, шипя и извиваясь, снова стала куда-то уползать. Прятаться. Она не исчезла совсем, но она УМЕНЬШИЛАСЬ. Будто съежилась от одного прикосновения потных и прохладных ладоней. Она... БОЯЛАСЬ?! Да?

Николай не знал, сколько это продолжалось. Он бы хотел, чтобы это длилось как можно дольше. Сын..

Раздавшийся внезапно сухой треск заставил его очнуться. Этот звук, ослабленный расстоянием и ветром, звучал не так уж грозно. Не так уж и пугающе. Но... он таил в себе что-то нехорошее. Тревожное. Он напоминал далекую автоматную очередь.

Николай понял это и почувствовал, как Ваня вздрогнул, сильно, всем рыхлым мягким телом.

– Адо... ити...

– Что.

– Ам... адо... ити... – почти по складам повторил Ваня, заглядывая отцу в глаза, будто надеясь увидеть в них искру понимания. Проблеск сознания.

– Надо идти? Зачем? Куда?

– Адо... ити... – Пухлая ладошка обхватила его руку. Ваня тащил его за собой, и почему-то... Николай не сопротивлялся. Теперь он чувствовал себя так, будто был где-то далеко,

в каком-то чужом, угрожающем мире, и единственным проводником, знающим безопасный путь, был Рыцарь Белой Луны.

Ноги были словно чужие. Он с трудом переставлял их. Они прошли через летнюю веранду, и Николай бросил взгляд на недоеденную яичницу. Рядом со сковородкой лежал кусок хлеба, на масле отпечатались полукруг Ваниных зубов. Они вышли на заднее крыльцо. – Уда... – сказал Ваня и махнул рукой. «Туда... Зачем?» Но он не сказал это вслух. Он просто послушно пошел за сыном.

Сержик с мамой возвращались домой. Первый день международной конференции, посвященной проблемам ренату рации структуры белка (что это такое, Лена не знала, но сын объяснил: «Это как из яичницы вывести цыплят. Проще говоря, изобрести эликсир вечной молодости и бессмертия, если тебе так понятнее»), закончился.

Сержик вышел из зала, нагруженный различными проспектами, монографиями и статьями.

– За ночь прочитаю, – объявил он. – Оказывается, я немного отстал от жизни. Те же самые идеи уже полтора года разрабатывают в Калтехе, – и, увидев Ленин изумленный взгляд, пояснил: – В Калифорнийском технологическом университете.

Им предстояла дорога через весь город, с юга Москвы на северо-запад. Машина была на даче, поэтому (учитывая торжественность момента) решено было ехать на такси. Чтобы почетный гость международной конференции тащился в такую жару на метро... Как-то несолидно.

За то время, что они ехали, Сержик успел прочесть водителю целую лекцию об экономических режимах езды, порекомендовал использовать определенные марки моторных масел и заметил, что клапана немного стучат. «Думаю, на третьем цилиндре», – сказал он веско.

Отец-то ничего, он давно уже привык к подобным вещам, а водитель оказался немного нервным мужчиной. Он стал оправдываться, что, какое масло использовать, решает не он, а механик, что бензин он и так экономит, ну а если клапана немного «разжаты», то это не так страшно. Хуже, если бы они были перетянуты. Сержик поджал губы и больше с представителем примитивного разума не разговаривал.

Они вошли в душную, раскаленную от летней жары квартиру. Лена тут же стала открывать все окна, чтобы хоть немного проветрить комнаты, а Сержик поспешил к компьютеру. Ему не терпелось залезть на сайт Калтеха.

Он включил компьютер в сеть, подождал, пока он загрузится, подвел стрелку курсора к значку Интернета и дважды щелкнул.

Лена знала, чем это грозит. На ближайшие несколько часов она выключена из активной жизни: ей не удастся даже поболтать с подругами по телефону. Она тихо вздохнула, пошла в спальню и поставила в видеомагнитофон кассету с новой мелодрамой.

Если бы она не была так занята фильмом, то ее насторожило бы напряженное молчание в детской. Не было слышно ни радостных вскриков Сержика, ни шороха бумаги, ни стука пальцев по клавиатуре. Не было вообще никаких звуков.

Сержик сидел и молчал, уставившись в экран. Он впервые в жизни столкнулся с чем-то, чему не мог найти объяснения.

Подключившись к Интернету, он автоматически проверил электронную почту. Это давно вошло в привычку: мальчик переписывался со многими адресатами. И там, в электронной почте, среди вороха ненужной и давно известной информации, лежало одно письмо. Оно словно кричало и заставляло монитор светиться от заключенного в нем напряжения.

Едва Сержик открыл это письмо, как окно развернулось во весь экран, и на нем появились слова, набранные различными шрифтами разных размеров.

БЕДА! БЕДА! БЕДА! БЕДА! БЕДА! БЕДА! БЕДА!

И ниже – приписка:

ОНО убивает ПАПУ!

И – подпись:

Рыцарь Белой Луны.

Но Сержика смутил не столько сам текст, сколько другое обстоятельство.

У этого письма не было обратного адреса, словно оно не прошло через почтовый сервер его интернетовского провайдера, а появилось... ниоткуда. Возникло из воздуха.

И Сержика это пугало. Он сам не знал почему, но очень сильно пугало.

* * *

Десять часов пятьдесят две минуты. Серпуховский штаб МЧС.

Диспетчер Вячеслав Ковалев, заступивший на дежурство вместо обгоревшего Лехи Фомина, тщетно пытался дозвониться в «Дракино». Аэродром не отвечал. Он будто вымер. Ощущение было такое, словно весь личный состав, начиная от начальника аэродрома и заканчивая последним техником, загрузился в свои крылатые машины и улетел в неизвестном направлении.

На мгновение промелькнула абсурдная мысль: если он сейчас высунется из окна, то увидит, как над Серпуховом, медленно и печально, подобно журавлиному клину, проплывает дракинская воздушная армада.

Два больших «Ми-8» идут в голове, по бокам от них – четыре спортивных «Яка», а в хвосте, покачивая сдвоенными крыльями, тащится «Ан-2».

Эта мысль была тем более абсурдна, что окна дежурки выходили во внутренний двор штаба, поэтому, даже высунувшись до пояса, Ковалев все равно бы ничего не увидел.

– Черт побери! Да что ж такое? Что же творится в этом заколдованном месте – на двенадцатом километре шоссе Таруса – Калуга?

В заколдованные места, вампиров, оборотней, инопланетных монстров и прочую дребедень Ковалев не верил. Сказал просто так – для красного словца.

А в реальности ситуация была такова: сигнал поступил в десять восемнадцать. Сейчас – Ковалев взглянул на электронные часы, висевшие на стене, – десять пятьдесят две. Итого – тридцать четыре минуты.

Тридцать четыре минуты прошло с момента поступления сигнала (правда, очень странного сигнала – звонивший так и не смог сказать, что произошло), а мер не принято никаких.

Единственное, что они успели сделать – погасить загоревшийся основной пульт и перейти на резервный. Ну и... Ну и отправить в больницу Леху Фомина... И теперь неизвестно, выйдет ли он из нее самостоятельно. На своих ногах. Или его понесут на руках товарищи. В гробу с закрытой крышкой.

Ковалев покосился на обугленный ящик, залитый пеной огнетушителей. Пульт уже остыл и больше не шипел, как раскаленный утюг. Но вентиляция не справлялась с запахом, стоявшим в воздухе.

Ковалев вспомнил, что Фомин был покрыт такими же хлопьями белой пены, будто только что вылез из ванны. Вот только... Из ванны вылезают распаренными, чуть покрасневшими, но никак не ПОДЖАРЕННЫМИ – до такой степени, что кости торчат из лопнувшей кожи. (А мне, пожалуйста, с корочкой! Я люблю, чтобы хрустело!)

«Черт! Надо послать кого-нибудь за освежителем воздуха! Невозможно сидеть! У нас же не гриль-бар, в конце концов!»

Но вместо этого он наклонился к микрофону и нажал кнопку вызова.

– Внимание всем экипажам, находящимся в районе поселка Большевик, оптовой базы и Калиновых Выселок! Кто-нибудь слышит меня? Прием!

В динамиках раздался треск, и Ковалев невольно вздрогнул. Радио. Обычное средство связи. Сегодня оно пугало его.

Снова треск, и затем – бодрый, уверенный голос:

– Штаб! Четвертый экипаж на связи! Старший экипажа – Бурцев. Слушаю вас.

«А-а-а. Бурцев. Это хорошо. Отличный парень. Он сумеет с ходу во всем разобраться».

– Бурцев! Где вы находитесь?

– Следуем от Калиновых Выселок в сторону города. Как поняли?

– Понял вас. Слушай мою команду. Разворачивайтесь и поезжайте на шоссе Таруса – Калуга. Обследуйте район двенадцатого километра и немедленно доложите, что там происходит.

– Но ведь... Это не наш участок. Это уже ближе к калужским...

– Отставить. Как поняли задачу?

В динамиках повисла пауза. Совсем небольшая – в МЧС не принято обсуждать приказы.

– Штаб, понял вас. Разворачиваемся. До связи!

– Отбой!

Ковалев посидел еще немного, невидящим взглядом уставясь в проклятый железный ящик, который вдруг так некстати вспыхнул. Затем снова наклонился к микрофону и нажал кнопку вызова:

– Четвертый экипаж, ответьте штабу! Бурцев!

– У аппарата, шеф!

Ковалев с трудом подавил улыбку. Этот Бурцев верен себе. Его ничем не проймешь.

– Вы там это... – Он не мог четко сформулировать мысль, которую хотел донести до старшего экипажа. Понимал, что это звучит нелепо, наигранно... даже немного фальшиво, – но он должен был это сказать. – Вы там это, ребята... Поосторожней, ладно?

– Делаю запись в бортовом журнале, – отозвался Бурцев. – Начальство проявило трогательную заботу о подчиненных. Дата. Подпись.

Губы Ковалева помимо его воли растянулись в улыбку. На этот раз он не смог ее подавить. Но в следующий момент его голос стал сухим и строгим:

– Приказываю произвести визуальный – подчеркиваю, только ВИЗУАЛЬНЫЙ! – контроль района предполагаемого места происшествия. О результатах немедленно доложить в штаб. Как поняли?

– Понял вас.

«Ну, с богом!» – подумал про себя дежурный. Действительно, чего это он? Просить экипаж спасателей быть поосторожней – все равно что отправлять дочь на панель и умолять ее сохранить девственность.

Работа у них такая. Не пряники ведь перебирают.

Взгляд его снова остановился на обгоревшем основном пульте.

«Черт! Пойдет кто-нибудь за освежителем или нет?»

– Эй, ребята! Есть кто свободный? Я говорю, сбегайте кто-нибудь в магазин, купите освежитель воздуха!

* * *

Десять часов пятьдесят две минуты. Четвертый экипаж.

Константин Бурцев (в бригаде Серпуховского МЧС его называли Кстин) отложил рацию и посмотрел на водителя.

– Ну что, Володя. Разворачивай оглобли. Отчизна ждет подвига! Похоже, в районе двенадцатого километра шоссе Таруса – Калуга открылась очередная амбразура. Закроем ее? Своими молодыми упругими телами?

Володя проворчал что-то неразборчивое, включил сирену и стал осторожно разворачиваться через двойную сплошную.

– Жертвы есть? – оживился врач экипажа, Виктор Пастухов. Он сидел в салоне и листал журнал «За рулем».

– Если Володя и дальше будет гонять на своей бетономешалке, как Шумахер, то обязательно появятся.

– Ты в Москве на маршрутках не ездил, – парировал Володя.

– А я в Москву и не собираюсь, – беззаботно ответил Кстин. – Только если Шойгу будет мне орден вручать.

– Так, так, так, – насторожился док. – Что значит «тебе вручать»? А нам?

– «Вам»... – передразнил его Бурцев. – Мне, как старшему экипажа, положен орден. А вам – медальки. И то их, наверное, пришлют по почте. До востребования.

– Медаль, орден... Какая разница? Все равно обмывать. – Володя переключился на третью и нажал на газ. Допотопный двигатель уазика быстро раскрутился до максимальных оборотов, и водитель воткнул четвертую.

– Ты посмотри, док! – с восхищением воскликнул старший. – Да он у нас философ! Прямо-таки Сократ!

– Сократ на моем месте давно бы уже плюнул на все и торговал в бане пивом. А я тут вожусь с вами, как с детьми малыми, – беззлобно пробасил Володя, плотный рыжий мужик лет сорока. – Что там такое стряслось? На двенадцатом километре?

– В Ставке пока не знают ответа на этот вопрос. Поэтому решено было послать в тыл врага лучших из лучших. Трех богатырей верхом на верной газонокосилке.

В Москве спасатели ездят на «лендроверах», а в провинции – на микроавтобусах Ульяновского завода. Пусть эта машина не такая комфортабельная и не такая надежная, зато проста и неприхотлива. Кроме того, у нее есть одна замечательная особенность: в ней никогда не бывает холодно. Даже в лютые морозы температура не опускается ниже двадцати градусов, ведь двигатель, считай, расположен в салоне. Но до зимы еще надо дожить. На дворе – июль. Шестнадцатое число.

– Давай, Володя! Разводи пары. Как думаешь, твой самовар не успеет закипеть до двенадцатого километра?

– Исключено. Нам любой подвиг по плечу. Бурцев на мгновение зажмурился, изображая слезы умиления.

– Боже мой! Как это трогательно! Нет, похоже, одним орденом Шойгу не отделается. Тут тремя пахнет. Три ордена и полная канистра настоящего, самого лучшего дегтя – для нашей боевой картофелечистки.

Уазик обиженно накренился в повороте. Они миновали Калиновы Выселки и перед танком, установленным на постаменте, ушли налево, в сторону Дракино.

Пятью минутами раньше здесь промчался Джордж.

* * *

Десять часов пятьдесят две минуты. Аэродром «Дракино».

Мезенцев шел по полю и совершенно не чувствовал тяжести ранца, висевшего за его спиной. Да и стропы, намотанные на руки, совсем не ощущались. Ему казалось, что стоит подуть небольшому ветерку, и он опять поднимется в небо, молодой и легкий.

Инструктор немного перестраховался: попросил пилота зависнуть над самой западной оконечностью поля. Нет, он, конечно, поступил правильно, ему виднее, он же профессионал. Но...

Девяносто – это, как ни крути, девяносто. Мезенцев ухнул вниз камнем. Никакой ветер не смог снести его ни на сантиметр. Он так и ушел на землю – как топор под воду. И приземлился на самом краю летного поля. Теперь ему почти километр тащиться до аэроклуба.

Хотя... Чего он жалуется? Подумаешь, придется немного пройтись. Да если потребуется, он и в Протвино пешком пойдет. А то и до самой Москвы дошагает и не почувствует усталости.

Все-таки упругий адреналиновый душ – великое дело. Время от времени надо давать себе встряску. Надо поддерживать в себе сознание того, что ты – мужчина. Тот факт, что у тебя между ног кое-что висит, ко многому обязывает. Не для того же висит, чтобы просто звенеть? Совсем не для того!

Он рассмеялся. «А ведь последние годы я только и слышал, что этот нежный мелодичный звон. Отовсюду. Включаешь телевизор – сидит диктор с серьезным и печальным лицом. Сидит и звенит. Идет концерт – двухметровый детина с химией на голове что-то противно орет козлиным голосом. Орет и звенит. Какой-нибудь модный выскочка дает интервью – закатывает глаза и надувает щеки. Говорит и звенит. Да и сам я тоже – частенько ПОЗВАНИВАЛ. Да что там „частенько“? Звенел постоянно, как пожарная сигнализация. Нет! Хватит! Теперь все будет по-другому! И чего я злюсь на Наталью? Ведь женщины тоже это слышат. Кругом одни музозвоны! Попробуй-ка" найди нормального мужика!»

Эта мысль показалась ему настолько забавной и одновременно правильной, что он тут же решил вставить ее в новый роман. Рукопись, прерванная на двухсотой странице, лежала дома, на столе рядом с машинкой. И теперь ему не терпелось к ней вернуться. Но сначала...

Сначала надо выпить шампанского. Не столько выпить, сколько облиться им – с головы до ног, а потом уже допить остаток прямо из горлышка. Как пилоты «Формулы-1». Только у них победы, конечно, повесомее...

«Зато я ни с кем не соревновался. Я победил себя – а это куда важнее».

Он поймал себя на мысли, что ему бы хотелось... Ему бы ОЧЕНЬ хотелось, чтобы Наталья была где-то рядом. Где-нибудь поблизости. Чтобы она просто молча наблюдала за происходящим со стороны. Наблюдала и... гордилась им. Оценивала бы его по-другому: заново и более высоко.

Да он и сам чувствовал, что стал немного другим. Немного лучше, чем был. И пусть у него ничего сейчас не было, а денег – только убавилось, это ерунда. Это не так важно. Деньги появятся. Теперь он в это верил. Они все равно будут. Деньги – как тень. Не надо за ней бегать – не догонишь. Надо идти в обратную сторону – к солнцу, тогда они сами побегут за тобой.

Он вспомнил худую коротышку, которая залезала в вертолет первой. Инструктору даже пришлось подсадить ее, иначе ранец, весивший, наверное, столько же, сколько она сама, опрокинул бы ее на спину.

Коротышка сверкнула глазами – вместо «спасибо». Девчонка с характером. Да другая бы, наверное, и не решилась прыгнуть. А эта... Интересно, зачем ей потребовалось прыгнуть? Свои мотивы он понимал, а вот она...

Мезенцев попытался восстановить в памяти ее лицо. У него была хорошая зрительная память, и, кроме того, он знал одну вещь. Если он сейчас создаст в голове образ этой девушки, то через несколько минут, когда снова увидит ее, обязательно найдет в ее лице что-то новое. И это впечатление новизны будет острым. Волнующим. Быть может, даже захватывающим.

Так... Она невысокая. Примерно метр шестьдесят пять. Худая... Ну, сказать что-то определенное о прелестных женских выпуклостях довольно трудно: одежда на ней, как и на всех «перворазниках», была старой и мешковатой. Нет, пока не будем. Грудь, талия и бедра остались под вопросом. Но Мезенцев, как человек великодушный – и немного романтичный! – наделил образ коротышки упругой круглой грудью, тонкой талией и великолепными бедрами, как у античных статуй. Потом немного подумал и счел наследие античности чересчур тяжеловатым для метра шестидесяти пяти. Несколько движений резца – и бедра стали уже. Да, и плоский живот без всяких противных складок. Дальше!

Худое лицо. Выдающиеся скулы, ямочки на щеках. Нет, не широкие монгольские скулы – просто слегка выдающиеся. И – ямочки. Большие глаза. Не откровенно голубые – ну, такие,

кукольно-голубые, а чуть-чуть серые. Голубовато-серые. Отлично! У наружных уголков глаз – сеть тоненьких морщинок, словно она постоянно смеется. (Правда, коротышка в ожидании прыжка ни разу не улыбнулась, но... Можно списать на волнение. Хотя он-то как раз улыбался во все тридцать два зуба. Тридцать – если быть точным. Нижние зубы мудрости так и не вылезли.) Хорошо! Глаза есть. Носик. Носик... Он должен быть таким... Значительным. Мезенцев не любил маленькие носы, они смотрелись как жалкое приложение к двум дырочкам ноздрей. Нос должен быть большим, красиво вылепленным. Желательно – острым. Точно! У коротышки так и было. Большой острый нос, делавший ее похожей на маленькую птичку. Теперь губки. Пухлые, алые, но Мезенцев не заметил даже следов помады. Это хорошо. Наверное, она их покусывала от волнения, потому они и заалели. И нижняя чуть великовата. Как у представителей какой-то испанской королевской династии. Выпяченная нижняя губа – признак упрямства. Что осталось? Подбородок. Ну уж подбородок может быть любым – при одном условии. Подбородок должен быть один. Различные копии и дубликаты, свисающие, как «лестница к зобу», абсолютно исключены. Это излишество.

Он закрыл глаза, мысленно представил себе образ девушки, которую увидит спустя несколько минут, и сфотографировал этот образ на обратной стороне век – самая надежная фотопленка. И... эта девушка ему понравилась. И даже – сильно понравилась.

Может, дело в том, что у него уже целый год не было ЖЕНЩИНЫ? Нет, различные пьяные интрижки, разумеется, не в счет. Сколько их было? Десятка два, не меньше, но ни одна из них не запомнилась. Ни с одной из этих дам не захотелось встретиться еще раз. Ему нужна была ЖЕНЩИНА. И, странное дело, – зыбкий, неуловимый, идеальный образ ЖЕНЩИНЫ удивительно легко совместился с мысленной фотографией носатой коротышки. Они совпали точно.

Мезенцев задрал голову. В воздухе оставался только один парашют. Это, безусловно, была ОНА. «Это ли не ЗНАК? Она, как ангел, спускается ко мне с небес. Любовь, дарованная небом!»

Он встряхнул плечами, поправил сбившийся от ходьбы ранец и зашагал быстрее. «Знаешь что, Наталья? А пошла ты!..»

Он расхохотался и прибавил шагу.

«День уже прожит не зря. А ведь это – только начало. Что-то будет дальше?»

Он еще не знал, что будет дальше. А и узнал бы – все равно бы не поверил.

Невдалеке от него приземлялась та самая носатая коротышка. Он не стал гадать, как ее зовут. «Носатая коротышка» звучало вполне неплохо. Конечно, он ей об этом не скажет – она наверняка обидится. И зря. Она не поймет, что он не вкладывает никакого отрицательного смысла в эти два слова. Наоборот, для него они звучат ласково. Почти как «любимая» или «милая». Только – повеселее. И не так избито.

Нет, нет. Как бы дальше ни повернулось, он никогда не произнесет это вслух. Но про себя будет звать ее только так. «Моя носатая коротышка!» Он и не заметил, как вкралось слово «моя». Привет оттуда.

«Им, понимаете ли, нужны четкие ориентиры. Они будут бороться только за то, что считают своим. Они всегда стремятся сделать своим то, что для них ценно. И наоборот – то, что „мое“, то для них и ценно. Ну а если это „мое“ приходится с кем-то делить, тогда какое же оно „мое“? Прочь не задумываясь! Радость обладания должна быть абсолютной. Все – или ничего!»

Ехидный внутренний голос заметил: «Это как раз то, что женщины называют „мужским эгоизмом“. Не правда ли?»

«Кой мне черт эта правда? Может быть, женщины и правы. Со своей точки зрения. Но если я попытаюсь эту точку зрения оправдать или, не дай бог, принять, то снова ЗАЗВЕНЮ. А я больше не собираюсь этого делать».

Коротышка приземлялась медленно. В ней было, наверное, вполовину меньше весу, чем в самом Мезенцеве. И от этого она нравилась ему все больше и больше.

Она попыталась вытянуть ноги, но тут же опустила их, словно боялась напрячь раньше времени. Но в этом-то и была ошибка!

«Вытяни и напряги ноги!» – хотел крикнуть Мезенцев. Но она бы все равно его не услышала. А может, дело было в том, что ей тяжело держать ноги на весу? Значит, живот у нее не такой уж и плоский?

«Посмотрим», – подумал Мезенцев. Он даже не заметил, что у него не возникло никаких сомнений. «Посмотрим», словно это было делом давно решенным. Шампанское, потом постель и тщательное разглядывание живота.

Коротышка снова сдвинула и напрягла ноги. Она чуть было не опоздала. Инструктор пугал их неизбежными переломами лодыжек, но Мезенцев почему-то думал, что он преувеличивает. По его мнению, ничем более серьезным, чем обычный вывих, это не грозило. И все-таки – нужно быть осторожней.

Девушка приземлилась. Купол еще медленно опускался, слабый ветерок относил его в сторону востока – туда, где виднелась белая двухэтажная башенка диспетчерской.

Коротышка не удержалась, упала на спину и, как ему показалось, ударилась головой. Хорошо, что на ней шлем с толстым слоем поролона внутри. Ее ноги в маленьких – даже отсюда Мезенцев видел, насколько они маленькие, наверное, у него ладонь больше! – кроссовках смешно задрались вверх. Затем она попыталась встать, но делала это как-то нелепо. По-женски.

Она перекатилась на бок, потом на живот, подтянула под себя колени и, упираясь ладонями в землю, попробовала подняться.

Паращут в это время одним краем лег на траву, и дальше, наверное, все было бы хорошо, если бы не сильный порыв ветра.

Желтый шелк, снова почувствовав знакомую стихию, надулся и потащил за собой маленькое худое тело.

– За нижние стропы! – крикнул Дмитрий. Это вырвалось у него само собой. Инструктаж крепко засел в голове. Им ведь так и говорили: «Если вас все-таки потащит, то не держитесь за ВЕРХНИЕ стропы. Найдите НИЖНИЕ и хорошенько дерните за них!»

Но коротышка вела себя естественно: она дергала за то, что было под рукой, ближе к ней, и от этого купол надувался все больше и больше.

Мезенцев, представляя, насколько глупо он, должно быть, выглядит со стороны, бросился к девушке.

Ранец не болтался за спиной, он был крепко пристегнут. Нет, ранец ему ПОЧТИ не мешал. Но стропы и купол... Они немного стягивали руки. Сзади – ранец, впереди – «запаска», на руках – капроновые стропы и шелк. Он напоминал себе пузатого горбуна, укравшего чужое белье вместе с веревкой и теперь убегающего со всех ног от разгневанной хозяйки.

От этой мысли хотелось смеяться, но он пытался сдерживаться: боялся, что девушка подумает, будто он смеется над ней.

Хорошо, что это был просто порыв ветра – он налетел и стих так же внезапно, как и появился. Мезенцев подбежал к коротышке и, путаясь в своем куполе, попытался нащарить нижние стропы ее парашюта.

В суматохе... И еще оттого, что желтая материя, висевшая у него на руках, не давала толком ничего разглядеть... И, наверное, оттого, что всегда, когда торопишься, происходит что-то нелепое, он нащупал вовсе не стропы. А скорее те лямки, к которым они были пристегнуты. Даже не сами лямки, а тело под ними... В общем, ухватился за грудь коротышки и убедился, что она даже лучше, чем он предполагал.

Он залился краской, на мгновение подумал, стоит ли извиняться или сделать вид, что ничего не случилось, на всякий случай пробормотал что-то невнятное и наконец-то взялся за нижние стропы, хотя это было уже ни к чему – купол медленно опал сам собой.

Мезенцев снова вспомнил про пузатого горбуна, ворующего белье, и теперь уже громко – «Конечно, она все поймет неправильно... Совсем некстати меня разобрало...» – но он ничего не мог с собой поделать – рассмеялся так, что на глазах появились слезы.

– Не вижу ничего смешного. – Девушка пыталась казаться строгой, но она тоже улыбалась. – Если бы вы не помешали, я бы с комфортом доехала до самого аэроклуба.

– Нет, я... – пробовал выдать из себя Мезенцев, но смех не давал ему говорить. – Я, наверное...

Он помотал головой, пытаясь успокоиться. Коротышка поднялась на ноги и стала потихоньку наматывать стропы на вытянутые руки.

Наконец ему удалось справиться с приступом неожиданного веселья.

– Я, наверное, глупо выглядел со стороны, когда бежал. Да? Девушка на мгновение остановилась, оглядела его с головы до ног.

– Честно говоря, я к вам не присматривалась. Но, по-моему, глупее всех в этой ситуации выгляжу я.

– Нет, ну что вы? – Мезенцеву хотелось чем-нибудь ей помочь, но его руки были заняты.

Он бы снял с нее ранец парашюта и понес сам, но не знал, как расстегивается вся эта сбруя.

– Напротив, вы смотрите замечательно. Вы... такая решительная, смелая... Если не секрет, почему вы решили прыгнуть?

– А что? Скажете – не женское дело? – И опять этот холодный блеск в глазах. Маленькая женщина с большим характером.

Мезенцев пожал плечами:

– Нет. Но как-то... Непривычно.

– Если честно, я и сама не знаю почему. Просто захотела – и все.

– И все?

– А разве нужна другая причина? Я всегда стараюсь делать только то, что хочу.

«Действительно. Разве нужна другая причина? Делай то, что хочешь. То, что тебе нравится. А ты сам – разве не поступаешь точно так же?»

Наконец коротышка собрала свой парашют, и они вместе направились к аэроклубу. Мезенцев старался делать шаги покороче, чтобы не убежать вперед.

– Не знаю... Я хочу вам чем-нибудь помочь, но... Не знаю чем, – он виновато пожал плечами.

Девушка взглянула на него, снизу вверх. Ее голова доставала ему как раз до груди. До подмышки.

– Просто идите рядом. Этого достаточно. Я боюсь, как бы на нас сверху не посыпались остальные. Ну, те, что были в вертолете. Спортсмены.

– Да? – Мезенцев задрал голову.

Спортсменов обычно бросали с большой высоты. С такой, что и вертолета не видно, особенно когда смотришь против солнца. Сейчас он его тоже не видел, но Дмитрию показалось, что эхо работающих двигателей доносится не сверху, а откуда-то сбоку. Он прищурился, но все равно ничего не смог разглядеть.

– Ну, они же профессионалы, – успокоил он девушку. – Надеюсь, никто не усядется нам на плечи. Коротышка смерила его взглядом.

– Даже если так, думаю, с вами бы ничего не случилось. А вот меня раздавили бы, как муравья.

«Как птичку, – мысленно поправил ее Мезенцев. – Маленькую птичку с острым клювом».

- Простите, как вас зовут? Она удивилась:
- За что вы извиняетесь? Мезенцев смутился:
- Ну, мало ли. Подумаете: вот, увидел красивую девушку и тут же стал к ней приставать...
- А что, разве не так?
- Так, но... Может, вам неприятно...
- Меня зовут Рита. А вас?

Мезенцев покраснел и смутился еще больше. Он отвык. Простые и естественные вещи казались ему... Дикими. Странными. Обычно алкоголь снимал все проблемы, помогал расслабиться и раскрепоститься, но ведь сейчас он не пил. А в его романах героям не приходилось знакомиться с девушками. На то они и герои. Они их спасали, укладывая злодеев штабелями из своего верного «глока» или АКМа, или просто – голыми руками, и спасенные красавицы в порыве благодарности тут же вешались им на шею и шептали в мужественное немытое ухо нежные непристойности: «Возьми меня, красавчик! Я твоя! Ты видишь, как дрожит моя грудь?! Я вся истекаю...» Тьфу!

Мезенцев впервые почувствовал огромный зазор между тем, что он пишет, и реальной жизнью. Его сквозной главный герой, капитан спецназа Некрасов (ровный пробор, волевое лицо, широкие плечи, литые мускулы, черный пояс по карате и меткий глаз, – обычный джентльменский набор для литературы подобного рода), скорее всего, не сказал бы ни слова. Просто посмотрел бы на коротышку значительным взглядом и уже через пять минут снова поднялся бы на ноги, застегивая штаны – ведь злодеи не ждут, они трудятся без выходных и перерывов на обед, прячут золото партии и похищают ядерные заряды, а кто еще будет с ними бороться, как не капитан Некрасов?

Мезенцев ощутил некоторую ущербность, словно он старался выместить на ни в чем не повинном бумажном персонаже свои собственные глубоко запрятанные комплексы. «Надо его тоже как-нибудь... Как-нибудь... Чтобы он смутился, наконец...»

- А вас как зовут?

Он и не заметил, что задумался надолго. Коротышке даже пришлось повторить вопрос.

- А? – Он чуть было не сказал: «капитан Некрасов». – Дмитрий.

- Очень приятно.

- И мне тоже.

«Да. Героем, оказывается, быть легко. Тогда, по крайней мере, есть тема для разговора – твои бесчисленные подвиги. А я...»

Что-то не клеилось. Он не знал, о чем говорить. Что он мог сказать о себе? Чем он мог ее заинтересовать? Ведь женщин нужно чем-то заинтересовывать? Или не нужно?

Пишущая машинка сполна возвращала ему все долги и авансы. Коли тебе так захотелось одерживать победы в выдуманном мире, на-ка, попробуй, чего ты стоишь в реальном. И, видимо, в реальном он стоил пока немного. Просто один раз прыгнул с парашютом. Конечно, большинство не делало даже этого, но, если вдуматься, один прыжок – это не так уж и много. Это мало что меняет.

Сначала он хотел ляпнуть – просто взять и ляпнуть! – «Давайте выпьем вместе шампанского! Отметим наш первый прыжок!», но что-то его остановило. А теперь время было упущено. С каждой секундой сделать это становилось все тяжелее и тяжелее. Нет, попытаться-то, конечно, можно, но он уже знал, что услышит в ответ. Или – убедил себя в том, что знает.

Ну а что он может услышать в ответ? «Да-да, конечно! Давайте! Но у меня есть одна странная привычка: пить шампанское только в постели с роскошным мужчиной, между первой и второй палками. Вас это не смущает?»

Мезенцев покосился на девушку. Вряд ли она так скажет. И странное дело – чем больше он робел, тем больше она ему нравилась.

Вот только ощущение того, что он снова стал молодым и легким, постепенно улечивалось. Выдыхалось.

Они приближались к белому двухэтажному домику – скорее, не домику, а башенке. «Центру управления полетами». Диспетчерской аэроклуба.

Дмитрий издали заметил нервную суету, царившую рядом с башенкой.

– По-моему, там что-то случилось, – сказал он, стараясь придать лицу убедительно-серьезный вид.

Они прошли последние сто метров и поняли, что действительно что-то случилось.

Невысокий коренастый мужчина в голубой рубашке, с коротким седым ежиком на голове (по виду – начальник аэродрома) махал им рукой:

– Быстрее! Быстрее!

– Что такое? – поинтересовался Мезенцев, но мужчина оставил его вопрос без ответа.

Он схватил Дмитрия за лямки, подтянул к себе и быстрым уверенным движением расстегнул замок. Затем то же самое проделал с Ритой.

– Бросайте парашюты и уходите! Быстро!

– А в чем, собственно, дело?

Мезенцев попытался еще что-то сказать, но мужчина набрал полную грудь воздуха и заорал так, что на шее у него вздулись вены, а из-под ровного кирпичного загара показался румянец.

– Я приказываю вам немедленно покинуть территорию аэродрома! Слышите? Немедленно! – Он показал на дорожку, ведущую вдоль опушки леса к шоссе. По дорожке быстро удалялись шесть черных фигурок – другие «перворазники».

– Хорошо. – Дмитрий пожал плечами. – Мы уходим.

– Да не «хорошо», а валите отсюда, пока целы! Бегом!

– Ладно, ладно.

Мезенцев развернулся и направился к дорожке. Рита пошла следом.

Начальник, увидев, что они уходят, моментально потерял к ним интерес и убежал в «башенку» диспетчерской.

– Смотри! – Мезенцев почувствовал, что Рита дернула его за руку. Дернула вниз, как ребенок дергает отца за палец, приказывая остановиться. – Там!

Он оглянулся. У стены белой башенки лежал какой-то продолговатый предмет, накрытый выцветшим брезентом. Сначала Мезенцев не понял, что в этом предмете могло привлечь ее внимание, но потом, когда хорошенько присмотрелся...

Ноги. Из-под края брезента торчали ноги в коричневых ботинках. И тот факт, что они были как-то неестественно вывернуты, не оставлял никаких сомнений: их владелец (если только мертвый человек может ВЛАДЕТЬ своими мертвыми ногами) не просто прилег отдохнуть и не просто закрылся тряпкой от палящего солнца.

– Пойдем отсюда, – сказала Рита.

А он все стоял и смотрел, как зачарованный.

Она отошла шагов на десять и снова окликнула его:

– Дмитрий, пойдем!

Только тогда Мезенцев смог отвести глаза от этих коричневых ботинок. Он встряхнулся и бросился догонять Риту. Вопрос о шампанском решился сам собой. «Мне кажется, я снова слышу ЗВОН. Или это только кажется?»

Они дошли до шоссе. Те «перворазники», что приземлились поближе к аэроклубу, чем Мезенцев, и пораньше, чем Рита, уже побросали свои вещички в багажники стоявших у белого шлагбаума машин и уехали.

У Дмитрия машины не было. Он приехал сюда на автобусе. Он огляделся, пытаясь угадать, куда пойдет Рита. Но, судя по всему, она тоже добиралась своим ходом.

– Мне туда. – Дмитрий махнул рукой налево. – В Протвино. Рита улыбнулась:

– А мне – в другую сторону.

– Жаль... – Мезенцев помялся. Он вдруг почувствовал, что ужасно не хочет отпускать ее. – А... А вы где живете?

– В Ферзиково, – ответила девушка.

– У-у. – Мезенцев кивнул. Название «Ферзиково» ни о чем ему не говорило. Он и Протвина-то толком не знал, большую часть времени проводил в квартире. – А... – Он попытался ухватиться за последнюю надежду. – Скажите, через Ферзиково не ходят автобусы до Протвина? – И, увидев ее удивленный взгляд, добавил: – Я думал, может, так ближе... – Он беспомощно развел руками. «Конечно, ты именно так и думал. Конечно, так ближе. А еще лучше – через Владивосток. Или Вашингтон».

– Нет. Через Ферзиково автобусы до Протвина не ходят. Это в противоположную сторону.

– Ну да, понимаю, – он покивал. – А ваш автобус скоро? Девушка рассмеялась:

– Если я буду ждать автобуса, до доберусь домой не раньше шести. Нет, придется ловить попутку. Может, довезут до Тарусы, а там – еще как-нибудь...

Мезенцев оглянулся. На дороге не было никаких машин. Ни одной.

– Хотите, я помогу вам поймать машину? – Он все искал повод, чтобы задержаться, остаться с ней хотя бы еще на несколько минут.

– Нет, думаю, если я буду одна, у меня это лучше получится. А? Как считаете?

Она и тут оказалась права. «Любой водитель охотнее притормозит, увидев молодую привлекательную девушку, чем краснорожего здоровяка. Девяносто как-никак...»

– Да... – Он вздохнул.

Рита подняла руку. Мезенцев быстро обернулся, но не увидел автомобиля. Правда, он уловил шум мотора, доносившийся из-за холма – дорога в этом месте делала резкую «горку».

– Да, да... Я сейчас отойду, чтобы вам не мешать. Я просто... Я хотел сказать, что мне было очень приятно с вами познакомиться.

Рита снова улыбнулась, но на этот раз уже нетерпеливо.

– И мне тоже. До свидания, Дмитрий!

– До свидания...

Он развернулся и печально побрел к остановке. Шум мотора нарастал. Внезапно из-за горки выскочил мотоцикл: угольно-черный, с никелированными колесами. Мотоциклист не ехал – он мчался куда-то, как на пожар. Мезенцев даже увидел, как мотоцикл подпрыгнул в высшей точке подъема, пролетел пару метров по воздуху и затем снова коснулся асфальта блестящими колесами.

Парень, сидевший за рулем, выглядел стильно. Черная косуха, длинный белый шарф. Такие шарфы в годы Великой Отечественной войны носили немецкие и американские летчики: во время воздушного боя им приходилось постоянно крутить головой, и шелк не давал натереть шею. На голове у парня был кожаный шлем (тоже как у летчика, но скорее летчика Первой мировой) и очки-консервы.

Мезенцев почувствовал укол ревности. Одно дело – сесть в машину, может быть, даже на заднее сиденье, и совсем другое – на мотоцикл. Ведь тогда ей придется держаться за этого парня. Обнимать его.

«Надеюсь, она не настолько глупа, чтобы усестись на мотоцикл. Она же не смертница», – подумал Мезенцев, даже не замечая, что повторяет расхожее обывательское утверждение, будто все мотоциклисты – потенциальные самоубийцы. Но внутренний голос это заметил. И тут же возразил ему:

«А как насчет парашютистов? Они ведь тоже смертники».

Мезенцев застыл. Он еще не успел отойти достаточно далеко – всего каких-нибудь десять-пятнадцать шагов. Он обернулся.

Так и есть. Рита продолжала голосовать, и мотоцикл замедлял ход. Дмитрий рассмотрел каплевидный бак, расписанный языками яркого пламени, голубые (по виду – настоящие, дорогие, он умел отличить родные ливайсы от изделий венгерского пошива) джинсы и остроносые ковбойские сапоги из светло-коричневой замши.

Мотоциклист затормозил. Он съехал на обочину и встал рядом с девушкой. Мезенцев не слышал, о чем они говорили. Рита приветливо улыбалась и кивала. Она явно собиралась поехать с этим парнем.

Мезенцеву вдруг ужасно захотелось, чтобы она что-то забыла. Зажигалку, мобильный телефон или ручку, что угодно, лишь бы у него был повод ее окликнуть. Но Рита ничего не забыла. Он замялся, пытаясь придумать правдоподобный предлог.

Парень, сидевший за рулем, обернулся через плечо и посмотрел в его сторону. Байкер вопросительно дернул подбородком, и Рита весело рассмеялась в ответ.

«О чем они говорят? Обо мне?»

Дмитрий похлопал себя по карманам – так, будто ОН что-то забыл, схватился за голову, развел руками и бросился назад.

До мотоцикла оставалось не больше десяти метров. Еще немного, и он...

– Рита! – негромко позвал Мезенцев. – Рита!

Это было как во сне, когда пытаешься кого-то догнать, схватить и вдруг понимаешь, что не можешь двигаться быстро. Ноги словно наливаются свинцом, и ты плывешь в густом киселе, в который превращается воздух, остается только удивляться, почему ты им не захлебываешься.

Байкер сидел на мотоцикле, отставив далеко в сторону левую ногу. Мезенцев не понял, почему это вдруг привлекло его внимание. Сапог... Левая нога... Что такого?

Рита махнула ему рукой и села позади байкера. Обхватила его за талию и прижалась к кожаной спине.

Байкер опустил правую ногу с педали тормоза на землю, левую поставил на рычаг переключения скоростей, выжал сцепление, поддал газу, и... тронулся. Он стремительно набирал скорость... Конечно, не так стремительно, как это делают в Москве затянутые в комбинезоны ребята на «городских ракетах», но все же быстро. Очень быстро.

Мезенцев остался стоять на дороге, чувствуя себя последним дураком. Нет, он не тянул даже на капитана Некрасова. Приходилось это признать.

Но... Что-то еще не давало ему покоя. Что-то еще...

Да! Он вспомнил! Этот сапог! Конечно, он обратил внимание на обувь только потому, что несколько минут назад тоже стоял, тупо уставившись на ботинки. И эти ботинки говорили: «Здесь что-то не так». И с байкером – то же самое. Что-то с его обувью было не так.

Мезенцев полагался на свою тренированную зрительную память. Даже если он упускал из виду ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, то потом память воскрешала перед глазами всю картину в мельчайших подробностях. И сейчас...

Этот сапог... Остроносый, с металлической набойкой на конце, под подошвой – ремешок. Что же было не так в этом сапоге?

Его словно ударило. Он знал ответ. Он вспомнил, что не так в этом сапоге.

Кровь. На сапоге у байкера была кровь. Не маленькое пятнышко, а большое, расплывшееся пятно, еще не успевшее хорошенько засохнуть и утратить красный цвет, превратиться в бурое подобие ржавчины. Здоровое пятно, от которого тянулась россыпь мелких капель – вверх, к голенищу, куда были заправлены голубые джинсы.

– РИТА!!! – заорал он что было сил – так, что закашлялся. – РИТА-А-А!!!

«Нельзя. Нельзя!!! Его надо остановить!» – мелькнуло в голове.

Мезенцев заметался по дороге. Он был близок к отчаянию. Он хотел что-то сделать и не мог. Даже машины не было под рукой, ведь он ее продал и вырученные деньги честно поделил с Натальей пополам.

«Черт! Черт! Почему я не заметил этого раньше? Проклятый МУДОЗВОН!!!» Он метался по дороге, не находя себе места. Он знал, что теперь все зависит только от него.

«Раньше... Раньше, там, наверху. Когда я стоял перед открытым люком и думал, что ТЕПЕРЬ все зависит только от меня... Ерунда! Ничего от меня не зависело. Парашют раскрылся сам собой, а то, что я прыгнул... Эка невидаль. Да я бы прыгнул, даже если бы у меня не было парашюта, из одного только упрямства! А вот сейчас... Сейчас все **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** зависит от меня. Она ведь... Она не сможет с ним справиться».

Он не задумываясь отнес байкера к разряду злодеев. «Ну а кем он еще должен быть? **ОТКУДА** могла взяться кровь на его сапоге?»

Мезенцев прикидывал и так, и этак, и по всему выходило, что байкер – опасен. И, значит, эта маленькая хрупкая дурочка (ну да, все они дурочки. Все они любят только злодеев и мерзавцев) теперь – в опасности.

Джордж летел, почти не разбирая дороги. На его счастье, шоссе было пустынным и хорошо просматривалось в обе стороны. В поворотах он не сбрасывал скорость, чтобы не терять драгоценных секунд. Он прижимался к внутренней обочине, бессовестно залезал на встречную, укладывал верный «Урал» набок (благо двигатель это позволял, на новых версиях «Урала» ставили продольный V-образный движок, не то что на старых, с коляской, когда цилиндры были развалены поперек – на сто восемьдесят градусов) и несся вперед. Вперед, только вперед!

Когда он миновал горку перед аэродромом «Дракино» (тоже сильно рисковал, в этом месте – перелом дорожного профиля, и кто ТАМ, за бугром, несется тебе навстречу – неизвестно), то увидел одинокую девичью фигурку с поднятой рукой. В первую секунду он хотел промчаться мимо, не останавливаясь, но вдруг понял, что это – его шанс.

Во-первых, милиция наверняка ищет **ОДИНОКОГО** байкера, а, посадив девушку, он уже будет не один.

А во-вторых... Если дело обернется совсем худо, «менты» побоятся в него стрелять. Эта малышка послужит живым щитом. «Настоящая боевая подруга, Джордж! То, о чем ты мечтал всю жизнь. Она прикроет тебе спину. Правда, она даже не будет об этом знать, но разве это что-то меняет? Бери ее на борт!»

Он затормозил и съехал на обочину. Призвал на помощь все свое обаяние и обольстительно улыбнулся:

– Тебе куда?

– В Ферзиково, – ответила «малышка».

– Садись.

Она замялась. Видимо, мама наболтала ей разных глупостей про одиноких байкеров и про то, что они могут быть опасны. Впрочем, мама, наверное, была недалеко от истины. Он **МОЖЕТ** быть опасным.

– Я не кусаюсь. Поехали.

Девушка обернулась – на какого-то краснорожего здоровяка, с задумчивым видом застывшего на шоссе. Он словно размышлял, хочет он отлить или нет?

– Твой? – спросил Джордж, кивнув на здоровяка. Малышка поджала губы.

– Нет, с чего ты взял? – Но сказала она это как-то... неуверенно.

– Пристает?

– Да нет, – поспешно отмахнулась девушка. – Мы просто вместе прыгали с парашютом.

– О! – с уважением, в котором проскользнула восхищенная нотка, отозвался Джордж. – С парашютом прыгала, а на байк сесть боишься? Слабо?

Он увидел искорки, сверкнувшие в ее больших серых глазах.

– Мне? Слабо?

Рита подошла к мотоциклу, забралась на сиденье и поставила ноги на подножки.

– Ты, главное, сиди ровно. Обними меня покрепче, пусть он сдохнет от ревности, – веселился Джордж.

– С чего ему ревновать? Я же тебе сказала, мы почти незнакомы.

– Тогда – старт! – Он выжал сцепление и включил передачу. «Урал», несмотря на свой грузный и солидный вид, резво взял с места.

– Мой позывной – Джордж! – кинул через плечо байкер. Через несколько секунд они уже не смогут разговаривать – свист ветра заглушит все звуки, кроме ровного гудения движка. – А твой?

– Я – Рита, – прокричала она ему в ухо.

– О! Марго, значит?

Рита поморщилась. Она никогда не любила это дурацкое имя.

– Нет! Я – Рита!

На мгновение ей показалось, что откуда-то сзади эхом донеслось:

– РИТА-А-А!!!

Но она подумала, что это ей просто показалось.

Мезенцев растерянно стоял на дороге. Он не знал, что ему делать. Конечно, может быть, он преувеличивал опасность. Может, байкер просто порезался? Ведь это бывает. Но...

Внутренний голос, который теперь не замолкал ни на минуту, отвечал: «Это какой же должен быть порез, чтобы ТАК испачкать сапог? Нет, братец. Может, он что и порезал, но явно – не СЕБЯ. Ты ведь понимаешь, ЧТО я имею в виду?»

Да, он понимал.

Мезенцев поискал в карманах деньги. У него было с собой рублей четыреста. Негусто. Хорошо, он поймает попутку, приедет в Ферзиково, расплатится с водителем, а что потом? Выйдет на центральную площадь и спросит: «Скажите, пожалуйста, где здесь живет Рита? Такая красивая девушка, похожая на маленькую птичку? Она еще прыгала сегодня с парашютом?»

И, если в этом Ферзикове живут пятьдесят человек или даже сто – он получит ответ. А если больше ста – то вряд ли. Ему казалось, что в Ферзикове живет больше ста. Намного больше.

«Ладно, это будет потом. Сначала мне нужно туда приехать. А еще лучше – догнать ее по дороге. Там, на месте, разберемся».

«Скажи честно, – требовал внутренний голос, – ты просто хочешь ее увидеть, правда? Очень хочешь еще раз ее увидеть».

«А даже если и так – что в этом плохого?»

«Ну, ладно, – досадливо фыркнул голос. – Вот ты ее увидишь, и что дальше? Что ты ей скажешь? Надеешься, что из тебя вдруг забьет фонтан красноречия? Или надеешься на то, что ОНА тебе что-нибудь скажет?»

Да, Мезенцев больше надеялся на второе. Хотя понимал, что оснований для этого нет. Никаких.

«Я просто хочу убедиться, что с ней все в порядке. И все. И замолчи, наконец. Прекрати ЗВЕНЕТЬ!»

Из-за «горки» снова послышался шум мотора. Мезенцев вышел на середину шоссе и раскинул руки, словно изображал Сына Божьего, преданного распятию – смерти позорной и мучительной. И в какой-то степени это было так. Он был готов к распятию, с той лишь разницей, что ему было наплевать на ВЕСЬ мир, пусть спасается сам. Он хотел спасти (быть может, от надуманной угрозы) только одну девушку. Только одну – ту самую. «Носатую коротышку».

«МОЮ носатую коротышку», – поправил себя Мезенцев.

Он отступал по шоссе назад, опасаясь, что водитель не успеет затормозить. Но он знал, что не уйдет с дороги.

«Это не сложнее, чем прыгнуть с парашютом. Обычное дело. Обычное МУЖСКОЕ дело, капитан Некрасов. Нам ли с тобой это не знать?»

Из-за бугра, в мареве раскаленного воздуха, струящегося над асфальтом, показалась дружелюбная морда серого уазика. Лобовое стекло ослепительно сверкало на солнце, словно было сделано из чистого хрусталя. Посередине, между фарами, шли две неширокие оранжевые полосы. На крыше – «люстра» световой сигнализации, четыре синих проблесковых маячка.

Мезенцев и раньше видел такие машины – в Протвине и в Серпухове. Он знал, что это какая-то служба, но не знал точно какая. Не милиция, не «скорая», но тоже что-то очень важное. Именно то, что ему сейчас было нужно.

Он медленно отступал, раскинув руки. Уазик громко загудел, пытаясь согнать его с дороги, но Мезенцев только улыбнулся и покачал головой.

Уазик подался вправо – он сделал несколько быстрых шагов в ту же сторону. Уазик попытался объехать его слева, но Мезенцев преградил ему путь.

Завизжали тормоза. Машина останавливалась.

Район аэродрома «Дракино». Четвертый экипаж.

– Там какой-то сумасшедший на дороге, – нервно сказал Володя, едва они перевалили «горку». Он нажал на клаксон.

– Сумасшедшие не по нашей части, – отозвался Кстин и вцепился в ручку, торчащую из передней панели. Он оценил ситуацию даже быстрее, чем смог произнести эти слова, и понял, что мужик не даст им проехать. Сейчас придется тормозить, и довольно резко.

– Как сказать, – подал голос как всегда невозмутимый Витя Пастухов, док четвертого экипажа. – Я, например, в институте хотел быть...

Сказать «психиатром» ему не удалось. Водитель Володя пытался объехать мужика, но тот умело перекрывал шоссе, почти как Третьяк – ворота сборной СССР.

Журнал «За рулем», открытый на фотографии «Астон Мартина», вырвался из рук дока и полетел в широкую Володину спину. Пастухов не удержался на скользком дерматиновом сиденье и больно ударился левым виском о невысокую перегородку, разделявшую два передних места и остальную часть салона.

Уазик отчаянно завизжал – старинными барабанными тормозами и такими же старинными «зубастыми» покрышками («На раритете ездим, док! Что там твои „роллс-ройсы“?» – всегда говорил Володя, высмеивая простительную слабость Пастухова к дорогим и старым машинам, фотографии которых он вырезал из журнала) и, прочертив на асфальте две черные полосы, остановился в полуметре от безумного краснолицего мужика, широко раскинувшего руки, будто хваставшегося, «ка-а-а-кую» рыбу ему удалось поймать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.